

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ
КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

С. Н. Гонтарь

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
ЛИЦА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ
ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ**

МОНОГРАФИЯ

Ставрополь, 2013

УДК 343
ББК 67.629.3
Г 65

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Козырев Д.П. – заместитель начальника отдела следственного управления управления МВД России по г. Ставрополю

Рясов Д.А. – старший научный сотрудник филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Северо-Кавказскому федеральному округу

Гонтарь С.Н.

Г_65

Реализация конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни при расследовании уголовных дел: Монография. – Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2013. – 161 с.

Монография посвящена одному из важнейших элементов системы прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве – конституционному праву на неприкосновенность частной жизни. В монографии рассмотрены содержание конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни, история развития данного права и вопросы его правовой регламентации в сфере уголовного судопроизводства.

Данное издание предназначено для научных сотрудников, преподавателей и студентов юридических вузов, практикующих юристов и всех, кого интересует указанная проблема.

ББК 67.629.3

© Гонтарь С.Н., 2013
© Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД
России, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.....	7
ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЛИЦА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ НА ЭТАПЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ...	45
§ 1. Понятие и система гарантий обеспечения права на неприкосновенность частной жизни лица на досудебных стадиях уголовного судопроизводства	45
§ 2. Специфика обеспечения права на неприкосновенность частной жизни участников уголовного судопроизводства при задержании и заключении под стражу	77
§ 3. Проблема обеспечения прав участников процесса на неприкосновенность частной жизни при производстве отдельных следственных действий.....	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	137
БИБЛИОГРАФИЯ.....	141

ВВЕДЕНИЕ

Проблема обеспечения неприкосновенности частной жизни лица в нашей стране никогда не была доминирующей.

Степень свободы человека от вмешательства в его частную жизнь со стороны государственных и общественных организаций, должностных и других лиц зависит от существующего в государстве и обществе политического режима. По степени свободы правовое государство отличается от полицейского, гражданское общество - от тоталитарного¹.

Традиционно в России, особенно в период советской власти, государственные интересы, в сравнении с частными интересами отдельно взятых граждан, были приоритетными². По мнению Н.Н. Ковтуна, «последовательно отстаиваемая и скрупулезно разрабатываемая последние 70 лет нашей правовой наукой ленинская идея о том, что у нас нет ничего частного в области права, ибо в этой отрасли государственной деятельности у нас все публично-правовое, а не частное, не только жестко цементировала собой весь механизм государственной и общественной жизни и детерминировала сферу политики, права, нравственности и культуры, но и в целом низводила личность до положения «винтика», призванного лишь обеспечить нормальное функционирование государственного механизма»³.

Теоретическое обоснование подобного положения дел прочно покоилось на фундаменте теории уголовно-правовых отношений, согласно которой субъектами этих отношений могли быть лишь государство и преступник, содержанием - публичные права и обязанности его субъектов, объектом - уголовная ответственность за содеянное, а реализация и прекращение этих отношений всецело зависели от воли самого государства⁴.

¹ См.: Григорьев И.Б. Конституционное право на тайну сообщений как элемент института неприкосновенности частной жизни в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12, 13.

² *Шадрин В.С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. - М., 2000.-С.10.

³ *Ковтун Н.Н.* «Частная жизнь» и «частный интерес» гражданина как категория уголовно-процессуального права. - Н.Новгород, 1998.

⁴ *Осуженов Н.А.* Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Учеб. пособие. Рязань, 1975.

Интерес лица, потерпевшего от преступления, при этом практически не принимался во внимание, а сама эта личность даже не смела мечтать о том, чтобы когда-нибудь стать равноправным субъектом указанных отношений, чья воля и чей интерес мог бы реально определять их содержание, реализацию или конечный момент⁵. Категории «диспозитивности», «состязательности», «уголовного иска», признаваемые в качестве ведущих начал уголовного судопроизводства практически всей системой англосаксонского и отчасти континентального права, в нашем процессе и процессуальной науке неизбежно подвергались публичному остракизму: потому любая попытка исследовать их априори признавалась бесплодной, научно несостоятельной и идеологически вредной⁶.

Изменение отношения государства к личности связано с принятием в 1993 году Конституции РФ⁷. Концепция прав человека, положенная в её основу, зиждется на признании права отдельного человека на неприкосновенность его частной жизни. Законодатель впервые в Конституции России закрепил право на неприкосновенность частной жизни. В связи с этим частная жизнь лица уже не может рассматриваться как социальная категория, не имеющая правового содержания⁸, всецело лежащая вне правовой действительности, правового регулирования, вне права. Право на неприкосновенность частной жизни лица должно быть признано уголовно-процессуальным законом в качестве основополагающего принципа уголовного судопроизводства и защищено им от произвольного вмешательства со стороны государства и иных лиц. Принцип неприкосновенности частной жизни лица в уголовном судопроизводстве - гарантия соблюдения рассматриваемого права при производстве процессуальных и следственных действий, т.е. реализация в уголовном

⁵ Ковтун Н.Н. Соотношение частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве РФ: время выбора // Гос. и право. 1995. № 11. - С. 66-70.

⁶ Бойков А.Д. Современные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства и некоторые вопросы теории // Сб. «Укрепление законности в уголовном судопроизводстве». - М., 1986. - С. 20.

⁷ Конституция РФ. - М., 1993.

⁸ Смолькова И.В. Частная жизнь граждан: основания и пределы уголовно-процессуального вмешательства. - М., 1997. - С. 5.

судопроизводстве права на неприкосновенность частной жизни уже не зависит от воли правоприменителя. «Там, где есть выбор, где уголовно-процессуальный закон предоставляет свободу усмотрения, отношения основываются на нравственных правилах и нормах»⁹, но, тем не менее, «свобода усмотрения» правоохранительных органов и суда по ограничению конституционных прав и свобод граждан должна быть минимальной. При отсутствии надлежащих законодательных гарантий единственным барьером, препятствующим нарушению прав граждан на частную жизнь, в уголовном судопроизводстве выступает профессиональная этика работников правоохранительных органов. В данном вопросе мы поддерживаем мнение А.С. Кобликова, который справедливо отмечает, что нужны более надежные гарантии, чем надежда на то, что следователи и судьи будут неукоснительно соблюдать профессиональную этику, тем более что зачастую этичность того или иного действия неочевидна¹⁰. А поскольку именно в области уголовного при расследовании уголовных дел частная жизнь гражданина судопроизводства наиболее часто игнорируется государственной властью и именно здесь государственное принуждение наиболее грубо вторгается в её сферу, многократно возрастает актуальность исследования границ допустимости и пределов такого вмешательства, научная разработка которых позволит, наконец, обеспечить реальное господство права, а не произвольно установленного властью закона, и подлинный баланс интересов личности, общества и государства в столь специфической отрасли государственной деятельности.

⁹ Ветрова Г.Н. Закон и нравственность в уголовном судопроизводстве // Вестник Моск. ун-та. (Сер. 11. «Право») № 1. 1996. - С. 55.

¹⁰ Кобликов А.С. Юридическая этика. - М., 2002. - С. 44.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Проблемы охраны конституционного права на неприкосновенность частной жизни лица при расследовании уголовных дел остаются малоизученными. Это связано с тем, что в отечественном праве данному институту уделялось недостаточно внимания, не смотря на то, что в нормах международного права «частная жизнь лица» признавалась неотъемлемым правом каждого. Так, в соответствии со ст. 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 года¹¹ никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию; каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств. Аналогичные положения содержатся в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах¹², и во многих других международных договорах, посвященных правам человека.

В российском законодательстве право на неприкосновенность частной жизни впервые получило свое отражение в Конституции РФ 1993 г. В 1996 в УК РФ была включена уголовная ответственность за нарушение этого права.¹³

В статье 23 Конституции РФ указывается на то, что объектом охраны выступают общественные отношения, возникающие по поводу неприкосновенности частной жизни. Конституция четко определяет, что

¹¹ Всеобщая Декларация прав человека (Резолюция 217А (111) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948г.) // Рос. газета. 1998. 10 дек.

¹² Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

¹³ Более подробно об уголовно-правовом аспекте охраны неприкосновенности частной жизни см.: Кадников Б.Н. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: научно-практическое пособие / под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2011. 136 с.

неприкосновенным является частная жизнь. Несмотря на использование законодателем в нормативных актах понятий «частная жизнь», «неприкосновенность частной жизни», они не имеют своего официального толкования; в научной литературе также нет общепризнанного определения этих понятий, как и единства в суждениях по поводу их содержания. А между тем, необходимо еще и разделить категории «частная жизнь», «неприкосновенность частной жизни», «право на неприкосновенность частной жизни», уточнить сущность и содержание каждой из них. Невозможно также создать надежные механизмы правовой охраны частной жизни лица в уголовном судопроизводстве, не раскрыв её понятия и содержания.

В толковом словаре русского языка Ожегова С.И., Шведова Н.Ю. представлено пять значений слова «частный», из которых к теме исследования относятся два: личный, необщественный, негосударственный; принадлежащий отдельному лицу, не обществу, не государству¹⁴. В обоих случаях, независимо от смысловых оттенков, подчеркивается противопоставление частного и общественного (государственного), неподконтрольность частного обществу и государству. Слова «личный» и «частный» выступают как синонимы.

«Жизнь» в этом контексте понимается как «деятельность человека в тех или иных ее проявлениях»¹⁵. В данном случае - деятельность конкретного человека, не зависящая от государства, общества, других лиц, часть бытия человека, касающаяся только его. Каждый человек не просто биологический организм, развивающийся по определенным законам природы, он социальный индивид, который, живя в обществе ему подобных, принужден непрерывно получать и перерабатывать информацию, которая становится частью его «его», элементом частной жизни. Данное обстоятельство связано с особенностью биологической организации, а также необходимым условием

¹⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1998. - С. 878.

¹⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. - С. 194.

развития человека¹⁶.

Каждый человек имеет собственное представление о понятии «частная жизнь»; представление это зависит и от психологических характеристик конкретного человека, и от тех норм и традиций, которые существуют в том или ином обществе в определенный исторический период. В юридической литературе в понятие частной жизни включают максимально широкий круг отношений непротивоправного характера, выходящих за рамки служебной деятельности человека, вопрос разглашения сведений о которой он решает самостоятельно; вследствие этого такие отношения не подлежат прямому государственному контролю¹⁷.

В.М. Баранов понимает под частной жизнью человека «совокупность тех видов и форм духовной и физической жизнедеятельности, которую он сам себе устанавливает, развивает, контролирует и самостоятельно определяет степень ее открытости»¹⁸.

А.И. Денисов определяет частную жизнь как «сферу индивидуального способа удовлетворения материальных и духовных потребностей человека при общей обусловленности общественной жизнью».¹⁹

И.Л. Петрухин включает в частную жизнь всю сферу семейной жизни, родственных и дружеских связей, домашнего уклада, интимных и других личных отношений, привязанностей, симпатий и антипатий, а также образ мыслей, увлечения, творчество²⁰. «Частная жизнь, - пишет он, - представляет собой жизнедеятельность человека в особой сфере семейных, бытовых, личных, интимных отношений; свободу уединения, размышления, вступления в контакты с другими людьми или воздержание от таких контактов; свободу высказываний и правомерных поступков вне служебных отношений; тайну жилища, дневников, других личных записей, переписки,

¹⁶ Козулин А.И. Об источниках прав человека // Гос. и право. - 1994. - № 2.

¹⁷ Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования). - М., 1996. - С. 25.

¹⁸ Баранов В.М. О законодательном определении категории «частная жизнь» // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни // Сборник научн. тр. Ч. 1. - Н.Новгород, 1999. - С. 35.

¹⁹ Денисов А.И. Общая система социалистической демократии. - М., 1975. - С. 176; Он же. Конституционный статус личности в СССР. - М., 1979. - С. 90-94.

²⁰ Петрухин И.Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. - М., 1989. - С. 8.

других почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, содержание телефонных и иных переговоров; тайну усыновления; гарантированную возможность доверить свои личные и семейные тайны священнику, врачу, адвокату, нотариусу без опасения их разглашения»²¹. По его мнению, домашний уклад, интимные привязанности, личные симпатии и антипатии также охватываются понятием частной жизни. Все, что происходит в жилище, не может прослушиваться и предаваться гласности. Семейный бюджет, распоряжение личной собственностью и денежными вкладами, само их наличие - все это также сфера частной жизни, считает автор.

Т.Н. Москалькова и Б.Т. Безлепкин полагают, что частная жизнь означает ту область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, принадлежит и дорогá только ему, касается только его, а не общества и не государства и не подлежит контролю с их стороны (область, сфера личных неслужебных дел)²².

Частная жизнь, указывают О.Л. Красавчикова и И.В. Смолькова, «это сфера наиболее деликатных и психологически уязвимых отношений, основанных на человеческом естестве и связанных со свободой личности»²³. А.В. Стремоухов, напротив, считает, что содержание понятия частной жизни довольно широко и, соответственно, чрезвычайно велик диапазон прав человека, составляющий частную жизнь - от права на неприкосновенность частной жизни до тайны вкладов и счетов.²⁴

Такого же мнения придерживаются М.В. Баглай и Б.Н. Габричидзе, утверждающие, что частная жизнь – это нематериальное благо, дающее каждому человеку возможность иметь собственный мир интимных, деловых, семейных и прочих интересов, не терпящий вторжения в него государства, общества и других граждан, скрытый от чужих глаз. Частную жизнь

²¹ *Петрухин И.Л.* Конституция Российской Федерации: научно-практический комментарий / Под ред. Б.Н. Топорнина. - М., 1997. - С. 201.

²² *Безлепкин Б.Т.* Судебно-правовая защита прав и свобод граждан в отношениях с государственными органами и должностными лицами. - М., 1997. - С. 56; *Москалькова Т.Н.* Этика уголовно-процессуального доказывания. - М., 1996. - С. 24.

²³ *Красавчикова О.Л.* Личная частная жизнь под охраной закона. - М., 1983. - С. 17; *Смолькова И.В.* Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе// Дис... докт. юрид. наук. Иркутск, 1998. - С. 55.

²⁴ *Стремоухов А.В.* Человек и его правовая защита. - СПб., 1986. - С. 148.

составляют те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других. Это своеобразный суверенитет личности, означающий неприкосновенность его «среды обитания»²⁵.

Авдеев М.Ю. полагает, что «категория "частная жизнь" не имеет юридического содержания; правовое регулирование лишь устанавливает пределы ее неприкосновенности ("приватности") и соответственно пределы допустимого вмешательства».²⁶

Рассматривая содержание права на неприкосновенность частной жизни лица в уголовном судопроизводстве, целесообразно, на наш взгляд, учитывать положительный опыт его правовой регламентации в зарубежных странах, в частности США. Там идея об охране частной жизни реализована в IV поправке «Билля о правах», которая гласит: «Право народа на гарантии неприкосновенности личности, жилища, документов и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться».

Постепенно к середине 70-х годов прошлого столетия в практике Верховного суда США выработалась концепция, согласно которой поправка IV представляет собой конституционную охрану не только и даже не столько частной собственности, сколько частную жизнь граждан, свободу от излишнего и неправомерного вмешательства государства в сферу их частной жизни.²⁷

Концепция неприкосновенности частной жизни в американской юриспруденции обозначена словом «прайвеси». Этим термином в США обозначаются все аспекты частной жизни, индивидуального бытия человека: интимный мир, сфера личных отношений, частная переписка, записи, дневники, высказывания и религиозные убеждения и т.п. Как отмечает М.С. Дунаева, «законодательство о «прайвеси» восходит к 1361 г., когда

²⁵ Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для юридических вузов и факультетов. - М., 1996. - С. 172.

²⁶ Авдеев М.Ю. К вопросу о содержании и значении категории "частная жизнь" в современном конституционном законодательстве // Новый юридический журнал. 2012. № 4. С. 83 - 89.

²⁷ Махов В.Н., Пешиков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии): Учебное пособие. - М., 1998. - С. 16.

английскими судьями был принят Мирный акт (Peace Act)²⁸.

Термин «прайвеси», прочно вошедший в политико – правовой лексикон США, не имеет адекватного эквивалента в русском языке. В дословном переводе с английского термин «**privacy**» означает «уединение», «уединенность», «тайну»²⁹. Как справедливо отмечает В. Власихин, под термином «прайвеси» обычно подразумевают «все те аспекты жизни человека, которые подлежат безусловной правовой охране от каких-либо посягательств извне (со стороны государства или со стороны других индивидов): интимный мир человека, сфера его личных отношений, в том числе семейная жизнь, убеждения, личные права, неприкосновенность личности, жилища, корреспонденции, репутация, личные неформализованные связи с другими людьми, религиозные и политические убеждения. Американские юристы включают сюда и такие дефиниции, как право человека контролировать «собственное жизненное пространство», «собственную личность», «информацию о самом себе»³⁰. Авторы англо-русского юридического словаря предлагают переводить слово **privacy**, наряду с другими значениями, как «неприкосновенность частной жизни»³¹.

На наш взгляд, объективное существование особого рода сведений, отношений и тайн, составляющих частную жизнь лица, а также потребности в их неразглашении и охране требуют законодательного закрепления частной жизни как правового явления объективной действительности и создания правовых механизмов, гарантирующих каждому лицу реализацию данного права. Право на существование частной жизни и её неприкосновенность закреплено в международных нормативных документах, в которых декларируются общечеловеческие ценности и принципы уважения прав и свобод человека, право на неприкосновенность частной жизни. К таким международно-правовым актам относятся, прежде всего, такие документы,

²⁸ Дунаева М.С. Основания и пределы уголовно-процессуального вмешательства в частную жизнь граждан: Дис... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. - С. 24-25.

²⁹ Мюллер В.К. Англо-русский словарь. - М., 1992. - С. 553.

³⁰ Власихин В. Феномен Верховного Суда США: Американский ареопаг в первом доме на Первой улице // Рос. юстиция. 2000. № 11. - С. 56.

³¹ Андрианов С.Н., Берсон А.С., Никифоров А.С. Англо-русский юридический словарь. - М., 1993. - С. 342.

как Всеобщая декларация прав человека³², Международный пакт о гражданских и политических правах³³, Конвенция о защите прав человека и основных свобод³⁴.

Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., фиксирует ряд принципиальных требований к организации правосудия, которые с полным основанием можно отнести к числу общечеловеческих правовых ценностей. Статья 12 декларации провозглашает: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

Аналогичные положения установлены в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, запрещающие произвольное или незаконное вмешательство в личную или семейную жизнь гражданина, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции.

В ст. 8-ой Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривается: «1) Каждый имеет право на уважение его частной жизни, его семьи, его жилища и корреспонденции; 2) Вмешательство публичной власти в осуществление этого права не допускается, за исключением случаев, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности страны, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, охраны здоровья или нравственности, или защиты прав и свобод других лиц».

Нормы международного права обращены ко всем народам и государствам и нашли отражение в Конституции Российской Федерации 1993 г., содержащей «развернутую систему норм, создающих гарантии прав

³² Всеобщая Декларация прав человека (Резолюция 217А (111) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948г.) // Рос. газета. 1998. 10 дек.

³³ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

³⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколы к ней // Собр. законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

личности, ... которые отражают общечеловеческие правовые и нравственные ценности»³⁵, включая гарантии неприкосновенности частной жизни. Согласно ст. 23 Конституции РФ каждый человек имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Конституционное положение получило свое развитие в отраслевом законодательстве России. Например, нормативные положения, закрепляющие право на неприкосновенность частной жизни как охраняемое законом благо, содержатся в ст.ст. 161, 182 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ст. 137 Уголовного кодекса РФ, ст. 150 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ, ст. 10 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 86 Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ, ст. 9 Федерального закона РФ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ, ст. 6 Федерального закона РФ «О государственной судебно – экспертной деятельности в РФ» от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ, ст. 25 Закона «О связи» от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ, ст. 5 Федерального закона РФ «Об оперативно – розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ, ст. 5 Закона РСФСР «О Милиции» от 18 апреля 1991 года № 1026-1, ст. 6 Федерального закона РФ «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ, ст. 24 закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года № 5485-1, ст. 28 Федерального Конституционного закона РФ «Об уполномоченном по правам человека в РФ» от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ и др.

Хотя законодатель создал достаточно обширную законодательную базу, закрепляющую право на неприкосновенность частной жизни, и широко оперирует словосочетанием «неприкосновенность частной жизни», нормативная дефиниция частной жизни в действующем российском уголовно-процессуальном законе (да и не только в нём) отсутствует. Нет

³⁵ Кобликов А.С. Юридическая этика. 2-е изд., - М., 2003. - С. 35.

определённости и в доктринальном её истолковании. Большинство норм отраслевых законов, так или иначе отражающих данное право, не имеют единой концепции защиты прав человека, а в основном отражают какой-то ведомственный или корпоративный интерес, защищая один из составных элементов частной жизни. По данным социологических исследований, проведенных среди сотрудников правоохранительных органов, 56 % опрошенных считают необходимым разъяснить в действующем УПК РФ понятие неприкосновенности частной жизни.

Отсутствие законодательного толкования рассматриваемых понятий в законодательных актах И.В. Смолькова видит в том, что частная жизнь, личная и семейная тайна относятся к области нравственных отношений³⁶. Связано это, в первую очередь, с тем, что потребность в частной жизни лежит за пределами материального права. Однако именно право выражает, закрепляет эту потребность и обеспечивает ее удовлетворение. В современном обществе распределение и закрепление свободы человека и государства находит свое отражение в праве.³⁷ Право, выражая исторически определенную меру свободы личности и общества, выступает средством согласования и уравнивания интересов в обществе; в праве представлены обе грани интересов частного и публичного.³⁸ Право на частную жизнь, как и всякое субъективное право, есть социальное благо, для защиты которого гражданин может прибегнуть к принудительной силе государства³⁹.

Как справедливо отмечает Г.Б. Романовский, «право на неприкосновенность частной жизни приобретает свою ценность только в государстве. Оно ему нужно, поскольку индивид не единичен, живет среди ему подобных» и «только закрепление субъективного права на

³⁶ Смолькова И.В. Тайна: понятие, виды, правовая защита. - М., 1998. - С. 74.

³⁷ Теория государства и права. / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. - М., 1987. - С. 238.

³⁸ Сабитенов С. Сочетание общественных и личных интересов в советском праве / Автореф. дис... канд. юрид. наук. - М., 1969. - С. 9; Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Изд-во Уральского университета, 1990. - С. 54; Иеринг Р. Борьба за право. - М., 1991. - С. 8; Теория государства и права. / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. - М., 1987. - С. 238; Матузов Н.И. Теория государства и права. - М., 1997. - С. 220.

³⁹ Петрухин И.Л. Личная жизнь: Пределы вмешательства. - М., 1989. - С. 7.

неприкосновенность частной жизни в действующем законодательстве приводит к его реальному осуществлению»⁴⁰. По этому поводу В.С. Шадрин пишет: «Гражданин нуждается в государстве, рассчитывает на охрану и защиту его интересов со стороны государства. Но государство обязано считаться с необходимостью некоторой автономизации его существования, определяемой присущими личности человеческим достоинством и ее естественным стремлением к личной свободе»⁴¹.

Существование современного человека в отрыве от государства и общества невысказано. Тем не менее коллизии между частным и публичным интересами возникают постоянно. В этой связи приобретают большое значение вопросы достижения баланса между этими интересами, определения пределов государственного вмешательства в частную сферу. Ситуации, когда вторжение государственной власти в частную жизнь граждан неизбежно, возникают в трех основных сферах: 1) в области борьбы с преступлениями и другими правонарушениями; 2) в условиях эпидемии или стихийного бедствия; 3) при военном и чрезвычайном положении⁴².

Конфликт законных интересов личности и государства, возникающий в ходе уголовно-процессуальной деятельности, едва ли не самый яркий пример противоречия частного и публичного начал. Большинство опрошенных автором сотрудников правоохранительных органов Ставропольского, Краснодарского краев и Астраханской области (58%) убеждено в существовании противоречий между интересами государства и частных лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Еще 15% полагают, что такой конфликт «скорее существует». Отрицают существование каких-либо противоречий лишь 8% респондентов.

В этом аспекте представляет интерес практика Верховного Суда США, который сформулировал следующие критерии разграничения между сферой частной жизни граждан и интересами государства: 1) явно выраженное

⁴⁰ Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. - М., 2001. - С. 17.

⁴¹ Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. - М., 2000. - С. 41.

⁴² Петрухин И.Л. Частная жизнь: (Правовые аспекты) // Гос. и право. 1999. №1. - С. 64

субъективное стремление индивида оградить ту или иную область своей жизни от чьих-либо вторжений; 2) социальное признание его разумным и обоснованным.

При этом индивид может рассчитывать на защиту своей частной жизни в соответствии с IV поправкой к Конституции, если им самим предприняты меры предосторожности для охраны своей частной сферы.⁴³

Частное и общественное в нашей жизни тесно взаимосвязано и переплетено. Как справедливо отмечает И.Л. Петрухин, «не может быть активной и эффективной общественной деятельности без предоставления человеку возможности уединяться, общаться с близкими ему людьми, самовыражаться за пределами исполнения служебных обязанностей»⁴⁴. Для сохранения индивидуальности, психического равновесия человеку необходимо личное, суверенное «жизненное пространство», где он может укрыться от посторонних взглядов, быть самим собой, не опасаясь, что кто-то нарушит его уединение, вторгнется в его мир. Цивилизованные государства признают это право личности и считают его одной из основных ценностей демократического общества еще и потому, что противоречие между частным и общественным жизненно необходимо и для самого общества. Социальное развитие возможно только при борьбе интересов; это происходит тогда, когда отдельный человек или группа людей не соглашаются с принятыми в данном обществе рамками поведения, выдвигают новые идеи и отстаивают их. Не всегда они бывают позитивными, но многообразие - единственный источник всякого развития. С этой точки зрения признание за каждым членом общества статуса самоценной личности спасительно для общества и в то же время немислимо без уважения права каждого на неприкосновенность частной жизни.

Так, по мнению Н.Г. Беляевой, право устанавливает не только пределы вмешательства в частную жизнь, но и пределы ее неприкосновенности⁴⁵, что,

⁴³ *Махов В.Н., Пешков М.А.* Уголовный процесс США (досудебные стадии). - М., 1998. - С. 37.

⁴⁴ *Петрухин И.Л.* Частная жизнь: (Правовые аспекты) // Гос. и право. 1999. № 1. - С. 64

⁴⁵ *Беляева Н.Г.* Право на неприкосновенность частной жизни: международно-правовое и внутригосударственное

впрочем, не означает, что закрепляемые в нормативных документах права - «дар государства». Подобное отношение к правам человека, как справедливо отмечает И.В. Смолькова, «свойственно тоталитарному режиму и порождает пренебрежительное отношение к закону со стороны властей»⁴⁶. Право на неприкосновенность частной жизни является естественным правом, то есть принадлежащим человеку от рождения и независимо от того, закреплено ли оно в действующем законодательстве. Но именно законодательное закрепление права на неприкосновенность частной жизни служит гарантией каждого реализовать свою потребность в уединении и свободном общении, личной и семейной тайне.

По мнению авторов, важно обратить внимание на то, что право на неприкосновенность частной жизни – это субъективное право⁴⁷. Лицо свободно в своем выборе пользоваться или не пользоваться предоставленным ему правом. Любой человек может охранять свое «жизненное пространство», но может и сделать его открытым для всех, т.е. он сам определяет степень закрытости своей частной жизни.

Также отметим, что право на неприкосновенность частной жизни принадлежит только индивиду. Данное право отражает один из элементов человеческой сущности, оно закрепляется в силу индивидуальных особенностей природы *homo sapiens*. Субъектом права на неприкосновенность частной жизни выступает любой человек, в том числе полностью или ограниченно дееспособный. Лица, страдающие психическими расстройствами и признанные недееспособными, также обладают правом на частную жизнь (в той мере, в какой это позволяет болезнь). Субъектами права на частную жизнь являются также несовершеннолетние. Поэтому на указанных лиц полностью распространяются гарантии, не допускающие предания гласности дефектов физического или психического развития,

регулирование // Российский юридический журнал. 2000. № 1. - С. 39.

⁴⁶ Смолькова И.В. Защита тайн частной жизни уголовно-процессуальным законом // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни. Ч. II. - Н.Новгород: Нижегород.юрид.ин-т МВД РФ, 1999. - С. 147.

⁴⁷ Головкин Р.Б. Право на неприкосновенность частной жизни в пенитенциарной системе современной России // Закон и право. 2004. № 4. – С. 23.

выявленных при экспертизе и освидетельствовании; разглашение личных бумаг, дневников, переписки; вторжение в жилище без законных оснований; разглашение тайн, доверенных врачу, адвокату, нотариусу и т. д. Правом на неприкосновенность частной жизни обладают не только граждане России, но и иностранные граждане и лица без гражданства. Закон РФ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁴⁸ указывает, что иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом (статья 4). Одновременно Конституция РФ, применительно к праву на неприкосновенность частной жизни, не указывает на субъектную принадлежность только граждан РФ, что означает, что иностранные граждане, как и лица без гражданства, обладают этим правом на равных основаниях с российскими гражданами. Право на неприкосновенность частной жизни не может принадлежать юридическому лицу. Оно не может иметь своей частной жизни, потому что цель его создания - экономическая, «внешняя» деятельность. Оно специально создаётся для построения правоотношений с другими субъектами. Действительно, некоторые аспекты деятельности юридического лица должны сохраняться в тайне. Это экономическое планирование, технологии, промышленные секреты и многое другое, так как любая организация живёт в мире конкуренции. Другая фирма, обладая некоторой информацией о деятельности конкурента, может принести серьёзный ущерб. Поэтому российское законодательство, как и законодательство большинства стран, закрепляет понятие коммерческой тайны.

Существует мнение, что в уголовном судопроизводстве имеет место «равное наделение всех участников процесса правом на неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки, телеграфных и телефонных сообщений»⁴⁹. С этим трудно согласиться. Закон вовсе не одинаково

⁴⁸ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

⁴⁹ Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. - Саратов, 1987. - С. 51.

подходит к определению пределов вторжения государства в частную жизнь обвиняемого и потерпевшего. Задержание, избрание меры пресечения, принудительное помещение в медицинское учреждение и принудительное получение образцов для исследования, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка - все эти меры допустимы в отношении обвиняемого и подозреваемого, но их применение запрещено в отношении потерпевшего.

Неотъемлемым элементом частной жизни, без чего данная категория теряет всякий смысл, выступает её «неприкосновенность» со стороны иных лиц, организаций и государства. «Неприкосновенность» в лексическом смысле понимается, в первую очередь, как невмешательство. Собственно невмешательство есть обязанность государства обеспечить позитивное регулирование права на частную жизнь, а также закрепление состояния автономии человека от государства и общества.

В юридической науке предпринимались и предпринимаются попытки так или иначе наполнить понятие «неприкосновенность частной жизни» определенным конституционно-правовым содержанием. «Неприкосновенность частной жизни» в теории понимают как: право на личную и семейную тайну⁵⁰, элемент правового статуса, запрет для вмешательства государства или его обязанность не вмешиваться в частную жизнь, наличие правовых приемов, механизмов и гарантий защиты чести и достоинства от посягательств⁵¹, право лица по своему усмотрению определять личное поведение в индивидуальной жизнедеятельности.⁵²

«Неприкосновенность частной жизни», по мнению И.Л. Петрухина, это «непрерывно поддерживаемое состояние, в котором реализуется правовой статус гражданина в этой сфере жизнедеятельности».⁵³

А.В. Стремоухов полагает, что неприкосновенность частной жизни есть элемент личной неприкосновенности, которую, в свою очередь, он

⁵⁰ *Каишенов В.П.* Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. *Л.А. Окунькова*. - М., 1996. - С. 70-72.

⁵¹ *Смолькова И.В.* Указ. сочинение. - М., 1998. - С. 67, 69, 70-72, 83, 142.

⁵² *Фаддеева Т.А.* Гражданское право. Учебник / Под ред. *Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева*. - СПб., 1996. - С. 28

⁵³ *Петрухин И.Л.* Личная жизнь: пределы вмешательства. - М., 1989. - С. 12.

считает синонимом неприкосновенности личности.⁵⁴ По мнению В.М. Савицкого и А.М. Ларина, неприкосновенность частной жизни означает «свободу человека от государственного и иного постороннего вмешательства в сферу личных, семейных, интимных отношений»⁵⁵.

С точки зрения других ученых, неприкосновенность частной жизни (наряду с неприкосновенностью личности и жилища) представляет собой один из трех видов неприкосновенности, закрепленных в Конституции Российской Федерации, означающий, что «никто не должен вмешиваться в частную жизнь гражданина, собирать о ней сведения, нарушать тайну переписки, телефонных переговоров и иных видов общения граждан друг с другом (ст. 23)»⁵⁶.

Сложность в формулировании понятия «частная жизнь» и законодательном закреплении права на её неприкосновенность заключается, как справедливо отметил Г.Б. Романовский, не только в «раннем возрасте» права на неприкосновенность частной жизни, но и в том, что «оно многими юристами признается как нематериальное благо, которое нельзя вычленишь, оградить, «потрогать». С неприкосновенностью жилища и тайной переписки таких проблем не возникает. Жилище - это объект, который нельзя спрятать в кармане, как и тайна переписки напрямую связана с реальными предметами - письма, телеграммы и так далее»⁵⁷.

Между тем, отмеченные подходы к решению рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, следует признать не совсем удачными. Ключом к наиболее правильному определению нормативного содержания частной неприкосновенности является выяснение сущности и значения понятия «права на неприкосновенность частной жизни».

Л.Д. Воеводин и В.П. Кашепов, понимают под правом на неприкосновенность частной жизни «...предоставленную человеку и

⁵⁴ Стреломухов А.В. Указ. сочинение. СПб, 1986. - С. 149.

⁵⁵ Савицкий В.М., Ларин А.М. Уголовный процесс: Словарь-справочник. - М., 1999. - С. 81.

⁵⁶ Конституция Российской Федерации: Словарь-справочник / В.А. Туманов, В.Е. Чиркин, Ю.А. Юдин и др. - СПб., 1995. - С. 131-132.

⁵⁷ Романовский Г.Б. Нормативное закрепление права на неприкосновенность частной жизни // Юрист. 2000. - № 11. - С 3.

гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера»⁵⁸. С точки зрения Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну проявляется в запрещении без согласия лица сбора, хранения, использования и распространения информации о его частной жизни⁵⁹.

По мнению С.А. Горшковой, обеспечение права на неприкосновенность частной жизни человека является назначением прав личности, закрепленных в ст.23-27 Конституции РФ⁶⁰. Л.Д. Воеводин включает права, сосредоточенные в ст. 20-29, 38 Конституции Российской Федерации, в систему прав и свобод человека в сфере личной безопасности и неприкосновенности частной жизни⁶¹.

Как видим в юридической литературе выказываются различные точки зрения на компоненты права на неприкосновенность частной жизни граждан. Л.В. Майорова обобщила элементы структуры права на неприкосновенность частной жизни, к числу которых отнесла: 1) право на свободу поведения (в том числе быть свободным от чье-либо незаконного контроля); 2) право на тайну частной жизни (личная тайна, семейная тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений); 3) право на защиту личности (защита своего имени; защита своей чести, достоинства и деловой репутации; защита права на пользование родным языком и свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества); 4) право на защиту жилища (неприкосновенность жилища)⁶². В.Н. Лопатин дополняет данный перечень правом на тайну голосования, которое «выступает как необходимое условие реализации свободы личности

⁵⁸ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: Учеб. пособие. - М., 1997. - С. 199; Уголовный процесс: Учебник / Под ред. И.Л. Петрухина. - М., 2001. - С. 73

⁵⁹ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. - М., 1999. - С. 218.

⁶⁰ Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство: Монография. - М., 2001. - С. 105.

⁶¹ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. - М., 1997. - С. 190-191.

⁶² Майорова Л.В. Охрана тайн в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 1999. - С. 9

гражданина, то есть как часть его личной свободы»⁶³.

Такое понимание права на неприкосновенность частной жизни вызывает ряд возражений. Прежде всего представляется ошибочным отождествление неприкосновенности частной жизни и свободы личности в целом, т.к., по мнению авторов, понятие свободы личности шире. Таким образом, права, составляющие (или обеспечивающие) свободу личности, необязательно одновременно выступают как компоненты права на частную жизнь.

Тайну голосования, на наш взгляд, следует рассматривать как гарантию свободной реализации права граждан избирать и быть избранными, которое относится к категории политических прав и свобод. В то же время следует подчеркнуть неразрывную связь права на неприкосновенность частной жизни с политическими свободами. В тоталитарном государстве, где эти свободы отсутствуют или урезаны, право на частную жизнь серьезно ограничено.

По нашему мнению, выделяя вышеуказанные структурные элементы права на неприкосновенность частной жизни, Л.В. Майорова не учла важный момент. Согласно общей теории права «в личном неимущественном правоотношении участвуют управомоченный и обязанный субъекты»⁶⁴. Исходя из этого, мы полагаем необходимым выделить один обязательный элемент структуры права на неприкосновенность частной жизни - обязанность всех субъектов не нарушать данное право.

Рассматривая положения о праве на неприкосновенность частной жизни, различные отрасли права конструируют собственные элементы права на частную жизнь, включая их в систему гарантий её неприкосновенности⁶⁵.

Изложенное выше позволяет нам обосновать фундаментальность права на неприкосновенность частной жизни через его признаки:

⁶³ Лопатин В.Н. Защита права на неприкосновенность частной жизни // Журнал российского права. 1999. № 1. - С. 86.

⁶⁴ Малеша М.Н. Содержание и осуществление личных неимущественных прав граждан: проблемы теории и законодательства // Гос. и право. - 2000. - № 2. - С. 16.

⁶⁵ См., напр.: Парицуткин В. Всегда ли оправданно сохранение тайны усыновления // Рос. юстиция. 1999. № 3. - С. 22; Воронова Н. Что понимать под «неприкосновенностью частной жизни» // Рос. юстиция. 2000. № 3. - С. 9-10.

1) принадлежность права на неприкосновенность частной жизни к неотчуждаемым правам – возникновение данного права с момента рождения человека;

2) неотъемлемость права на неприкосновенность частной жизни от человека. Рассматриваемое право «имманентно человеку как жизнедеятельному существу, которое нельзя отделить от него без явной угрозы потерять в нем члена общественного союза»⁶⁶;

3) право на неприкосновенность частной жизни существует объективно и реализуется непосредственно, т.е. без какого-либо правоприменительного акта;

4) право на неприкосновенность частной жизни регулируется как правовыми нормами (его объем может быть уменьшен, например, для обеспечения общественной безопасности), так и нормами морали.

Изложенные признаки свидетельствуют, что конституционное право на неприкосновенность частной жизни является неотчуждаемым и относится к категории основных прав человека.

Для создания эффективного механизма защиты права на неприкосновенность частной жизни законодателю следует дать правовое определение частной жизни. По нашему мнению, такое понятие можно отразить в ст. 5 УПК РФ в следующей формулировке:

«59.1) частная жизнь лица – нематериальное благо, состоящее из совокупности охраняемых законом тайн, охватывающих своим содержанием сведения о жизнедеятельности лица, не допустимые к разглашению кем бы то ни было без волеизъявления того лица, кого эти сведения касаются;»

На наш взгляд, все личные права, составляющие право на неприкосновенность частной жизни, увязаны одним основным, стержневым стратегическим в данной области правом - правом каждого человека на личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ). Именно наличие

⁶⁶ Головкин Р.Б. Право на неприкосновенность частной жизни в пенитенциарной системе современной России // Закон и право. 2004. № 4. – С. 24.

тайны в сфере личных, семейных и иных отношений наполняет содержанием понятие «частная жизнь» и определяет необходимость правовой охраны этой тайны. Граница между понятиями «неприкосновенность» и «тайна» весьма условна. То, что неприкосновенно, содержится в тайне от органов государства, и наоборот: тайное неприкосновенно. Например, неприкосновенность жилища можно рассматривать как тайну всего происходящего в нем. С другой стороны, разные виды тайн (тайна следствия, адвокатская, переписки и т.д.) представляют собой содержание права гражданина на неприкосновенность его частной жизни⁶⁷. От того, насколько гарантировано сохранение этих тайн, как глубоко и на каких основаниях государство может проникать в их содержание, напрямую зависит степень свободы личности.

До недавнего времени авторы ограничивались определениями тайны, изложенными в словарях русского языка. Наиболее часто ссылались на определения С.И. Ожегова и В.И. Даля. По мнению С.И. Ожегова, тайна это: 1) нечто неразгаданное, еще не познанное, 2) нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет⁶⁸. Согласно определению В.И. Даля тайна представляет собой «все сокрытое, неизвестное, неведомое, нечто скрытно хранимое, что скрывают от кого-либо с намерением, таят»⁶⁹. И.В. Смолькова полагает, что приведенный в словарях русского языка смысл термина «тайна» с юридической точки зрения недостаточен, поскольку чрезмерно расширяет пределы тайны⁷⁰. В свою очередь, она же определила тайну как секретную или конфиденциальную информацию (сведения), которая известна или доверена узкому кругу субъектов, разглашение которой влечет юридическую ответственность⁷¹.

В этой связи А.В. Крылов обращает внимание на то, что «содержание любой тайны, вне зависимости от специфики ее разновидностей, заключается

⁶⁷ Петрухин И.Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. - М., 1989. - С. 13-14.

⁶⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1985. - С. 723.

⁶⁹ Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. Т. 4. - М., 1956. - С. 386.

⁷⁰ Смолькова И.В. Гласность и тайна в уголовном процессе // Законность. 1998. № 7. - С. 39-42.

⁷¹ Там же. - С. 42.

в том, что предмет тайны образуют сведения, не предназначенные для широкого круга лиц, их разглашение может повлечь нежелательные последствия для хранителей и носителей тайны»⁷².

С точки зрения М.Н. Малеиной, «тайну частной жизни составляют сведения об определенном человеке, не связанные с его профессиональной или общественной деятельностью и дающие оценку его характеру, облику, здоровью, материальному состоянию, семейному положению, образу жизни, отдельным фактам биографии, а также его отношениям с родственниками, друзьями, знакомыми и т.п.»⁷³.

Если представить право лица на частную жизнь в сфере уголовного судопроизводства как совокупность охраняемых законом тайн, то среди них можно выделить **тайны личные** (никому не доверенные) и **тайны профессиональные** (доверенные представителям определенных профессий для защиты прав и законных интересов граждан). В этом смысле к личным тайнам следовало бы отнести тайну творчества и общения, тайну семейных и интимных взаимоотношений, тайну усыновления, тайну жилища, дневников, личных бумаг, тайну почтово-телеграфной корреспонденции и телефонных переговоров.

По мнению Т.Н. Москальковой, «личная и семейная тайны являются составными частями личной жизни, относительно обособленные зонами наиболее деликатных, интимных сторон личной (частной) жизни, когда разглашение определенных сведений является не только нежелательным, но и вредоносным, пагубным с нравственной точки зрения. Личная и семейная тайны могут при определенных обстоятельствах совпадать или быть обособленными друг от друга»⁷⁴. К личной тайне она относит, например, сведения о состоянии здоровья, особенно в тех случаях, когда человек страдает так называемыми «дурными» болезнями, т.е. такими, которые считаются постыдными с точки зрения общественной морали; любовные

⁷² Крылов А.В. К вопросу об определении тайны следствия // Рос. следователь. 2003. № 9. - С. 32.

⁷³ Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. - М., 2001. - С. 153.

⁷⁴ Москалькова Т.Н. Указ. соч. - С. 25.

связи, особенно когда они сопряжены с супружеской изменой; дурные пристрастия, склонности, привычки, врожденные, наследственные и приобретенные пороки, граничащие порой с нервно-психическими аномалиями, а также скрытые физические недостатки; порочное социальное прошлое человека и гражданина, с которым он расстался и за которое, может быть, рассчитался и с обществом, и с государством (например, снятая или погашенная судимость), а также порочащие человека деловые и дружеские связи⁷⁵.

По нашему мнению, семейную тайну составляют сведения об обстоятельствах, которые касаются только семьи, и, по моральным соображениям, правомерно скрываются ее членами от посторонних. Скрываемые обстоятельства могут касаться всех без исключения членов семьи или лишь отдельных из них. В подобных случаях эти сведения являются тайной не только для окружающих, но и для отдельных членов семьи. Вся сфера семейной жизни, домашнего уклада, родственных и дружеских связей, привязанностей, симпатий и антипатий охватывается понятием неприкосновенности частной жизни. К сфере частной жизни относится интимная сторона жизни любого человека. Под интимной жизнью следует понимать самое сокровенное, затаенное, сугубо личное в отношениях между людьми. Разглашение сведений об интимной жизни обычно вызывает чувство стыда, дает повод для сплетен и кривотолков, оскорбляющих честь и достоинство личности, портит репутацию.

Право на частную жизнь — это также неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ). Как отмечают А. Зарицкий и В. Малахова, «сущность неприкосновенности жилища заключается в свободе человека от любого незаконного, необоснованного проникновения в обитаемое жилое помещение, которое он постоянно или временно на законных основаниях занимает»⁷⁶. Проблема обеспечения неприкосновенности жилища занимает

⁷⁵ Там же. - С. 26.

⁷⁶ Зарицкий А., Малахова В. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища // Уголовное право. 2003. № 2. - С. 30.

важное место в международно-правовых и межгосударственных актах. Так, согласно ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, никто не должен подвергаться незаконному посягательству на его жилище.⁷⁷ Точно так же, согласно ст. 17 Международного соглашения о политических и гражданских правах, никто не может быть подвергнут самовольному или незаконному посягательству на неприкосновенность его жилища⁷⁸. Человек имеет право на уединение в занимаемом им и его семьей помещении. Все, что происходит в жилище, не может быть предано гласности без согласия заинтересованных лиц. Доступ в жилище посторонних лиц возможен лишь при ясно выраженной согласии проживающих в нем граждан. Неприкосновенны личные бумаги, дневники, зарисовки, хранящиеся в жилище, а также и за его пределами. Их содержание может быть разглашено лишь с согласия владельца.

Каждый человек сам определяет сумму сведений, которые характеризуют его частную жизнь и которые он по этой причине желал бы сохранить в тайне. Право на частную жизнь означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, не допускать разглашения сведений частного, интимного характера. Из права на частную жизнь вытекает недопустимость слежки за человеком, прослушивания и записи личных разговоров, ведущихся дома или в общественных местах (ресторанах, гостиницах и т. д.), в том числе телефонных переговоров (ст. 23 Конституции РФ).

Право человека на частную жизнь — это также возможность его беспрепятственного общения с другими людьми через посредство почты и телеграфа. Государство гарантирует тайну почтовой корреспонденции и телеграфных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ). Это позволяет людям быть искренними в обмене информацией частного характера и не опасаться

⁷⁷ Всеобщая Декларация прав человека (Резолюция 217А (111) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948г.) // Рос. газета. 1998. 10 декабря.

⁷⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. №12. - С. 511; Об этом же: Кулагин Н.И., Попова В.В. Культура и профессиональная этика следователя. – Саратов, 2002. – С. 49-50.

преследований за откровенность.

В основе **профессиональных тайн** лежат личные тайны, защищенные от разглашения правовыми запретами, адресованными тем, кому эти тайны по необходимости доверены. В качестве разновидностей профессиональной тайны выступают сведения о частной жизни человека, которые становятся известными определенным категориям лиц в связи с их профессиональной деятельностью, а неразглашение которых вменено им в обязанность⁷⁹. В уголовном судопроизводстве к числу профессиональных тайн, полагаем, можно отнести тайну адвокатского представительства, тайну исповеди, тайну предварительного следствия, тайну денежного вклада (банковская тайна).

Адвокатская тайна. Необходимость соблюдения такой разновидности профессиональной тайны была обоснована выдающимся юристом А. Ф. Кони, указавшим, что «проникнут нравственным элементом закон в том случае, когда воспрещает спрашивать о сознании подсудимого своему защитнику. Защитнику открываются тайники души, ему стараются разъяснить свою виновность или объяснить свое падение и свой, скрываемый от других позор, такими подробностями личной жизни, по отношению к которым слепая Фемида должна быть и глухою».⁸⁰ Возможность участия защитника в уголовном судопроизводстве является не привилегией отдельных лиц, а неотъемлемым правом каждого подозреваемого и обвиняемого, обеспеченного силой закона, требующего от дознавателя, следователя, прокурора и суда обеспечения обвиняемому возможности воспользоваться своими правами⁸¹. Адвокат-защитник тесно связан со своим подзащитным (доверителем), он может оказывать результативную помощь доверителю только тогда, когда между ними будет достигнуто полное взаимопонимание, так как граждане, обращаясь за юридической помощью в адвокатуру, нередко сообщают сведения частного, интимного характера.

⁷⁹ *Стригалева Д.К.* Неприкосновенность частной жизни как международно-правовой и конституционный принцип деятельности органов предварительного следствия системы МВД: Дис... канд. юрид. наук. - СПб., 2002. - С.29.

⁸⁰ *Кони А.Ф.* Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. - М., 1967. - С. 53-54.

⁸¹ *Козлов А.М.* Конституционное право на защиту в уголовном судопроизводстве: спорные вопросы практики // Журнал российского права. - 2004. - № 5.

Доверитель должен чувствовать абсолютную уверенность в том, что вопросы, обсуждаемые с адвокатом, и предоставленная адвокату информация останутся тайной без каких-либо требований или условий. В данном случае речь идет об адвокатской тайне, емкой юридической категории, тесно связанной с этическими вопросами предварительного расследования.⁸²

Указом Президента РФ от 6 марта 1997 года «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера»⁸³ адвокатская тайна отнесена именно к таким сведениям.

В русском языке значение слова «конфиденциальный» определяется как «секретный, доверительный».⁸⁴ В Определении Конституционного Суда РФ по делу Паршуткина⁸⁵ указывается, что конфиденциальность является гарантией «того, что информация о частной жизни, конфиденциально доверенная лицом в целях собственной защиты только адвокату, не будет вопреки воле этого лица использована в иных целях, в том числе как свидетельство против него самого». Суд прямо указывает, что конфиденциальность отношений адвоката с клиентом «служит обеспечению права каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени», по существу очерчивая тем самым круг не подлежащих огласке сведений.

Конфиденциальность отношений адвоката с клиентом следует рассматривать как гарантию конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, на квалифицированную юридическую помощь, на защиту. Конфиденциальность отношений адвоката и доверителя можно определить как такое состояние защищенности информации, при котором последний «может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы

⁸² Подробно об этом *Кулагин Н.И., Попова В.В.* Ранее указ. Работа. – С. 7-20, 38-57.

⁸³ Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера: Указ президента от 06.03.1997г. № 188 // Собр. законодательства РФ. 1997. № 10. Ст. 1127.

⁸⁴ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. - М., 1999. - С. 292.

⁸⁵ По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 128-О // Собр. законодательства РФ. 2000. № 33. Ст. 3433.

другим лицам» в целях защиты своих прав и интересов⁸⁶. Содержание адвокатской тайны включает: факт обращения или необращения в адвокатское образование за помощью; сведения о содержании, характере, мотивах обращения; сведения о преступлении, соучастниках, характере переписки обвиняемого с адвокатом; любые другие сведения, в том числе о частной жизни доверителя, полученные как от него самого, так и при ознакомлении с документами. Хотя термин «адвокатская тайна» - понятие в уголовном судопроизводстве не новое, тем не менее определение адвокатской тайны на законодательном уровне впервые было дано в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁸⁷. В ст.8 этого закона провозглашено, что «адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю».

Адвокатскую тайну составляют любые сведения, которые стали известны адвокату в связи с осуществлением любого вида представительства, как в рамках уголовного, так и гражданского, арбитражного, административного процесса, а также в рамках профессиональной деятельности по оказанию юридической помощи независимо от времени и обстоятельств получения им таких сведений.⁸⁸ Субъект адвокатской тайны - лицо, получившее сведения от человека, обратившегося к нему именно как к адвокату. Следует сделать оговорку, что, если в дальнейшем обладатель адвокатской тайны прекращает членство в адвокатском сообществе, это не освобождает его от обязанности хранить адвокатскую тайну. Предполагается, что юристы, не входящие в состав адвокатских образований, формы которых определены в ст. 20 Федерального закона РФ «Об адвокатской деятельности

⁸⁶ Гармаев Ю.П. Пределы полномочий защитника в уголовном процессе и типичные правонарушения, допускаемые адвокатами. Практический комментарий законодательства. // Подготовлено и опубликовано в правовой базе Консультант плюс 08.01.2003.

⁸⁷ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: ФЗ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

⁸⁸ По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 128-О // Собрание законодательства РФ. 2000. № 33. Ст. 3433.

и адвокатуре в Российской Федерации»⁸⁹, не связаны обязанностью хранить адвокатскую тайну.

Адвокат должен сохранять конфиденциальность по отношению к любому доверителю независимо от того, носят ли обращения доверителя постоянный или разовый характер. Правило конфиденциальности должно применяться безотносительно к тому факту, что другие люди могут владеть такой же информацией.

Момент возникновения адвокатской тайны определяется моментом обращения к адвокату за юридической помощью. Справедливо отмечает А. Кучерена, что «сам факт обращения, суть проблемы, содержание первичной консультации - предмет профессиональной тайны. Более того, если даже первоначально к адвокату обратились родственники доверителя, с которым впоследствии соглашение заключено не было, общее правило остается неизменным: вся информация, полученная от этого родственника, - адвокатская тайна».⁹⁰

Гарантией сохранения в тайне сведений, сообщенных доверителем адвокату, является установленный законодательно запрет для адвоката разглашать любые сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя (п. 5 ч. 4 ст. 6 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с её оказанием. Обязанность адвоката не разглашать сведения, составляющие адвокатскую тайну, порождает запрет адресованный органам предварительного расследования и суда допрашивать адвоката, защитника об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с её оказанием (п. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

⁸⁹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: ФЗ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

⁹⁰ Кучерена А. Адвокатская тайна // Законность. 2003. № 2. - С. 49.

Освобождение адвоката от обязанности свидетельствовать об обстоятельствах и сведениях, которые ему стали известны или были доверены в связи с его профессиональной деятельностью, служит обеспечению права каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1, Конституции Российской Федерации) и является гарантией того, что информация о частной жизни, конфиденциально доверенная лицом с целью собственной защиты только адвокату, не будет, вопреки воле этого лица, использована в иных целях, в том числе как свидетельство против него самого (статья 24, часть 1; статья 51 Конституции Российской Федерации).⁹¹

Совершенно очевидно, что адвокат по делу, в котором он участвует в качестве защитника, не вправе оказывать конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Досье адвокатов, регистрационные карточки и т.п. должны храниться в условиях, исключающих возможность ознакомления с ними посторонних лиц. Сведения, составляющие адвокатскую тайну, могут быть сообщены как в устной форме, в процессе общения защитника с доверителем, так и посредством переписки.

Тайна переписки гарантирована Конституцией и охраняется законом. В соответствии со ст. 91 Уголовно – исполнительного кодекса РФ «переписка осужденного с защитником или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, цензуре не подлежит», что является дополнительной гарантией обеспечения сохранности адвокатской тайны. Однако законодатель делает исключение из этого правила. Это случаи, когда администрация исправительного учреждения располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование и организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц. В этих случаях контроль почтовых

⁹¹ По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 128-О // Собр. законодательства РФ. 2000. № 33. Ст. 3433.

отправлений, телеграфных и иных сообщений осуществляется по мотивированному постановлению руководителя исправительного учреждения или его заместителя. Безусловно, обеспечение общественной безопасности важная функция нашего государства. Однако позиция законодателя, выраженная в ст. 91 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, противоречит положениям Конституции РФ, где в ч. 2 ст. 23 недвусмысленно указано, что «каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения». Полагаем, законодателю стоит разработать процедуру получения руководителями исправительного учреждения судебного решения на цензуру почтовых отправлений осужденных.

Срок сохранения в тайне сведений, составляющих адвокатскую тайну, законом не установлен. Из этого следует, что адвокат должен хранить вверенную ему тайну не только во время ведения дела, но и после его окончания независимо от стадии процесса, в котором участвовал адвокат, а также от мотивов, по которым поручение было прекращено. Очевидно, что адвокат должен хранить сведения, полученные им от доверителя, бессрочно. Среди юристов бытует мнение, что из данного правила возможны исключения, когда сведения, ставшие известными адвокату в связи с исполнением профессиональных обязанностей, могут быть обнародованы, если они улучшат положение доверителя или послужат его реабилитации. Думается, с таким мнением можно согласиться только при получении адвокатом согласия подзащитного на разглашение тайны или близких родственников умершего доверителя.

Сложно и неоднозначно решается вопрос о поведении адвоката в случае сообщения ему доверителем сведений о готовящемся преступлении, которое еще можно предотвратить, например, об акте терроризма. Гражданский долг любого гражданина - оказать возможное содействие раскрытию преступления. Но адвокат связан тайной, разглашение которой

невозможно ни при каких обстоятельствах. Отступление от норм закона, сообщение в правоохранительные органы о готовящемся преступлении является разглашением адвокатской тайны, что, безусловно, должно повлечь за собой прекращение статуса адвоката. Адвокат в данном случае не может поставить интересы общества или другого лица превыше интересов своего доверителя. Нельзя согласиться с мнением Ю.П. Гармаева о том, что «сообщение адвокатом правоохранительным органам о готовящемся со стороны доверителя преступлении не является нарушением». Тем более нельзя согласиться с тем, что «такое разглашение является обязанностью адвоката, как и любого гражданина».⁹² Полагаем, что единственно правильное разрешение, которое может принять в таком случае адвокат, это разъяснить своему доверителю возможные уголовно-правовые последствия его деяния и настоять на необходимости воздержаться от него.

Предметом адвокатской тайны может являться также государственная тайна. Если в информации, которая может быть использована в качестве доказательств, есть сведения, составляющие государственную тайну, то обвиняемый вправе сообщить их адвокату, если это необходимо для построения линии защиты. Закон РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г.⁹³, в частности ст. 21, предусматривает особый порядок допуска некоторых категорий лиц к государственной тайне. Так, адвокаты, участвующие в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по делам, связанным со сведениями, составляющими государственную тайну, допускаются к ним без проведения проверочных мероприятий, предусмотренных законом. До 1996 г. в практике были случаи, когда адвокаты отстранялись от участия в качестве защитника в производстве по уголовным делам, связанным с государственной тайной, ввиду отсутствия у них специального допуска к ней. Неопределенность в этом вопросе была

⁹² *Гармаев Ю.П.* Пределы полномочий защитника в уголовном процессе и типичные правонарушения, допускаемые адвокатами. Практический комментарий законодательства // Подготовлено и опубликовано в правовой базе Консультант плюс 08.01.2003.

⁹³ О государственной тайне: Закон РФ от 21 июля 1993 года № 5485-1 // Рос. газета. 1993. 21 сентября.

устранена постановлением Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 г.⁹⁴, признавшим распространение ст. 21 Закона РФ «О государственной тайне» на адвокатов, участвующих в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, и отстранение их от участия в деле в связи с отсутствием допуска к государственной тайне, не соответствующим Конституции РФ.

Такое решение вполне оправданно. Как указано в решении Конституционного Суда РФ, «отказ обвиняемому (подозреваемому) в приглашении выбранного им адвоката по мотивам отсутствия у последнего допуска к государственной тайне, а также предложение обвиняемому (подозреваемому) выбрать защитника из определенного круга адвокатов, имеющих такой допуск, обусловленные распространением положения ст. 21 Закона РФ «О государственной тайне» на сферу уголовного судопроизводства, неправомерно ограничивают конституционное право гражданина на получение квалифицированной юридической помощи и право на самостоятельный выбор защитника (ст. 48 Конституции России, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах). Указанные конституционные права, в силу ч. 3 ст. 56 Конституции России не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах⁹⁵. Такая позиция обусловлена наличием различных средств и способов защиты государственной тайны, выбор которых определяется конкретной правоприменительной ситуацией. В нашем случае таким средством сохранения тайны выступает предупреждение адвоката о неразглашении государственной тайны, ставшей ему известной в связи с исполнением своих полномочий, и о привлечении его к ответственности в случае ее разглашения, о чем у него берется расписка, а также об установлении обязанности адвоката хранить профессиональную тайну.

Таким образом, если информация, содержащая государственную тайну,

⁹⁴ По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996г. № 8-П// Собр. законодательства РФ. 1996. № 15. Ст. 1768.

⁹⁵ По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996г. № 8-П// Собр. законодательства РФ. 1996. № 15. Ст. 1768.

может быть использована защитой в интересах обвиняемого, то он вправе сообщить защитнику любые сведения; это не может быть признано разглашением государственной тайны и квалифицироваться в качестве уголовно наказуемого деяния. В противном случае нарушается право на защиту обвиняемого. Защитник здесь выступает как правомочное лицо, которому государственная тайна может быть доверена в рамках исполнения им профессиональных обязанностей⁹⁶.

Тайна исповеди. Конституция РФ (ст. 28) гарантирует свободу вероисповедания, возможность отправления религиозных обрядов, среди множества которых присутствует и исповедь, кстати имеющая место только в христианстве. Тайна исповеди является гарантией неприкосновенности частной жизни верующих. В ч. 7 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях»⁹⁷, говорится, что священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди. Тайна исповеди охраняется законом. Лица, виновные в нарушении этого правила, несут уголовную, административную и иную ответственность, установленную законодательством (ст. 26 указанного Закона). В соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК священнослужитель не подлежит допросу в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди.

Необходимо иметь в виду, что не каждое лицо, являющееся священнослужителем, связано тайной исповеди. Под священнослужителем Русской православной церкви понимается «лицо, имеющее благодать совершать таинства (архиереи и священники) или непосредственно участвовать в их совершении (дьяконы)»⁹⁸. В православной церкви три степени священнослужителей: диаконы, священники и епископы. Диакон не может совершать никакого богослужения самостоятельно, он только служит священнику или епископу. Священники могут совершать все таинства и все

⁹⁶ Кучерена А. Адвокатская тайна // Законность. 2003. № 2. - С. 50.

⁹⁷ О свободе совести и религиозных объединениях: Федеральный закон РФ от 19.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. от 08.12.2003) // Собр. законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

⁹⁸ Покровский Д. Словарь церковных терминов. - М., 1995. - С. 137.

церковные службы, кроме посвящения других священнослужителей и освящения св. антимиса и св. мира. Епископы могут совершать все богослужения и таинства⁹⁹.

Таким образом, дьяконы сами не могут принимать исповедь, а так как исповедь — это таинство, в котором никто, кроме исповедующегося и совершающего таинство, не присутствует, то им, дьяконам, и не может быть что-либо известно из исповеди. Соответственно на дьяконов п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК и ч. 7 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» не распространяются.¹⁰⁰ «В православии исповедь — таинство, иначе называемое таинством покаяния. Во время исповеди человек, исповедующий свои грехи с искренним раскаянием, получает разрешение и оставление грехов. Принимает исповедь священник или архиерей»¹⁰¹.

Сложно и неоднозначно решается вопрос об этической стороне сохранения тайны исповеди в случае, если гражданин сообщает священнику о совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, которое осталось нераскрытым, или о готовящемся преступлении, которое еще можно предотвратить, например, захват заложников, террористический акт¹⁰². Священнослужитель оказывается в весьма затруднительном положении. С одной стороны, он связан тайной исповеди, но с другой на карту поставлены человеческие жизни. Разглашение сведений, сообщенных на исповеди, должно рассматриваться как чрезвычайное происшествие, влекущее лишение священнослужителя сана. В данном случае можно провести параллель между адвокатской тайной и тайной исповеди. Священнослужитель должен разъяснить исповедуемому недопустимость совершения противоправных действий и настоятельно рекомендовать воздержаться от совершения преступления или указать на необходимость предотвратить его.

⁹⁹ Закон божий. Вторая книга о православной вере. - Тула, 1991. - С. 281.

¹⁰⁰ Исповедь связана не только с православием. Здесь же рассмотрены особенности реализации данного правового института применительно лишь к деятельности Русской православной церкви.

¹⁰¹ *Покровский Д.* Словарь церковных терминов. - М., 1995. - С. 61-62.

¹⁰² *Гонтарь С.Н., Сопнева Е.В.* Тайна исповеди: частная жизнь и общественный интерес // Социально-политические исследования на Ставрополье: Сборник докладов и сообщений по материалам первой международной научно-практической конференции / Под ред. Б.Д. Иванникова, академика РАН; Г.А. Копылова, профессора; А.В. Панкратова, профессора. - Москва - Ставрополь: ИСПИ РАН, 2004. - С. 45.

Нельзя дать однозначного ответа и на вопрос о том, что лучше: принудить лицо к выдаче личных или профессиональных тайн и благодаря этому, раскрыть преступление или сохранить неприкосновенными тайны частной жизни, т.е. защитить личность вопреки интересам раскрытия преступления, изобличения и наказания виновного? Сложность ответа на поставленный вопрос заключается, по нашему мнению, в этической и правовой стороне вопроса. Совершение преступления и сокрытие информации о преступлении – поступки неэтичные, но закон позволяет в отдельных случаях (рассмотренных выше) хранить в тайне информацию о преступлении.

Интересна в данном случае позиция И.Л. Петрухина, который писал: «Прибегая к раскрытию или защите тайн личной жизни при поисках истины по уголовному делу, законодатель использует метод взвешивания ценностей и построения системы приоритетов, действуя по принципу крайней необходимости: приносится в жертву меньшая социальная ценность ради сохранения большей ценности. При этом принимается во внимание, что задача раскрытия преступления далеко не всегда должна решаться ценой отказа от гарантий неприкосновенности личной жизни. Социальные ценности, объединенные институтом неприкосновенности личной жизни, в этом отношении неравнозначны. Есть ценности, которыми ни при каких условиях нельзя пожертвовать в интересах раскрытия преступления и установления истины по делу (например, адвокатская тайна), и есть ценности, которыми можно в какой-то мере пренебречь ради достижения указанной цели (например, врачебная тайна)»¹⁰³.

Тайна следствия. Информация о частной жизни граждан нередко выясняется в ходе расследования преступлений, а «следственная деятельность, - как справедливо отмечает М.А. Михайлов, - может стать одним из каналов её разглашения»¹⁰⁴. Возможность распространения

¹⁰³ Петрухин И.Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. - М., 1989. - С.16.

¹⁰⁴ Михайлов М.А. Регулирование распространения информации в процессе расследования // Рос. следователь. 2002. № 12. - С. 2.

сведений о частной жизни лица - одна из причин отказа от обращения пострадавших от преступлений в правоохранительные органы, что, в первую очередь, характерно для половых преступлений. Следовательно, в силу своих должностных обязанностей, вынужден вторгаться в сферу частной жизни граждан, следить за сохранением в тайне ставшей известной ему информации. Разглашение подобных сведений не только вопрос этики; это может поставить под угрозу личную безопасность участников процесса, которые предупреждены о недопустимости разглашения указанных обстоятельств и обязаны соблюдать тайну предварительного расследования (ст. 161 УПК). Эта тайна может быть предана гласности только по решению должностных лиц, осуществляющих расследование или рассмотрение дела в суде, при условии соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни этих участников без их согласия не допускается (ч. 3 ст. 161 УПК).

Банковская тайна. К сфере частной жизни относится семейный бюджет, распоряжение частной собственностью и банковскими вкладами. Развитие рыночных отношений требует обеспечения правовой защиты информации в сфере обращения денежных средств, в частности, при проведении банковских операций. Отношения между клиентом и обслуживающей его кредитной организацией изначально, в силу специфики банковской деятельности, носят доверительный характер. Клиент не только доверяет кредитной организации свои денежные средства, но и потенциально допускает ее к информации о своем финансовом состоянии. Разглашение сведений, охраняемых банковской тайной, может отрицательно повлиять на безопасность или репутацию лица, имеющего банковский вклад или счет¹⁰⁵. Институт банковской тайны, как отмечают В.В. Меркулов и А.В. Кравченко, «является составной частью права на неприкосновенность частной жизни, гарантированного Конституцией РФ».¹⁰⁶ До настоящего

¹⁰⁵ Сапожников Н. Правовой режим банковской тайны // Законность. - 2001. - № 7.

¹⁰⁶ Меркулов В.В., Кравченко А.В. Институт банковской тайны: понятие и проблемы его практического применения // Банковское право. - 2003. - № 1. - С. 45.

времени этот институт один из недостаточно разработанных¹⁰⁷, хотя он гарантирует каждому гражданину тайну банковского вклада и банковского счета. Правовой режим банковской тайны определен ст. 857 ГК РФ и ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности». В соответствии со ст. 857 ГК банки гарантируют тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте. Все служащие кредитной организации обязаны хранить тайну об операциях, счетах и вкладах ее клиентов и корреспондентов (ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»¹⁰⁸. Выемка документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, производится на основании судебного решения (ч. 4 ст. 183 УПК).

Врачебная тайна. Сведения, составляющие врачебную тайну, являются одной из самых важных сторон частной жизни человека. Врачебная тайна - многогранное этическое и юридическое понятие, касающееся отношений врача с пациентом и обществом в целом¹⁰⁹. Клятва врача обязывает его хранить врачебную тайну, ибо за ее нарушение он несет ответственность, предусмотренную законодательством РФ. Право на врачебную тайну, конфиденциальность медицинской информации - это право пациента на неразглашение без его согласия информации о факте обращения за медицинской помощью, состоянии его здоровья, диагнозе и иных сведениях медицинского и немедицинского характера, полученных от него самого или в процессе обследования и лечения лицами, которым они стали известны при обучении, исполнении профессиональных, служебных и иных обязанностей, кроме случаев, установленных частями 3 и 4 ст. 61 Основ.¹¹⁰

Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается по

¹⁰⁷ Голубев С. Банковская тайна как предмет уголовно-правовой и иной правовой охраны // Уголовное право. - 2003. - № 1. - С. 92.

¹⁰⁸ О банках и банковской деятельности: Федеральный закон РФ от 02.12.1990г. (в ред. от 30.06.2003г.) 395-1 // Собр. законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

¹⁰⁹ Деменева А. Врачебная тайна – от самого пациента // Правозащитник. 2004. № 2. - С. 45-48; Хуратова Б.Г. Реализация права пациента на врачебную тайну в современных условиях // Медицинское право и этика. 2003. № 2. - С. 24.

¹¹⁰ Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан: Утв. ВС РФ 22.07.93 № 5487-1 (ред. от 30.06.2003) // Рос. газета. 2003. 15 янв.

запросу органов дознания и следствия, прокурора и суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, а также при наличии оснований, позволяющих полагать, что вред здоровью гражданина причинен в результате противоправных действий.

В уголовном судопроизводстве России врач вовлекается в сферу уголовно-процессуальных отношений и становится носителем тайн частной жизни лица в связи с производством процессуальных и следственных действий: удостоверение невозможности привода лица по состоянию здоровью (ст. 113 УПК), осмотр трупа, эксгумация, освидетельствование, допрос (ст.ст. 178, 180, 187, 290 УПК).

Врач также не упоминается в числе лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетелей (ч. 3 ст. 56 УПК), что говорит о том, что на врача распространяется обязанность свидетеля давать правдивые показания. Как и всякий свидетель, врач несет уголовную ответственность за отказ или уклонение от дачи показаний и за заведомо ложные показания, что, конечно, не говорит об отсутствии в уголовном судопроизводстве врачебной тайны. Любые сведения, полученные в процессе расследования о состоянии здоровья лица, диагнозе и иных данных медицинского и немедицинского характера, составляют врачебную тайну.

Гарантии сохранения медицинской тайны состоят и в том, что следователь, дознаватель, прокурор, судья, технические работники правоохранительных органов (например, секретари судебных заседаний), получив от врачей сведения медицинского характера, не вправе их разглашать. Все участники того или иного следственного действия должны предупреждаться об ответственности за разглашение ставшей им известной врачебной тайны (ст. 161 УПК).

Лица, которым в установленном законом порядке переданы сведения, составляющие врачебную тайну, наравне с медицинскими и фармацевтическими работниками с учетом причиненного гражданину ущерба в соответствии с законодательством Российской Федерации несут за

разглашение врачебной тайны дисциплинарную, административную или уголовную ответственность.

Личные и профессиональные тайны не могут быть разглашены и после смерти гражданина, которого они касаются, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Думается, что правопреемники не могут предать гласности личные тайны умершего вопреки воле, выраженной им при жизни. Однако сообщение такого рода тайн следователю и суду допустимо в интересах раскрытия преступления или реабилитации умершего, т.е. не иначе, как для решения задач уголовного судопроизводства.

Со временем, с развитием общественных отношений приведенная структура элементов тайны частной жизни может меняться. Ю.Л. Бессмертный среди факторов, влияющих на изменение содержания и структуры тайн частной жизни, на первое место ставит власть, в том числе церковную, поскольку именно власть на конкретном историческом этапе развития общества определяла автономию, пределы (меру) свободы, то есть возможность личности совершать выбор вариантов поведения по собственному усмотрению, действовать в соответствии с собственным решением, обладать, пользоваться, распоряжаться благами с целью удовлетворения потребностей.¹¹¹

Важно отметить следующее: тайна – неотъемлемый элемент права на неприкосновенность частной жизни. Но не всякая личная или семейная тайна образует охраняемую законом тайну частной жизни. Не может являться сферой частных интересов лица информация, касающаяся уголовно наказуемых деяний. Конституционный Суд РФ в п. 7 абз. 3 Определения от 14 июля 1998 года № 86-О по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно - розыскной деятельности» по жалобе гр. Черновой И.Г.¹¹² указал: «Преступное деяние не относится к

¹¹¹ Ретина Л.П. Выделение сферы частной жизни. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. - М., 1996. - С. 20.

¹¹² По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой: Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 № 86-О // Собр. законодательства РФ. 1998. № 34. Ст. 4368.

сфере частной жизни лица, сведения о которой не допускается собирать, хранить, использовать и распространять без его согласия», а потому «проведение расследования не может рассматриваться как нарушение конституционных прав». Таким образом, выявляется очень важная характеристика конфиденциальной информации о частной жизни - непринадлежность ее содержания к совершению преступления.

Обобщая сказанное, считаем возможным определить право на неприкосновенность частной жизни как законодательно установленное и гарантированное принудительной силой государства право лица на: личную и семейную тайну; свободу уединения; неприкосновенность жилища; свободу передвижения, свободу общения; тайну переписки, телеграфных сообщений, телефонных переговоров; адвокатскую и иную профессиональную тайну.

Таким образом, необходимо отметить, что частная жизнь человека весьма подвержена всевозможным вторжениям и вмешательствам, а это требует от законодателя четкого определения самого понятия частной жизни и создания эффективных механизмов охраны рассматриваемого права. Отсутствие четкого разграничения между интересами государства и каждого отдельно взятого человека порождает трудности в определении частной жизни, установлении четких границ того, где заканчивается общественное и начинается частное, и в конечном итоге в определении конкретных правовых гарантий реализации лицом конституционного права на неприкосновенность частной жизни в уголовном судопроизводстве.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЛИЦА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ НА ЭТАПЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

§1. Понятие и система гарантий обеспечения права на неприкосновенность частной жизни лица на досудебных стадиях уголовного судопроизводства

Вся деятельность осуществляющих и направляющих уголовное судопроизводство органов и должностных лиц по существу направлена на проникновение в сферу тайны частной жизни и ее пристальное изучение, что вызывает острую потребность в правовых механизмах защиты неприкосновенности частной жизни. Законодательная регламентация правового статуса участников уголовного процесса сама по себе не решает вопросов обеспечения права на неприкосновенность частной жизни. Записанное на бумаге, но не обеспеченное системой гарантий, рассматриваемое право является пустым звуком, голой декларацией. Одной из причин принятия незаконных и необоснованных процессуальных решений, нарушающих права личности и наносящих вред охраняемым законом интересам, является недостаточность процессуальных гарантий, отсутствие отработанного механизма их реализации.

Вопрос об установлении пределов контроля за отдельными лицами и группами лиц со стороны государственных, религиозных или экономических институтов всегда был одним из центральных в истории борьбы за неприкосновенность частной жизни и индивидуальную свободу. В сущности, традиционные права, закрепленные в конституциях демократических государств, — свобода религии, т.е., свобода совести, неприкосновенность жилища, гарантии от несанкционированного обыска и от самообвинения — призваны оградить стремление властей к слишком пристальному

социальному контролю над личностью.

На современном этапе реформирования организации и деятельности российской правоохранительной системы с целью обеспечения надлежащей защиты личности от преступных посягательств, ее прав и свобод как высшей ценности общества и государства, с особой остротой встает вопрос о действенном механизме реализации в уголовном судопроизводстве международно-правовых и конституционных принципов вообще и принципа неприкосновенности частной жизни, в частности. «Совершенствование процедур защиты прав и свобод индивида - важнейшая и неотложная задача Российского государства. Размытость, неопределенность, противоречивость, а то и полное отсутствие юридических правил, обеспечивающих защиту прав граждан, - свидетельство тяжелой правовой ситуации, сложившейся в обществе. В таких условиях права человека и гражданина, сформированные в Конституции РФ, не имеют процессуально-правовой опоры, а это грозит превратить эти права в чистую декларацию, оторванную от реалий»¹¹³.

В соответствии с Концепцией судебной реформы в Российской Федерации, подавляющее большинство предлагаемых нововведений в уголовном судопроизводстве направлено именно на обеспечение прав личности¹¹⁴. Законодатель совершенно правильно делает акцент именно на надлежащее обеспечение прав, ибо без этого они могут остаться просто декларацией, каких, к сожалению, в нашем государстве еще достаточно¹¹⁵. В правовом государстве, каковым провозгласила себя Россия (статья 2 Конституции РФ), уголовному процессу полагается быть процессом именно правового государства, где права человека, как и он сам, являются высшей ценностью общества и государства и должны быть обеспечены действительно на высшем уровне с достаточной для этого степенью надежности.

Вопросы обеспечения прав человека, установления надежного

¹¹³ Конституция РФ и совершенствование механизмов защиты прав человека. - М., 1994. - С.9. / Цит. По: Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. - М., 2001. - С. 187-188.

¹¹⁴ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. - М., 1992. - С.86.

¹¹⁵ См.: Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. - М., 1991. - С. 18-21, 26.

механизма их реализации находили свое отражение в трудах многих ученых-юристов. Исследование данной проблемы повлекло ввод в юридический оборот такой категории, как «гарантии» прав человека, что объясняется самой этимологией слова «гарантия» - ручательство, порука в чем-нибудь, обеспечение¹¹⁶. Эта категория, имеющая исключительно научное происхождение, не использовалась и не используется в отечественных отраслевых и международных нормативных актах о правах человека, что породило разнообразные подходы к ее пониманию - от полного отрицания подобного элемента в праве до детального изучения, определения структуры, классификации, обоснования как необходимого признака любой правовой нормы. Как отмечал Георг Еллинек, «существенным признаком понятия права является, таким образом, не принуждение, а гарантия, одним из видов которой служит принуждение»¹¹⁷.

Рассмотрение правовых гарантий осуществляется двумя путями: общетеоретическим - как средства реализации правовой нормы, и, применительно к правам человека, - как механизма реализации естественных прав и свобод человека. Следуя первым путем, нетрудно заметить, что анализируется, в основном, юридический механизм. Исходным моментом здесь является то, что уже присутствует юридически значимое, санкционированное государством установление, которое требует претворения в жизнь.

Основополагающим же началом второго подхода служит то, что права человека есть нравственно-юридическая категория; они присутствуют независимо от государства, носят универсальный характер, поэтому уже само их закрепление в нормативе является одним из видов их гарантированности. Б.С. Эбзеев отмечает: «Личные конституционные права граждан, образующие институт личной свободы, иногда называют личными гарантиями...»¹¹⁸. Г.Б. Романовский считает что «при этом как бы выделяют

¹¹⁶ См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. - М., 1985. - С.110.

¹¹⁷ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. - СПб., 1908. - С. 396.

¹¹⁸ *Эбзеев Б.С.* Советское государство и права человека: Конституционные вопросы. Саратов, 1986. - С. 112.

три ступени гарантированности. Низшая ступень - фактическое закрепление, средняя ступень - установление механизма обеспечения на законодательном уровне, создание правовой обусловленности, высшая - прибавляется безотказный процесс исполнения правового предписания»¹¹⁹. Согласно этой концепции, права человека являются низшим пределом правового пространства, в случае пересечения которого государство скатывается к тоталитарному режиму, к тирании. «Особенности прав человека в том, что «область их жизни» находится на пограничной зоне с правом, на подступах к праву. Они часто конституируются, но реально правовым механизмом не обеспечены. Их закрепление в правовой системе какого-либо государства сразу же возводит непосредственно социальные притязания человека на уровень охраняемых этим государством интересов. Поэтому в чистом виде права человека в любой национальной правовой системе не существуют, хотя по своим первичным социально-политическим характеристикам (как общие предпосылки нормального существования личности) они, конечно, сохраняют свою «реликтовую природу»¹²⁰.

На сегодняшний момент в теории права сложилась классификация гарантий, в соответствии с которой они подразделяются на общие и специальные. При этом, к общим гарантиям относят политические (режим демократии, гласности в стране, стабильность гражданского общества, политическая свобода населения, разделение властей), экономические (определенный уровень благосостояния в обществе, сложившиеся производственные отношения, свобода предпринимательства и использования собственного труда), идеологические (мировоззрение личности и общества на понимание добра и зла, уровень культуры, воспитания, совокупность представлений на то или иное общественно-значимое явление)¹²¹. Под специальными гарантиями понимают юридические способы и средства, обеспечивающие конкретные условия и порядок

¹¹⁹ Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. - М., 2001. - С. 185-186.

¹²⁰ Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. - Свердловск, 1990. - С. 162.

¹²¹ См.: Романовский Г.Б. Указ. соч. - С. 187.

реализации правовой нормы, поэтому в теории права их обычно называют «собственно гарантии реализации»¹²².

Между тем, права личности реализуются в конкретных общественных отношениях, складывающихся в сфере нормативного регулирования различных отраслей права. Поэтому исследование гарантий обеспечения прав личности осуществлялось в юридической науке не только на теоретико-правовом, но и на сугубо отраслевых уровнях. Так, в науке уголовного процесса исследование обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве естественно связывалось с проблемой специально-отраслевых, уголовно-процессуальных гарантий.

По поводу понятия «уголовно-процессуальная гарантия» как юридического термина, его свойств и содержания в разное время высказаны различные взгляды. Но прежде чем перейти к рассмотрению вопросов гарантированности права не неприкосновенность частной жизни при производстве предварительного расследования, важно определиться с понятием «уголовно-процессуальная гарантия».

Как нам представляется, по этому вопросу наиболее точно высказался М.С. Строгович: «Процессуальными гарантиями, - писал он, - являются те установленные законом средства, при помощи которых участвующие в уголовном процессе граждане могут защищать свои права и интересы»¹²³. Именно в таком понимании - как средства обеспечения прав личности, средства прежде всего против осуждения невиновного и применения необоснованного, произвольного процессуального принуждения - процессуальные гарантии используются в теории уголовного процесса¹²⁴.

Позднее М.С. Строгович скорректировал свою позицию и стал рассматривать процессуальные гарантии как установленные законом средства, обеспечивающие правильное осуществление по каждому уголовному делу задач правосудия, среди которых в качестве особого вида

¹²² Патюлин В.А. Государство и личность в СССР. - М., 1974. - С. 233.

¹²³ Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. - М., 1939. - С. 83.

¹²⁴ См.: Боботов С.В. Правосудие во Франции. - М., 1994. - С. 26.

выделяются гарантии прав участвующих в уголовном процессе лиц, являющиеся составной частью гарантий правосудия и поэтому не вступающие с ними ни в какие противоречия¹²⁵. Процессуальные гарантии - это, прежде всего, гарантии правосудия, гарантии достижения судом и органами предварительного расследования стоящих перед ними целей, гарантии достижения назначения уголовного судопроизводства. В таком качестве, по мнению М.С. Строговича, можно говорить о процессуальных гарантиях в широком смысле. Они включают в себя и гарантии прав и интересов участвующих в уголовном судопроизводстве лиц, в том числе гарантии для тех, которые привлекаются к уголовной ответственности; иначе - процессуальные гарантии в узком смысле¹²⁶. Однако он не избежал нареканий за свое представление о процессуальных гарантиях. Критикуя М.С. Строговича за двойственный подход к решению проблемы последних, В.И. Каминская, исходившая из безусловного приоритета интересов государства, писала: «... помимо воли автора, из его слов напрашивается мысль о противопоставлении гарантий правосудия гарантиям личности». По ее мнению, государство и граждане всегда имеют в уголовном процессе общий интерес и речь может идти только об уголовно-процессуальных гарантиях правосудия. Выделение же из них особой группы - гарантий личности - не находит ни теоретического ни практического оправдания¹²⁷. Другими авторами гарантии прав личности фактически отождествлялись с гарантиями установления истины по уголовному делу¹²⁸, то есть опять-таки, по существу, с гарантиями правосудия в целом.

Со сказанным трудно согласиться и по тому, на наш взгляд, что в вопросе об уголовно-процессуальных гарантиях наиболее правы те авторы, которые обратили внимание на то, что связь между гарантиями правосудия и

¹²⁵ См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. - М., 1968. - С. 56-58.

¹²⁶ См.: *Строгович М.С.* Судебная этика. - М., 1974. - С.60.

¹²⁷ См.: *Каминская В.И.* В чем значение процессуальных гарантий в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1950. № 5. - С. 48, 54.

¹²⁸ См.: *Здриковский В.А.* К понятию гарантий объективности уголовно-процессуального исследования // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы. - Свердловск, 1968. - С. 187; *Мартыничук Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е.* Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Кишинев, 1982. - С. 81.

гарантиями прав личности не является идеальной, их отождествлять просто неуместно. Поскольку в уголовном судопроизводстве между государственными и личными интересами есть расхождения и даже конфликты, для обеспечения интересов личности в необходимых случаях предусматриваются специальные гарантии, польза от которых для интересов государства неочевидна¹²⁹.

Я.О. Мотовиловкер правильно видел суть проблемы соотношения гарантий интересов личности и правосудия в том, что ведущие уголовный процесс государственные органы не могут стремиться к обеспечению справедливого наказания виновного любой ценой, абстрагируясь от общеправовых принципов демократизма и гуманизма¹³⁰. В указанных и подобных случаях средства обеспечения интересов личности предназначены персонально для нее, хотя с позиций сугубо прагматических для раскрытия преступлений они считаются ненужными.

Таким образом, в связи с анализом гарантий прав личности и гарантий интересов государства в уголовном процессе, важно отметить, что сопоставление указанных видов гарантий, определяемое необходимостью выявить их подлинное соотношение и степень согласования с конституционными и международно-правовыми требованиями, не должно рассматриваться как противопоставление личности государству. Личность и правовое государство не противоположные, враждующие стороны, хотя пределы государственной власти, опирающейся на возможность принуждения и возможность правового вмешательства в частную жизнь граждан для достижения целей борьбы с преступностью, в отношении личности должны быть строго и недвусмысленно определены. Признавая приоритет прав личности по отношению к интересам государства, следует ясно понимать, что без государства, без установленных и обеспечиваемых государством юридических процедур эти права не могут быть

¹²⁹ См.: Кокорев Л.Д., Лукашевич В.З. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Ленинградского университета. 1977. №11. Экономика, философия, право. Вып. 2. - С. 110.

¹³⁰ См.: Мотовиловкер Я.О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. - Воронеж, 1994. - С. 55.

реализованы¹³¹. Сильное государство, признающее во взаимоотношениях с личностью ее приоритет на основе верховенства права, способное при необходимости эффективно защитить демократию всеми законными средствами, является гарантом демократического правового положения личности¹³².

И.Л. Петрухин совершенно верно отмечает, что изменение характера взаимоотношений государства и личности приводит к формированию одной из основных черт правового государства, которая может быть раскрыта в совокупности следующих условий: не только граждане несут ответственность перед государством, но и государство отвечает перед гражданами за обеспечение свободы, неприкосновенности личности и личной жизни, за соблюдение всех прав граждан; исключен произвол власти в отношении граждан; обеспечена правовая защита личности¹³³.

Гарантии неприкосновенности частной жизни особенно необходимы как средство защиты от такого произвола, чтобы позволить гражданину и в уголовном процессе оставаться личностью, а также исключить возможность обвинительного уклона и как следствие - судебно-следственных ошибок в отношении гражданина. Отметим, что в юридической науке нет единого мнения по вопросу о направленности и назначении уголовно-процессуальных гарантий. Так, сторонники выделения гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве весьма по-разному видят их сущность и содержание. В частности, Э.Ф. Куцова, исследовав указанные гарантии процесса, установила, что ими являются права и обязанности участников процесса¹³⁴. Другие авторы к ним относят также правовые нормы¹³⁵, принципы уголовного процесса¹³⁶, процессуальную форму¹³⁷ и

¹³¹ См.: Лукашева Е.А. Эффективность юридических механизмов защиты прав человека: политические, экономические, социально-психологические аспекты // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека. - М., 1994. - С. 20.

¹³² Ростовицков И.В. Реализация прав личности и деятельность органов внутренних дел. - Волгоград, 1996. - С. 26.

¹³³ См.: Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. - М., 1989. - С.4.

¹³⁴ См.: Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в уголовном процессе. - М., 1973. - С.127.

¹³⁵ См.: Дыкин А.Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. - Саратов, 1959. - С. 21-22.

¹³⁶ См.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. - М., 1956. - С. 203.

¹³⁷ См.: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. - М., 1961. - С. 3.

даже собственно уголовный процесс¹³⁸.

Поскольку рамки исследования ограничены, да и спор о содержании уголовно-процессуальных гарантий не является самоцелью, а лишь средством исследования механизма обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в уголовном судопроизводстве, то остановимся на том, что каждая из приведенных выше точек зрения в большей или меньшей степени несет в себе рациональное зерно. Все названное в качестве гарантий по-своему служит или содействует обеспечению прав личности¹³⁹. Поэтому возьмем за основу мнение Т.Н. Добровольской, которая утверждает, что уголовно-процессуальные гарантии прав участников уголовного судопроизводства - «это установленные нормами уголовно-процессуального закона, различные по своему конкретному содержанию средства, в совокупности своей обеспечивающие участвующим в деле лицам возможность реализовать предоставленные им права»¹⁴⁰.

В связи с этим, для того чтобы полнее осветить гарантии неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве необходимо выяснить, что понимается под понятием «обеспечение» реализации данного права. Здесь мы присоединяемся к мнению В.С. Шадрин, который считает, что обеспечение прав личности носит комплексный характер и охватывает все формы благоприятствования участникам уголовного процесса в осуществлении прав, включая: а) информирование лица об обладании правами и их разъяснение; б) создание необходимых условий для полноценной реализации прав; в) охрану прав от нарушений; г) защиту прав; д) восстановление нарушенных прав¹⁴¹.

УПК возлагает на суд, прокурора, следователя, лицо, производящее

¹³⁸ См.: Кондратов П.Е. Гарантии интересов обвиняемого, как фактор, определяющий формирование и осуществление советской уголовной политики // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе. - Ярославль, 1981. - С. 65.

¹³⁹ Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. - М., 2000. - С.42.

¹⁴⁰ Добровольская Т.Н. Гарантии прав граждан в уголовном судопроизводстве // Сов. государство и право. 1980. № 2. - С. 133.

¹⁴¹ См.: Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Монография. - Волгоград, 1997. - С. 40.

дознание, обязанность разъяснить участвующим в деле лицам их права и обеспечить возможность их осуществления (ч. 1 ст. 11). Понятно, что если лицу не сообщено о принадлежащих ему правах и они не разъяснены, то вряд ли можно говорить об их обеспечении. Без знания содержания своих прав их субъект не в состоянии ими распорядиться. Не зря своевременное информирование гражданина, вовлекаемого в уголовный процесс в качестве того или иного участника, о принадлежащих ему правах обычно рассматривается как одна из гарантий прав личности¹⁴², а разъяснение прав - в качестве составной части или элемента их обеспечения¹⁴³. Не случайно УПК в ч. 1 ст. 11 выделяет разъяснение участвующим в производстве по делу лицам их процессуальных прав и обеспечение возможности осуществления этих прав в элемент уголовно-процессуального принципа «охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве». Она гласит: «Суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснить подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечить возможность осуществления этих прав».

Охрана прав личности заключается в предупреждении любого возможного нарушения, контроле за их соблюдением и готовности реагировать на возможное нарушение, иными словами - в поддержании состояния беспрепятственного осуществления¹⁴⁴. Защита в данном случае является деятельностью, осуществляемой при посягательстве на права, их ограничении или возникновении реальной угрозы их нарушения. Применительно к конкретной ситуации или в отношении определенного участника процесса, состояние защиты может быть выражено словом «отстаивание»¹⁴⁵. Удачно заметил по поводу прав личности Н.И. Матузов:

¹⁴² См.: Куцова Э.Ф. Указ. соч. - С.131.

¹⁴³ См.: Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. - М., 1986. - С.61; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв.ред. П.А. Лупинская. - М., 2003. - С. 54.

¹⁴⁴ См.: Шадрин В.С. Указ. соч. - С. 42.

¹⁴⁵ Ларин А.М. Указ. соч. - С. 25.

«Охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются»¹⁴⁶.

Восстановление прав является формой обеспечения не только процессуальных, но и материальных, в том числе основных прав личности - на свободу и личную неприкосновенность, тайну частной жизни, имущественных прав и др.

Различные аспекты возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, подвергались в уголовно-процессуальной науке достаточно тщательному исследованию¹⁴⁷. Вопросы же о допустимости причинения ущерба чести участников уголовного судопроизводства посредством применения мер процессуального принуждения и о возможности его возмещения необходимо рассматривать с учетом того, соответствуют ли сведения о причастности человека к преступлению, наносящем урон его чести и репутации, или нет.

Если ущерб репутации подозреваемого или обвиняемого причиняется в силу того, что к нему были применены меры процессуального принуждения в связи с инкриминируемым преступлением, подтвержденным в дальнейшем вступившим в законную силу приговором суда, проблемы вообще не возникает. Постигшее человека вследствие признания его преступником бесчестие понятно и оправданно как с нравственной, так и с правовой точек зрения.

Если же ущерб причиняется чести подозреваемого (обвиняемого) в силу тех же причин, но затем подозрение или обвинение не получают подтверждения в ходе расследования или судебного разбирательства и дело в его отношении прекращается либо выносится оправдательный приговор, то такой ущерб признается причиненным незаконно; он должен быть устранен путем моральной реабилитации, в том числе опровержения обвинения или

¹⁴⁶ Матузов Н.И. Правовая система и личность. - Саратов, 1987. - С. 131.

¹⁴⁷ См.: Комарова Н.А., Сидорова Н.А. Судебная этика. - СПб., 1993. - С. 33-42; Москалькова Т.Н. Указ. соч. - С. 100-104; Прокудина Л.А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов (научно-практический комментарий). 2-е изд., М., 1998; Руднев В. Возмещение ущерба при незаконном аресте // Рос. юстиция. 1997. № 12. и др.

признания несостоятельным, и оповещения об этой несостоятельности того же круга лиц, в чьих глазах пострадало доброе имя реабилитированного. Судебная практика показывает, что раскрытие сведений о частной жизни лица, его личной и семейной тайны причиняет лицу моральные страдания и должно рассматриваться судом как основание для возмещения морального вреда¹⁴⁸. Таким образом, необходимо, чтобы невинно опороченному было восстановлено его доброе имя, а нанесенный моральный вред - компенсирован.

В соответствии со ст. 53 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, в том числе и морального, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти и их должностными лицами. В соответствии с ч.2 ст. 212 УПК при прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления (в том числе при устранении преступности и наказуемости деяния новым уголовным законом) или за непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления орган дознания, следователь или прокурор принимает меры по реабилитации лица, предусмотренные главой 18 УПК РФ, и обязаны разъяснить гражданину порядок восстановления его нарушенных прав, принять предусмотренные законом меры к возмещению ущерба, причиненного гражданину в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности или применения к лицу мер процессуального принуждения.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части регулирования различных аспектов возмещения гражданину вреда, причиненного незаконными действиями органа дознания, дознавателя, следователя, прокуратуры и суда, выглядит куда более прогрессивным по сравнению с ранее действовавшим уголовно - процессуальным

¹⁴⁸ Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 // Сборник Постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам, М., 2002.

законодательством.

Регламентации возмещения такого вреда посвящена целая глава 18 УПК Российской Федерации - «Реабилитация», включающая 7 статей (133-139). В контексте данного параграфа исследования примечательно то, что уголовно-процессуальный закон среди прочих оснований возникновения права на реабилитацию указывает и незаконное применение в ходе производства по уголовному делу мер процессуального принуждения в отношении любого лица (ч. 3 ст. 133 УПК).

Ст. 135 УПК Российской Федерации устанавливает особый, упрощенный по сравнению с гражданско - судопроизводственным, порядок возмещения реабилитированному имущественного вреда и достаточно подробно описывает его.

Относительно же возмещения морального вреда, восстановления чести и доброго имени гражданина в УПК Российской Федерации предусмотрено следующее. На прокурора возлагается обязанность принести от имени государства официальное извинение за причиненный ему вред (ч. 1 ст. 136 УПК). Если сведения о задержании реабилитированного, заключении его под стражу, временном отстранении от должности, применении к нему принудительных мер медицинского характера, об осуждении реабилитированного и иных примененных к нему незаконных действиях были опубликованы в печати, распространены по радио, телевидению или в иных средствах массовой информации, то по требованию реабилитированного, а в случае его смерти - его близких родственников или родственников либо по письменному указанию суда, прокурора, следователя, дознавателя соответствующие средства массовой информации обязаны в течение 30 суток сделать сообщение о реабилитации (ч. 3 ст. 136 УПК). По требованию реабилитированного, а в случае его смерти - его близких родственников или родственников суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны в срок не позднее 14 суток направить письменные сообщения о принятых решениях по месту его работы, учебы или по месту жительства (ч.4

ст. 136 УПК). Однако какого-либо особого порядка материальной компенсации причиненного гражданину морального вреда вышеперечисленные нормативные акты не предусматривают, оставляя рассмотрение и разрешение данного вопроса исключительно в сфере гражданского судопроизводства. В ч. 2 ст. 136 УПК Российской Федерации прямо указывается, что иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства, т. е. в соответствии со ст. 150-152, 1099-1101 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Как отмечает А.С. Киртаев, вред, причиненный в результате незаконного применения мер процессуального принуждения, возникает из публичных правоотношений, однако его возмещение имеет гражданско-правовой характер. Этот институт со временем может стать межотраслевым»¹⁴⁹.

Полагаем, что, вряд ли справедливо допускать возможность возмещения причинения морального вреда в ходе уголовного судопроизводства какими-либо внеотраслевыми, а потому более обременительными для (и без того пострадавших) граждан, процедурами исправления ошибок или же злоупотреблений, а не дознавателем, следователем, прокурором и судом. Парадоксально: фактически признанное одними государственными органами право на возмещение морального вреда гражданин должен отстаивать в других государственных органах. Напротив, государство должно максимально ускорить и упростить процесс исправления собственных ошибок, сделать его наименее трудоемким для реабилитированных лиц. Поэтому представляется единственно правильным сделать практически аналогичной процедуру денежной компенсации морального вреда и возмещения имущественного вреда, предусмотренную ст. 135 УПК Российской Федерации. В связи с этим, необходимо внести в ст.

¹⁴⁹ Киртаев А.С. К вопросу о возмещении вреда, причиненного незаконным заключением под стражу в порядке меры пресечения // Рос. следователь. 2003. № 4. - С. 26.

136 УПК РФ следующие изменения: часть 2 исключить; частям 3 и 4 присвоить номера 2 и 3 соответственно; дополнить данную статью частями 4, 5 и 6 следующего содержания:

«4. В течение сроков исковой давности, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации, со дня получения копии документов о признании права на реабилитацию лиц, указанных в части первой статьи 134 настоящего Кодекса, и извещения о порядке денежной компенсации морального вреда, реабилитированный или его представитель вправе обратиться с соответствующим требованием в орган, постановивший приговор и (или) вынесший определение, постановление о прекращении уголовного дела, об отмене или изменении незаконных или необоснованных решений. Если уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, то требование о возмещении вреда направляется в суд, постановивший приговор.

5. Не позднее одного месяца со дня поступления требования о компенсации морального вреда судья, прокурор, следователь или дознаватель определяет его размер в денежном выражении и выносит постановление о производстве компенсационных выплат.

6. Копия постановления, являющаяся основанием для компенсационных выплат, вручается или направляется реабилитированному или его представителю».

Вариант законодательного закрепления порядка возмещения ущерба, в том числе и денежной компенсации морального вреда, как уголовно-процессуальной процедуры (как продолжения производства по уголовному делу) представляется нам гораздо более предпочтительным, нежели принятие специального закона о возмещении ущерба, нанесенного несправедливым привлечением к уголовной ответственности или осуждением, как это предлагает сделать Л. Бойцова¹⁵⁰. Единственный проблемный аспект в

¹⁵⁰ См.: Бойцова Л. Возмещение ущерба «жертвам правосудия» в России // Рос. юстиция. 1994. № 6. - С. 46.

данном случае мы видим в вопросе о размере компенсационной суммы, подлежащей выплате. Полагаем, что при её определении органам расследования следует руководствоваться Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10.¹⁵¹ Следователю необходимо также выяснить, чем подтверждается факт причинения реабилитированному нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены реабилитированным, в какой сумме или иной материальной форме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

Следует отметить, что все элементы процессуальных гарантий обеспечения права лица на неприкосновенность частной жизни носят комплексный характер и тесно между собой взаимосвязаны. Так, В.С. Шадрин признает что «между рассматриваемыми понятиями нет непреодолимой преграды. Они соприкасаются между собой по многим параметрам»¹⁵². В связи с этим, зачастую трудно четко отграничить друг от друга отражение вышеперечисленных форм обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в действующем законодательстве.

Ученые-юристы подходят к решению вопроса о содержании гарантий неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве следующим образом.

Обобщающее общеправовое определение гарантий права на неприкосновенность частной жизни, с которым мы, по существу, согласны, сформулировал Б.Г. Романовский. Под указанными гарантиями он понимает «юридически значимый механизм обеспечения рассматриваемого права, неукоснительно реализуемый на основе конституционного закрепления как

¹⁵¹ Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 15.01.1998) // Рос. Газета. 1995. 08 февраля.

¹⁵² См.: Шадрин В.С. Указ. соч. - С. 45.

на законодательном, так и на правоприменительном уровне»¹⁵³. Конкретизируя свое определение, он отмечает, что законодательство Российской Федерации в указанной сфере «должно содержать: установление ответственности за нарушение права на неприкосновенность частной жизни, судебный контроль деятельности государственных органов, в том числе право на судебное обжалование действий и решений, нарушающих данное право и право на конституционное обжалование как гарантию от законодательного произвола, а также соблюдение тайны частной жизни, ставшей известной при взаимодействии личности с публичными органами, организациями, предприятиями, учреждениями по поводу предоставленных ему прав»¹⁵⁴.

И.Л. Петрухин под гарантией частной жизни понимает недопустимость слежки за человеком, прослушивания личных разговоров, неприкосновенность жилища и др.¹⁵⁵ С точки зрения В.П. Кашепова, право на частную жизнь гарантируется такими конституционными и иными правовыми установлениями, как неприкосновенность жилища, возможность беспрепятственного общения с другими людьми посредством почты, телеграфа, телефонной и электронной связи; право распоряжаться семейным бюджетом, частной собственностью и денежными вкладами, тайна которых гарантируется законом¹⁵⁶.

М.В. Баглай и Б.Н. Габричидзе полагают, что «институт неприкосновенности частной жизни включает много разнообразных гарантий, которые содержатся в различных статьях Конституции, а специально - в ст. 23 и 24»¹⁵⁷. Раскрывая это утверждение, они далее указывают.

«а) Устанавливается право человека на личную и семейную тайну, на защиту своей чести и доброго имени. Ни от кого нельзя требовать сведений,

¹⁵³ Романовский Г.Б. Указ. соч. - С. 186-187.

¹⁵⁴ Романовский Г.Б. Указ соч. - С. 188.

¹⁵⁵ См.: Петрухин И.Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. - М., 1989. - С. 7-13.

¹⁵⁶ См.: Кашепов В.П. Принципы уголовного процесса // Уголовный процесс: Учебник / Под ред. И.Л. Петрухина. - М., 2001. - С. 73.

¹⁵⁷ Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации.-М.,1996.-С. 173.

касающихся происхождения или деловой активности родственников, интимных связей, источников финансового состояния семьи и т.д. Если честь и доброе имя человека подвергаются унижению или оскорблению, он вправе потребовать через суд наказания или компенсации за моральный ущерб, что предусматривается Уголовным кодексом. Если клеветнические и порочащие человека сведения публикуются в печати, суд вправе обязать тот же печатный орган опубликовать опровержение этих сведений.

б) Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений. Поэтому запрещаются перлюстрация (вскрытие) писем и других почтовых отправлений, подслушивание телефонных переговоров. Уголовный кодекс квалифицирует нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений граждан как преступление (ст. 135). Обыск, выемка, наложение ареста на корреспонденцию, и выемка ее в почтово-телеграфных учреждениях могут производиться только на основаниях и в порядке, установленных Уголовно-процессуальным кодексом. Строго регламентирован законом и порядок прослушивания телефонных разговоров. Все эти ограничения права на тайну допускаются на основании судебного решения, что призвано исключить произвол и злоупотребления должностных лиц правозащитных органов.

в) Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Эта норма как бы ограничивает установленное Конституцией право каждого свободно искать и распространять информацию (ч. 4 ст. 29), но на самом деле противоречия между ними нет. Ключевым элементом всей конструкции служит согласие или несогласие лица на распространение информации о нем»¹⁵⁸.

По мнению В.М. Савицкого и А.М. Ларина, «к гарантиям неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством, относятся:

¹⁵⁸ Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Указ. соч. - С. 173-174.

неприкосновенность жилища, тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений, закрытое судебное разбирательство в целях неразглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле и других лиц, недопустимость разглашения данных предварительного следствия, меры к неразглашению выявленных при обыске и выемке обстоятельств интимной жизни лица, занимающего данное помещение или других лиц»¹⁵⁹.

В. Тертышник выделил следующие гарантии неприкосновенности частной жизни лица: а) признание сферы частной жизни объектом процессуально-правовой защиты; б) недопустимость произвольного вмешательства в личную жизнь и собирание конфиденциальной информации о лице без его согласия, кроме случаев, обусловленных законом; в) предоставление человеку права на ознакомление в соответствии с законом с полученной о нем информацией; г) предоставление человеку права на истребование, уничтожение и опровержение незаконно собранной или недостоверной информации о нем; д) установление принципа добропорядочности человека и действующего механизма юридической защиты чести и достоинства лица; е) обязанность возмещения морального вреда, причиненного безосновательным вмешательством в сферу личной жизни и использованием конфиденциальной информации; ж) судебную защиту нарушенных прав¹⁶⁰.

Сходную систему гарантий неприкосновенности частной жизни выдвинул В.Н. Лопатин: а) запрет произвольного вмешательства в частную жизнь каждого человека; б) запрет собирать, хранить, использовать и распространять информацию о частной жизни лица без его согласия; в) запрет применять любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, без их официального опубликования для всеобщего сведения; г) свидетельский иммунитет —

¹⁵⁹ Савицкий В.М., Ларин А.М. Уголовный процесс: Словарь-справочник. - М., 1999. - С.81-82.

¹⁶⁰ См.: Тертышник В. Принцип неприкосновенности личной жизни в современном уголовном процессе // Уголовное право. 2003. № 4. - С. 74 - 75.

право каждого отказаться давать свидетельские показания против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определен федеральным законом; д) право каждого на охрану своих прав от преступлений и злоупотреблений властью, а также право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц; е) обязанность органов государственной власти и местного самоуправления обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом; ж) допустимость ограничения права на неприкосновенность частной жизни лишь на основании судебного решения (в части тайны корреспонденции и неприкосновенности жилища) и в случаях, прямо установленных федеральным законом¹⁶¹.

Как видим, приведенные суждения, за малым исключением, характеризует определенное единство. Придерживаясь в целом указанных подходов к решению вопроса о содержании уголовно-процессуальных гарантий неприкосновенности частной жизни, отметим, что они все-таки несколько бессистемны.

Конституция Российской Федерации и уголовно-процессуальное законодательство устанавливают правообразующие (организационные) и функциональные гарантии принципа неприкосновенности частной жизни. Первые обеспечивают само существование данного принципа, его наличие в правовой системе вообще, как такового, или, говоря иными словами - действие принципа в статике. Это, прежде всего, гарантии конституционного уровня нормативного закрепления, гарантии неприкосновенности частной жизни, охватываемые первой из выделенных нами групп. Остальные же гарантии обеспечивают реализацию указанного принципа в процессе осуществления уголовно-процессуальной деятельности и возникающих в

¹⁶¹ См.: Лопатин В.Н. Защита права на неприкосновенность частной жизни // Журнал российского права. 1999. № 1. - С. 87.

связи с этим судопроизводственных правоотношениях или, иначе говоря, - действие принципа неприкосновенности частной жизни в динамике.

Как справедливо отмечает А.В. Преснякова «поскольку право не может носить абсолютного характера, неизбежно существуют пределы, границы осуществления прав, которые носят название ограничения прав и свобод».¹⁶²

К случаям, допускающим непосредственное ограничение неприкосновенности частной жизни, законодатель относит производство таких следственных действий, как осмотр жилища, обыск и выемка в жилище (ст. 12 УПК); обыск, наложение ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемка в учреждениях связи, контроль и запись телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 13 УПК). Однако, по нашему мнению, данный перечень не является исчерпывающим. Неприкосновенность частной жизни в определенных условиях может подвергаться непосредственному ограничению также и при производстве некоторых других, не указанных выше процессуальных действий: личного обыска, освидетельствования, следственного эксперимента, наложения ареста на имущество, экспертизы.

В качестве условия, допускающего ограничение права на неприкосновенность частной жизни граждан, на котором акцентирует внимание правоприменителя УПК Российской Федерации, выступает наличие соответствующего волеизъявления лица, интересы которого затрагиваются, или получение на то его согласия в случаях производства осмотра, обыска и выемки в их жилище, личного обыска, контроля и записи переговоров, освидетельствования, экспертизы (ст. 12; ч.5 ст.177; ч. 1 ст. 179; ч. 2 ст. 183; ч. 1 ст. 184; ч.2 ст. 186; ч. ст. 195 УПК). Помимо этого, неизменным условием осуществления уголовно-процессуальной деятельности, в том числе направленной на ограничение неприкосновенности частной жизни, УПК называет предупреждение

¹⁶² Преснякова А.В. Право на неприкосновенность частной жизни в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2010. N 8. С. 18 - 19.

участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших им известными данных предварительного расследования, о чем у них отбирается подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со статьей 310 УК России (ч. 2 ст. 161 УПК). Примечательно то, что УПК предписывает прокурору, следователю и дознавателю осуществлять указанное предупреждение во всех без исключения случаях.

Кроме того УПК России содержит положение, согласно которому данные предварительного расследования могут быть преданы гласности, только если это не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также не допускается разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия (ч. 3 ст. 161 УПК). Такой подход законодателя к сохранению тайны личной и семейной жизни, отраженный в УПК России, в полной мере соответствует требованию ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации о недопустимости сбора и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Тем не менее, отсутствие согласия участника уголовного судопроизводства на ограничение неприкосновенности его частной жизни в связи с производимым расследованием во многих случаях не является непреодолимой преградой для осуществления соответствующих действий прокурором, следователем и дознавателем. Иное затруднило и даже сделало бы вовсе невозможным установление значимых для дела обстоятельств. Поэтому, в случае отсутствия согласия или вероятности отказа в даче такового соответствующим лицом, уголовно-процессуальный закон предусматривает превентивный (предварительный) и последующий судебный контроль за законностью и обоснованностью деятельности, ограничивающей конституционные права граждан, составляющие неприкосновенность частной жизни. Такой контроль, по мысли законодателя, призван обеспечить минимальное вторжение в данную сферу, обусловленное лишь

необходимостью установления значимых для расследования уголовного дела обстоятельств. Полномочия судьи по осуществлению соответствующего контроля закреплены в п. 4-9, 11 ч. 2 ст. 29 УПК. Общий порядок осуществления предварительного (превентивного) судебного контроля за законностью и обоснованностью действий, вторгающихся в сферу частной жизни граждан закреплен в ч. 1-4 ст. 165 УПК Российской Федерации.

Помимо необходимости получения судебного решения для производства ряда следственных действий и применения мер процессуального принуждения, ограничивающих право граждан на неприкосновенность частной жизни, в качестве правовой гарантии законодатель предусмотрел возможность последующего судебного контроля. В исключительных случаях такие следственные действия, как осмотр жилища, обыск, выемка в жилище и личный обыск могут быть произведены только на основании постановления следователя или дознавателя и без получения судебного решения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Несмотря на то, что названные следственные действия значительно ограничивают право на неприкосновенность частной жизни, основания для подобного исключения очевидны и связаны с особенностями этих следственных действий, когда промедление с их производством может привести к утрате доказательств.

Однако проведение названных следственных действий без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства, не означает, что их производство тем самым выводится из-под судебного контроля. Следователь (дознаватель) в течение 24 часов с момента начала производства следственного действия обязан уведомить об этом судью и прокурора. К уведомлению обязательно должны быть приложены копии постановления следователя (дознавателя) о производстве следственного действия и протокола следственного действия. Цель судебской проверки — установление законности решения о проведении следственного действия. Вместе с тем, очевидно, что неотъемлемой частью судебной проверки является оценка также и обоснованности следственного действия. Наличие

оснований для ограничения конституционных прав граждан проведением следственного действия - вот что должно интересовать судью в первую очередь¹⁶³. Эффективность этой формы судебного контроля напрямую зависит от своевременности представления в суд уведомления и материалов, обосновывающих решение о производстве следственного действия. Как показывает практика, органы расследования далеко не всегда соблюдают установленный 24-х часовой срок.

Так, дознавателем ЛОВД на ст. Невинномысская М. 19 января 2004 г. в 15 час.30 мин. было вынесено постановление о производстве обыска в жилище как случае, не терпящем отлагательства. Из постановления следовало, что по данному адресу могли храниться наркотические вещества. В соответствии с вынесенным постановлением, 19 января 2004 г. с 18 час. до 20 час.05 мин. М., в присутствии двух понятых, произвел обыск, в ходе которого ничего не было обнаружено. В нарушение ч. 5 ст. 165 УПК, дознаватель в течение 24 часов с момента начала производства следственного действия, не уведомил Невинномысский суд о проведении указанного следственного действия. Материалы, обосновывающие производство обыска, поступили в суд лишь 6 февраля 2004 г., фактически одновременно с окончанием производства по уголовному делу¹⁶⁴.

Даже если в процессе обыска предметы интересующие следствие обнаружены не были, это не освобождает органы расследования от обязанности обосновать перед судом сам факт ограничения права граждан на неприкосновенность жилища и частной жизни. Инициаторами судебной проверки могут быть граждане, интересы которых затрагиваются действиями и решениями должностных лиц органов предварительного расследования.

Статистика, однако, свидетельствует, что граждане редко реализуют свое право на судебное обжалование, являющегося «одной из форм

¹⁶³ См.: *Кальницкий В.* Обоснованность производства следственных действий как предмет судебной оценки // Рос. юстиция. 2003. № 2. - С. 27; *Соловьев А.* Обеспечение обоснованности проведения осмотра жилища, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства // Уголовное право. 2004. № 2. - С. 103.

¹⁶⁴ Представление прокурора Ставропольской транспортной прокуратуры по фактам грубого нарушения норм уголовно – процессуального законодательства. Надзорное производство 07-14-1-04 по уголовному делу № 2450017.

конституционной защиты законных прав участников уголовного судопроизводства»¹⁶⁵. В первом квартале 2003 года из всех рассмотренных материалов в порядке судебного контроля, жалобы на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, составляют лишь 3,8 %, из которых удовлетворено 37,2 %¹⁶⁶.

Таким образом, в качестве одной из гарантий неприкосновенности частной жизни уголовно-процессуальный закон предусматривает не только предварительный (превентивный) судебный контроль, но и обязательную проверку судом законности действий следователя по ограничению конституционных прав граждан, произведенных в случаях, не терпящих отлагательства, без судебного решения, как одну из форм последующего судебного контроля за соответствующей деятельностью следователя.

Как указывалось выше, одним из средств обеспечения неприкосновенности частной жизни является установление ответственности за нарушение ее конституционных составляющих, в первую очередь, ответственности уголовной. Так, ст. 137 главы 19 УК России «Преступления против Конституционных прав и свобод человека и гражданина» предусматривает ответственность за деликт общего характера - Нарушение неприкосновенности частной жизни: «Незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности и причинили вред правам и законным интересам граждан». Кроме того, настоящая глава УК содержит и специальные нормы, признающие преступлением нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных

¹⁶⁵ Трунов И.Л. Обжалование действий и решений суда и должностных лиц в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2004. № 2; Об этом же: Химичева О. Уголовно-процессуальная регламентация права заявлять ходатайства // Законность. 2004. № 2. - С. 15-17.

¹⁶⁶ Работа федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей Российской Федерации в первом полугодии 2003 года // Рос. юстиция. 2004. № 1. - С. 69.

сообщений (ст. 138), а также нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139). Кроме того, УК Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155), а также за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183).

Главой 17 УК России в число объектов преступлений против личности включаются честь и достоинство. Так, преступным признается такое деяние, охватываемое данной главой, как клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (ст.129 УК РФ). Помимо этого, как уже указывалось, ст. 310 УК устанавливает ответственность за разглашение данных предварительного следствия.

Уголовно-процессуальный закон также устанавливает ответственность за нарушение его предписаний о неприкосновенности частной жизни, которая выражается в уголовно-процессуальных санкциях¹⁶⁷. К таким санкциям можно отнести отстранение прокурором дознавателя, следователя от дальнейшего производства расследования, если ими допущено нарушение требований УПК России (п. 7 ч. 2 ст. 37), а также отмену незаконных или необоснованных постановлений нижестоящего прокурора, следователя, дознавателя (п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК), в том числе, когда такие решения и действия затрагивают право на неприкосновенность частной жизни участвующих в производстве по делу лиц.

В качестве одной из разновидностей уголовно-процессуальных санкций выступают так называемые санкции ничтожности. «Санкции ничтожности являются санкциями пассивного воздействия. Они реагируют на правонарушение путем игнорирования противоправных действий, признавая их не состоявшимися, юридически безразличными»¹⁶⁸. Так, согласно ч. 1 ст. 75 УПК, «доказательства, полученные с нарушением

¹⁶⁷ См.: Громов Н.А., Полушин С.А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. - М., 1998.

¹⁶⁸ Там же. - С. 88.

требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса».

В соответствии с данными нормами нарушение любого из положений уголовно-процессуального закона, направленных на обеспечение неприкосновенности частной жизни, допущенное при производстве процессуальных действий, влечет признание их результатов не имеющими доказательственного значения. Например, следователь перед началом выемки или обыска не предложил добровольно выдать предметы, документы и ценности, имеющие значение для дела (ч. 5 ст. 182; ч. 2 ст. 183 УПК), не принял мер к неразглашению обстоятельств частной жизни лица, в жилище которого производится обыск (ч. 2 ст. 161; ч. 7 ст. 182 УПК) или произвел видеозапись при освидетельствовании, сопровождаемом обнажением лица, без его на то согласия (ч. 4 ст. 179 УПК) и т.п.. Пренебрежение данными требованиями закона сводит на нет юридическую значимость полученных при производстве указанных следственных действий сведений, влечет безусловную недопустимость их использования в процессе доказывания. Кроме того, ч. 5 ст. 165 УПК, допускающая в исключительных, не терпящих отлагательства случаях, производство процессуальных действий, ограничивающих неприкосновенность частной жизни, без судебного решения, специально предусматривает, что «в этом случае следователь в течение 24 часов с момента начала производства следственного действия уведомляет судью и прокурора о производстве следственного действия. К уведомлению прилагаются копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия для проверки законности решения о его производстве. Получив указанное уведомление, судья в срок, предусмотренный частью второй настоящей статьи, проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности. В случае, если судья

признает проведенное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признаются недопустимыми в соответствии со статьей 75 настоящего Кодекса».

Такие следственные действия, как наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, ее осмотр и выемка, а также контроль и запись переговоров зачастую носят весьма продолжительный характер. В ходе их производства следователем собирается масса информации частного характера, большинство из которой, как правило, не имеет значения для установления обстоятельств преступления, причем о лицах, не только не являющихся участниками производства по данному делу, но и не имеющих никакого отношения к противоправной деятельности вообще. Таким образом, нарушается право человека на личную и семейную тайну. Кроме того, изначально имевшиеся основания для производства указанных следственных действий в дальнейшем могут отпасть, а их проведение «по инерции» продолжаться. Наконец, как было указано выше, полученные в ходе следственных действий, проведенных с нарушением закона, доказательства могут быть признаны недопустимыми к использованию в процессе доказывания.

Целесообразность «засорения» материалов дела носителями, содержащими подобного рода данные, вызывает серьезные сомнения. Помимо этого, доступ к уголовному делу, как в ходе производства по нему, так и в период его хранения в архиве, получают весьма широкий круг лиц. Причем, граждане, сведения о которых (не имеющие отношения к делу) получены в ходе уголовного судопроизводства, возможности ознакомиться с ним как раз и не имеют. Таким образом, само наличие в материалах дела указанной информации о частной жизни, не представляющей ни малейшего значения для расследования, создает опасность их разглашения, что ставит под угрозу честь и репутацию человека.

В связи с этим, необходимо, во-первых, дополнить ч. 3 ст. 161 УПК

нормой следующего содержания:

«Сведения о частной жизни граждан, полученные в ходе уголовного судопроизводства, не имеющие значения для дела и не имеющие отношения к их преступной деятельности, подлежат немедленному уничтожению, о чем выносится мотивированное постановление».

Во-вторых, нужно закрепить в законе осуществление не только предварительного (превентивного) и последующего, но и текущего судебного контроля, заключающегося в проверке с определенной периодичностью дальнейшей обоснованности и целесообразности производства таких длящихся следственных действий, как наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, ее осмотр и выемка, а также контроль и запись переговоров. (Об этом более подробно будет сказано ниже).

Ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни может выражаться и в правосстановительных уголовно-процессуальных санкциях. «Суть их состоит в восстановлении нарушенных правоотношений, устранении последствий нарушения, выражении отрицательной оценки действиям правонарушителя»¹⁶⁹. К таким санкциям относится, в частности, возмещение процессуальными органами гражданину морального вреда, причиненного незаконным вторжением в его частную жизнь при производстве по уголовному делу. УПК (ст. 136) содержит положения, специально посвященные возмещению такого вреда.

Гарантией соблюдения должностными лицами органов расследования и иными лицами права лица на неприкосновенность частной жизни в досудебных стадиях уголовного судопроизводства безусловно выступает прокурорский надзор. Прокурор является неотъемлемым участником уголовного судопроизводства, реализующим свои полномочия на всех стадиях производства по уголовному делу. Деятельность прокурора весьма

¹⁶⁹ Громов Н.А., Полушин С.А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. - М., 1998. - С. 73.

специфична, что обусловлено его двояким положением в деле. С одной стороны - он орган надзора, а с другой - сторона в деле, осуществляющая уголовное преследование.

В настоящее время имеет место тенденция снижения роли прокурора в сфере уголовного судопроизводства; часть надзорных полномочий возлагается на суд. Однако, даже в том виде, в каком полномочия прокурора сохранены в УПК РФ, он наделен широкими полномочиями, позволяющими оперативно реагировать на каждое нарушение органов расследования прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Важным преимуществом прокурорского надзора, по сравнению с судебным контролем, выступает его динамичность. Прокурор уполномочен самостоятельно, по собственной инициативе стать активным участником процесса расследования и пресечь все возможные нарушения закона (ст. 37 УПК). Однако, так же как и суд, он обязан принять и рассмотреть любые жалобы участников уголовного судопроизводства на нарушение их прав (ст. 124 УПК).

Одной из гарантий обеспечения неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве является такая форма последующего судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования, ограничивающими конституционные права граждан, как проверка судом их законности и обоснованности по жалобам заинтересованных лиц.

«В правовом государстве одной из наиболее эффективных форм обеспечения прав граждан выступает судебный порядок их защиты и восстановления в случае нарушения», - справедливо отмечает В.С. Шадрин¹⁷⁰. Конституция Российской Федерации устанавливает: «Права и свободы человека и гражданина... обеспечиваются правосудием» (ст. 18). «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» (п. 1 ст. 46). Право на судебную защиту Конституция закрепляет не в качестве самого по

¹⁷⁰ Шадрин В.С. Указ. соч. - С. 46-47.

себе, как другие права, например как права на личную неприкосновенность, на свободу передвижения, а в качестве гарантии прав и свобод человека и гражданина¹⁷¹. Уголовно – процессуальный закон достаточно подробно регламентирует порядок обжалования в суд действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Таким образом, можно заключить, что **уголовно-процессуальные гарантии права на неприкосновенность частной жизни - это установленные нормами уголовно-процессуального закона, различные по своему конкретному содержанию средства и способы, в совокупности своей обеспечивающие реализацию указанного права участвующих в производстве по уголовному делу лиц.**

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

УПК России достаточно прогрессивен в части регламентации гарантий неприкосновенности частной жизни лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства, но в то же время далеко не совершенен, о чем свидетельствуют обоснованные и сформулированные нами в настоящем параграфе исследования законодательные предложения.

Важнейшими уголовно-процессуальными гарантиями неприкосновенности частной жизни граждан являются:

- возведение права лица на неприкосновенность частной жизни в качестве принципа уголовного судопроизводства;

- законодательный запрет посягательства на составляющие неприкосновенность частной жизни конституционные права более частного характера (право на личную и семейную тайну, право на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений; недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица; право на неприкосновенность жилища (ст. 23-25 Конституции РФ), за исключением случаев, прямо предусмотренных законом;

¹⁷¹ См.: Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. - М., 1997. - С. 155.

- законодательное закрепление условий, оснований и порядка (процедуры), производства действий, допускающих ограничение сферы частной жизни;

- установление ответственности должностных лиц процессуальных органов за нарушение прав, составляющих право на неприкосновенность частной жизни;

- усиление прокурорского надзора за организацией и проведением расследования, для своевременного пресечения незаконного вторжения в сферу частных интересов граждан;

- развитие судебного контроля за предусмотренными законом действиями, ограничивающими право на неприкосновенность частной жизни;

- разъяснение возможности и порядка восстановления указанных прав в случае их нарушения и возмещения причиненного таким образом вреда пострадавшему лицу.

§ 2. Специфика обеспечения права на неприкосновенность частной жизни участников уголовного судопроизводства при задержании и заключении под стражу

Российское уголовное судопроизводство служит задаче успешной борьбы с преступностью, но наряду с этим оно содержит систему гарантий прав и законных интересов участников процесса. Забота о реализации осуществлении процессуальных гарантий, вытекающих из конституционных положений о неприкосновенности частной жизни личности и иных её прав и свобод в значительной степени возлагается на судебную-прокурорские и следственные органы. Именно эти органы в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел призваны строжайшим образом охранять права обвиняемого и других лиц, которым эти права гарантируются законом.

Процессуальный институт мер принуждения направлен на помощь в осуществлении правосудия и противостоит любой попытке препятствовать этому со стороны обвиняемого (подозреваемого) и других лиц. С этой целью государство наделяет правоохранительные органы правом ограничить личную свободу обвиняемого, создать ему препятствия для свободного передвижения и перемены места жительства, ограничить в правах распоряжения имуществом. Отсутствие у должностных лиц, осуществляющих и направляющих уголовное судопроизводство, эффективных рычагов воздействия на недобросовестных граждан, вовлекаемых в его сферу, неспособность предупредить и пресечь противоправные действия последних исключают возможность нормального движения и успешного исхода производства по делу. Поэтому, несмотря на демократический характер принципов уголовного судопроизводства и гуманистическую направленность его реформирования, при раскрытии и расследовании преступлений без государственно-властного принуждения не обойтись. Органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры и

суда, реализуя возложенные на них задачи, применяли, применяют и будут применять в процессе производства по уголовным делам меры процессуального принуждения. «Главное только, отмечает А.П. Федоров, - чтобы их применение было законным и обоснованным, направленным на охрану прав, свобод и законных интересов личности, а не наоборот, на неосновательное ущемление прав и свобод человека и гражданина»¹⁷².

В юридической науке понятие, сущностные признаки, классификация, условия, основания и порядок применения мер уголовно-процессуального принуждения подвергались самому тщательному и разностороннему исследованию¹⁷³. Современное отношение законодателя к мерам принуждения в уголовном судопроизводстве, получившее отражение в УПК России, в значительной мере представляет собой конечный продукт напряженного научного творчества, результат многолетней и, порой, весьма острой полемики ученых-процессуалистов. Дискуссирование по вопросам применения мер уголовно-процессуального принуждения, не прекращается и после введения в действие в 2002 году Уголовно-процессуального кодекса России. Но вряд ли поколеблет единство мнений ученых и законодателя по вопросу о том, что принуждение в уголовном судопроизводстве - это, прежде всего, - ограничение основных конституционных прав и свобод граждан.

Л. Трунова отмечает, что практически любая из форм уголовно-процессуального принуждения влечет за собой то или иное ограничение личной свободы граждан (свободы воли, передвижения, неприкосновенности)¹⁷⁴.

Справедливо мнение З.З. Зинатуллина, который справедливо отмечает, что, по своей сущности, уголовно-процессуальное принуждение выражается

¹⁷² См.: *Федоров А. П.* Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект) // Дис... докт. юрид. наук. - СПб., 1996. - С. 317-332.

¹⁷³ См.: *Очереди В.Т.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2004; *Мельников В.Ю.* Задержание подозреваемого. Проблемы применения данной меры процессуального принуждения // Закон и право. 2004. № 10. - С.40-45; *Руднев В.И.* Задержание и заключение под стражу должны быть не только обоснованными, но и законными // Журнал Российского права. 2004. № 9. - С. 87-90; *Михайлов В.А.* Меры пресечения в российском уголовном процессе. - М., 1996; *Ахпанов А.Н.* Меры процессуального принуждения: социальная ценность, теория и практика применения. Уч. пособие. Караганда, 1989. и др.

¹⁷⁴ См.: *Трунова Л.* Меры пресечения в уголовном процессе: ответственность за их несоблюдение // Уголовное право. 2003. № 1. - С. 76.

в физическом, материальном, психологическом или моральном воздействии; всегда связано с определенными правовыми ограничениями в виде лишений имущественного или организационного характера, в том числе телесной неприкосновенности, свободы передвижения и выбора занятий, неприкосновенности жилища, тайны переписки и телеграфных переговоров, возможности свободного распоряжения находящимся в правомерном владении имуществом и т.д.¹⁷⁵

В.А. Михайлов так же отмечает, что государственное принуждение связано с существенными ограничениями установленных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, в уголовном процессе оно допустимо лишь в строго установленных законом случаях, при соблюдении соответствующих гарантий законности и обоснованности его применения¹⁷⁶.

В Российском уголовном судопроизводстве применение мер уголовно-процессуального принуждения регламентировано в разделе IV УПК «Меры процессуального принуждения», который включает в себя главы 12 «Задержание подозреваемого», 13 «Меры пресечения» и 14 «Иные меры процессуального принуждения». По нашему мнению, исключительно принудительный характер носит и такое действие, как помещение подозреваемого и обвиняемого в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы (ст. 203 УПК), несмотря на то, что непосредственно в круг мер процессуального принуждения оно законодателем не включено.

Применение мер процессуального принуждения связано с ограничением целого комплекса конституционных прав лица. Одним из прав, ограничение которых связано с применением мер принуждения по уголовному делу, является право на неприкосновенность частной жизни. Однако большинство из названных мер процессуального принуждения

¹⁷⁵ См.: Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. - Казань, 1981. - С.8.

¹⁷⁶ См.: Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. - М., 1996. - С.7.

нарушают неприкосновенность частной жизни, в отличие от других конституционных прав, даже не сами по себе, а в силу того, что факт их применения в отношении определенного лица, как элемент личной тайны, который оно хотело бы скрыть от посторонних, становится достоянием общественности. Для человека, мало-мальски искушенного в юриспруденции, ясно, что подозрение или даже обвинение гражданина в совершении преступления, вовлечение его в уголовно-процессуальные отношения и применение к нему в связи с этим мер уголовно-процессуального принуждения еще не означают признания его преступником. Это положение непосредственно вытекает из принципа презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ; ст. 14 УПК). Однако обыватель обычно расценивает применение процессуальными органами к какому-либо лицу задержания, заключения под стражу, привода, отстранения от должности диаметрально противоположно. Применение таких мер не остаются незамеченными родственниками, соседями, сослуживцами, знакомыми подозреваемого, обвиняемого. Кроме того, определенные сведения о факте преступления, о лице, подозреваемом или обвиняемом в его совершении распространяются и получают достаточно глубокий общественный резонанс в результате направления по месту жительства, работы, учебы разного рода запросов и требований, например, о предоставлении характеристик, составление которых предусматривает указание сведений о том, кто конкретно и в чем обвиняется, а также в ходе допросов свидетелей, производства ревизий, обысков, выемок и других следственных действий. Все это усугубляется подчас шумным освещением обстоятельств применения мер процессуального принуждения, псевдообъективными разоблачениями и сенсационными комментариями в средствах массовой информации.¹⁷⁷

Вопреки презумпции невиновности, в глазах юридически

¹⁷⁷ *Стригалев Д.К.* Неприкосновенность частной жизни как международно-правовой и конституционный принцип деятельности органов предварительного следствия системы МВД // Дис... канд. юрид. наук. - СПб., 2002. - С. 124.

малоосведомленных людей перечисленные действия расцениваются как авторитетное свидетельство причастности конкретного человека к преступлению, ассоциируются с окончательным выводом о его виновности. Именно эта, обладающая огромной инерционной энергией, житейская презумпция образует источник ущерба, причиняемого лицу, которое еще не признано виновным приговором суда¹⁷⁸. Подобное «признание» человека преступником наносит ощутимый урон его репутации еще до судебного приговора. Однако, не следует забывать, что весьма нередко уголовное преследование прекращается на стадии предварительного расследования по реабилитирующим основаниям, а меры процессуального принуждения применяются необоснованно и незаконно.

Так, в 2002 году в отношении 971 лица уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям на стадии предварительного следствия; 1442 лица оправдано судами; освобождено 605 лиц, необоснованно содержащихся под стражей¹⁷⁹.

Применение мер процессуального принуждения, особенно столь жестких как задержание, заключение под стражу вообще, а уж тем более незаконное и необоснованное, помимо острейших переживаний морально-психологического характера, почти всегда сопряжено с огромными физическими страданиями, являющимися следствием негативных условий содержания в следственных изоляторах. Известно, что в СИЗО не обеспечивается даже элементарный жизненный уровень, необходимый для поддержания здоровья. К примеру, следственный изолятор г. Ставрополя (учреждение ИЗ № 26/7) был построен в 1839 году и, как большинство следственных изоляторов, требует ремонта и реконструкции. Число содержащихся в камерах, как правило, превышает санитарные нормы, отчего арестованные вынуждены спать по очереди, на полу, часто без постельных принадлежностей. Установленные стандарты обеспечения жилой площадью

¹⁷⁸ См.: Москалькова Т.Н. Указ. соч. - С.22-23.

¹⁷⁹ См.: Отчет Следственного комитета МВД России «О состоянии и результатах работы органов предварительного следствия в системе МВД России в 2000 году».

лиц, содержащихся в СИЗО, и осужденных в 2002 г. (кв. м.) нарушаются и сегодня¹⁸⁰.

Вид учреждения	Норма, установленная законодательством	Фактическое состояние
СИЗО	4 кв.м.	3,68 кв.м.

Питание и медицинское обслуживание обвиняемых и подозреваемых, содержащихся под стражей оставляет желать лучшего. Однако мы делаем акцент на то, что, помимо тягот и лишений, которые вынуждено испытывать помещенное в ИВС или СИЗО лицо, незаконное и необоснованное задержание и заключение под стражу, а также неосновательное продление или незаконное затягивание сроков пребывания лица под стражей, становясь известным более или менее широкому кругу лиц, наносит удар по его репутации, порочит честь и доброе имя, причиняя тем самым человеку моральный вред.

Законодатель, исключая возможность использования мер процессуального принуждения в безнравственных целях, достаточно детально регламентирует основания, условия и процессуальный порядок их применения. Все это обеспечивает соблюдение прав, свобод и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Рассматривая проблемные аспекты обеспечения права на неприкосновенность частной жизни при применении мер уголовно-процессуального принуждения, важно остановиться на особенностях реализации уголовно-процессуальных гарантий права на неприкосновенность частной жизни граждан при осуществлении уголовно-процессуального задержания. В соответствии со ст. 91 и 92 УПК следователь вправе задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

¹⁸⁰ См.: Таблица данных, опубликованных в сборнике: Основные показатели деятельности УИС Министерства юстиции РФ в 2002 г.: Ежегодный статистический сборник. - Тверь, 2003.

Задержание, не являясь мерой пресечения, по своему правоограничительному признаку весьма схоже с заключением лица под стражу. В юридической науке по данному вопросу высказаны следующие точки зрения.

М.С. Строгович отмечал, что «хотя задержание не является мерой пресечения, избираемой в порядке, установленном УПК, оно все же представляет собой арест лица».¹⁸¹ Е.М. Клюков писал, что задержание представляет собой меру процессуального принуждения, состоящую в немедленном взятии под стражу лица подозреваемого в совершении определенного преступления.¹⁸² М.Б. Мелентьев под задержанием понимает «краткосрочный арест лица, производимый в силу неотложности, без предварительной санкции прокурора».¹⁸³

Задержание подозреваемого представляет собой достаточно строгую меру принуждения, влекущую ощутимое вмешательство в частную жизнь человека. Как отмечает Н.Н. Волошкина, «правоограничения подозреваемых при задержании, вытекающие из режима содержания, такие же значительные, как и при применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Задержанный лишен свободы передвижения, общения с другими лицами, возможности распоряжения имуществом, его переписка контролируется, он подвергается личному обыску. Правовая регламентация задержания предназначена ограничить его применение пределами необходимости, обеспечить законность и обоснованность данного процессуального действия и тем самым создать надлежащие гарантии в ходе предварительного следствия конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни».¹⁸⁴ На схожесть задержания с мерой пресечения – заключение под стражу указывает так же В.Т. Очередин¹⁸⁵.

¹⁸¹ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. - М., 1958. - С. 276.

¹⁸² *Клюков Е.М.* Меры процессуального принуждения. - Казань, 1974. - С. 22.

¹⁸³ *Мелентьев М.Б.* Комментарий к Федеральному закону о содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. - М., 1996. - С. 26.

¹⁸⁴ *Волошкина Н.Н.* Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни при производстве предварительного следствия // Дис... канд. юрид. наук. - М., 2000. - С. 131.

¹⁸⁵ См.: *Очередин В.Т.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве: Учеб. пособие. - Волгоград:

К гарантиям права на неприкосновенность частной жизни можно отнести, на наш взгляд, предоставление полномочий задерживать подозреваемого только дознавателю и следователю, принявшему дело к своему производству, установленные законом перечень оснований задержания, процессуальный порядок его осуществления, срок задержания, права подозреваемого, обязанности должностного лица, осуществляющего производство по делу, по их разъяснению и обеспечению, режим содержания и порядок освобождения задержанных, ответственность следователя, предусмотренная ст. 301 УК. В действительности же при реализации норм этого института уголовно-процессуального права, в связи с распространенностью данной меры, очевиден ряд проблем, влияющих на эффективность гарантий анализируемого права.

Как показывает анализ статистических данных Главного Следственного Управления Ставропольского края, данная мера принуждения в 2003 г. следователями этого управления применялась в отношении 12729 лиц, из которых 10260 по различным основаниям было освобождено (более 80 %). Заключение под стражу было 2469 задержанных подозреваемых. Похожая ситуация и в Астраханской области, где из 4837 задержанных подозреваемых были освобождены 2477 человек (около 76 %). Аналогичные показатели в статистических данных прокуратуры Краснодарского края.

Таким образом, можно предположить, что в большинстве случаев задержание не вызывалось необходимостью, что говорит о недостаточности процессуальных гарантий неприкосновенности частной жизни, то есть гарантий правомерного ограничения прав граждан при осуществлении уголовно-процессуального задержания и соответственно правомерного вмешательства в частную жизнь граждан.

Представляется необходимым обратиться к анализу норм, регламентирующих уголовно-процессуальное задержание подозреваемого в совершении преступлений. Часть 2 ст. 92 УПК предусматривает перечень

обстоятельств, подлежащих указанию в протоколе задержания, в том числе, мотивы принятого решения, но закон их не раскрывает, как не указывает и целей задержания. Полагаем, что в качестве мотивов для задержания подозреваемого должны рассматриваться обстоятельства, которые предусмотрены ч. 1 ст. 97 УПК и являются основаниями для избрания мер пресечения. В связи с этим, более правильно будет дополнить ст. 91 УПК пунктом 3 следующего содержания:

«3. Мотивами задержания лица являются достаточные данные о том, что подозреваемый может:

- 1) скрыться от дознания, предварительного следствия или суда;**
- 2) продолжать заниматься преступной деятельностью;**
- 3) угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.»**

В литературе высказаны различные точки зрения по поводу характера данных, обосновывающих вывод о наличии оснований, влекущих задержание и обуславливающих появление мотивов задержания. Так, еще более 30 лет назад М.С. Строгович писал: «мало, чтобы у следователя или лица, производящего дознание, просто возникло подозрение в том, что лицо совершило преступление, так как само по себе подозрение имеет субъективный характер. Необходимы объективные данные, уличающие доказательства, хотя и недостаточные для предъявления обвинения».¹⁸⁶

По мнению А.П. Гуляева, Б. В. Комарова, С.М. Малиновкина, «основания задержания устанавливаются с помощью процессуальных средств доказывания».¹⁸⁷ А. Чувилев также считает, что: «основания задержания должны быть подтверждены показаниями и другими доказательствами» Аналогичную точку зрения высказывает В.Н.

¹⁸⁶ Строгович М. - С. Курс Советского уголовного процесса. - М., 1958. - С. 236.

¹⁸⁷ Гуляев А. П., Комаров Б. В., Малиновкин С. М. Комментарий к Положению о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления». - М., 1982. - С. 10; Сергеев А. И. Укрепление законности при задержании подозреваемого, 27 съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка / Под ред. - С. В. Бородина, И. И. Карпеца. - М., 1987. - С. 212.

Григорьев.¹⁸⁸

Отсутствие в законе понятия «основания» и «мотивы» породило неоднозначное их толкование в литературе и в практической деятельности.

В ходе проведенного нами в 2003 г. опроса следователей и дознавателей ОВД Ставропольского, Краснодарского краев и Астраханской области, 36 % из них вообще затруднились ответить на вопрос об иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, 62 % - твердо уверены, что это оперативно-розыскные данные и лишь 2 % опрошенных смогли указать конкретные примеры. На вопрос: «Считаете ли Вы, возможным задержание лица по подозрению в совершении преступления в тех случаях, когда сведения об обстоятельствах, указанных в ч. 1 ст. 91 УПК, получены не из уголовно-процессуальных источников?» 62 % дознавателей и следователей высказали мнение, что такое задержание вполне возможно и даже необходимо, 38% считают, что эти обстоятельства должны быть доказаны. Однако, практически все следователи указали, что задержание осуществляется по усмотрению следователя.

Из изученных нами 113 протоколов задержания в 79 было указано, что мотивами задержания являются предположения, что подозреваемый может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью, воспрепятствовать производству по уголовному делу. Однако, материалами дела такой вывод не подтверждён; 12 протоколов содержат ссылку на отсутствие у подозреваемого постоянного места жительства, в связи с чем обоснованно утверждалось, что он может скрыться. На наш взгляд, в законе необходимо установить, что лицо может быть задержано, если не имеет постоянного места жительства вообще, а не в конкретном месте (месте задержания).

Мы считаем, что нельзя согласиться с тем, что оперативные данные могут быть основаниями для задержания, так как ограничение права должно

¹⁸⁸ Чувилев А. П. Строго соблюдать законность при задержании подозреваемого в совершении преступления // Соц. законность. 1968. № 2. - С. 35-36; Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. - М., 1999. - С. 157.

быть основано только на доказательствах, то есть данных, в установленном законом порядке полученных из источников, непосредственно указанных в ч. 2 ст. 74 УПК, и закреплены в установленном законом порядке, путем проведения следственных действий. Оперативно-розыскные данные не удовлетворяют ни одному из перечисленных условий, а потому не могут быть использованы для установления обстоятельств, указанных в ч.1 ст. 91 УПК. Показания свидетелей-очевидцев, полученные на допросах и при предъявлении лица для опознания - достаточное основание для задержания подозреваемого.

Задержание при отсутствии или недоказанности обстоятельств, с которыми закон связывает возможность его применения, является произвольным вмешательством в частную жизнь и, по нашему мнению, должно влечь ответственность следователя. Однако, при действующей формулировке закона оценить действия следователя при задержании как правомерные или неправомерные довольно сложно.

Закон обязывает орган дознания, следователя о всяком случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, составить протокол. В нем указываются: дата и время составления протокола; дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого; результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания. В протоколе делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены его права, предусмотренные ст. 46 УПК. Разъяснение этих прав и вручение копии протокола задержания служат средствами защиты его частной жизни, прежде всего от неправомерного фактического ограничения его возможностей обжалования принятого решения, признаваемых и гарантируемых Конституцией.

Задержание должно быть произведено только на срок до 48 часов. Уголовно-процессуальный закон обязывает следователя о всяком случае задержания в течение 12 часов с момента задержания, сделать письменное сообщение прокурору. Но, как показывает практика, прокуроры получают

уведомления о проведенном задержании не всегда своевременно.

Так, при производстве по уголовному делу, возбужденному по ч. 1 ст. 121 УК РФ, дознаватель Н. принял решение о задержании П. по основаниям отсутствия у последнего постоянного места жительства. Уведомление о задержании поступило прокурору на следующие сутки - по истечении 20 часов с момента задержания. Прокурор принял решение об освобождении П. из изолятора временного содержания в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 94 УПК, т.к. наказание за совершение преступления, в котором подозревается П. не предусматривает лишение свободы. Несвоевременное направление прокурору уведомления о проведенном задержании не позволило прокурору своевременно отреагировать и устранить нарушение закона¹⁸⁹.

Несвоевременное направление копий процессуальных документов и уведомлений в надзорное производство органов прокуратуры - нарушение, которое нельзя назвать «новым». Прокуроры получают уведомление о задержании подозреваемых нередко с большим опозданием (в срок свыше 12 часов). Органы дознания не торопятся уведомлять об этом прокурора. Они стараются направить такое уведомление лишь в конце отведенного им законом 12-ти часового срока. Из уведомлений не видно, по каким основаниям проведено задержание, насколько оно обосновано. Материалы дела прокурору не передаются. Самого задержанного прокурор не видит, его не допрашивает. О существовании таких нарушений еще в 1989 году писал И.Л. Петрухин¹⁹⁰. Автор справедливо предлагал, чтобы копии мотивированных постановлений о задержании передавались прокурору немедленно¹⁹¹, и чтобы прокурор изучил материалы уголовного дела и допросил задержанного по всем фактам и эпизодам, послужившим основанием для задержания. Аналогичное мнение высказал также О.Я. Баев¹⁹².

¹⁸⁹ Представление прокурора прокуратуры Промышленного района г. Ставрополя по фактам грубого нарушения норм уголовно – процессуального законодательства. Надзорное производство 22-04м по уголовному делу № 23118.

¹⁹⁰ См.: *Петрухин И.Л.* Указ. сочинение. - С. 86.

¹⁹¹ См.: *Петрухин И.Л.* Указ. сочинение. - С. 87.

¹⁹² См.: *Баев О. Я.* В кн. *Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве/ Под ред. Л. Д. Кокорева.*

Неоднозначно отношение практических работников к сокращению срока задержания до 48 часов, поскольку его недостаточно для выяснения необходимых обстоятельств. Здесь надо учесть, что задержание - мера уголовно-процессуального принуждения; она влечет дополнительные правоограничения. Проблема соразмерности ограничений, вытекающих из режима содержания задержанных тем целям, которые преследует задержание, нам представляется достаточно острой. Правоограничения, установленные федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹⁹³ и конкретизированные Правилами внутреннего распорядка¹⁹⁴, на наш взгляд, не оправданы целями задержания, при условии, что задержанные лица лишь подозреваются, а не обвиняются в совершении преступления. Даже перечень предметов и вещей определяется Правилами внутреннего распорядка: задержанным запрещается иметь при себе деньги, ценные вещи, переписка всех подозреваемых подвергается цензуре, администрация вправе подвергать подозреваемых принудительному питанию (п.9 ч.1 ст. 36 Закона), ассортимент продуктов питания в ларьках мест содержания устанавливается Правилами внутреннего распорядка; норма площади временного содержания подозреваемых введена приказом МВД России № 4 от 26.01.96 в соответствии с Законом и составляет 4 кв.м. на человека, помывка в соответствии с правилами осуществляется раз в неделю. Однако, как свидетельствуют наши данные, лимит в большинстве изоляторов временного содержания Ставропольского края фактически превышен, спальные места не оборудованы, условия для прогулки и для помывки имеются не везде. В соответствии со ст. 29 Закона, участие в гражданско-правовых сделках подозреваемых возможно с разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, под контролем администрации.

Воронеж. 1997. - С. 59.

¹⁹³ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон РФ от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

¹⁹⁴ Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: утверждены Приказом МВД РФ от 26.01.1996 № 41 // Российские вести. 1996. № 68. № 73.

На наш взгляд, заслуживает внимания позиция В.Т. Томина; он видит проблему не столько в оценке обоснованности задержания, сколько в изменении условий самого содержания подозреваемых под стражей, совершенно справедливо считает, что если условия содержания сделать комфортными, то издержки от задержания будут значительно снижены.¹⁹⁵ Потому мы считаем, что неотложной задачей является изменение условий содержания задержанных.

По нашему мнению, при принятии решения об освобождении задержанного по основаниям, указанным в п. 3 ч. 1 ст. 94 УПК (когда задержание было произведено с нарушением требований закона), следователь или лицо, производящее дознание, обязан (на основании ч. 3 ст. 133 УПК) принять меры к реабилитации задержанного, разъяснить ему порядок восстановления нарушенных прав на неприкосновенность личности и частной жизни.

В этой связи предлагаем ч. 5 ст. 94 УПК изложить в следующей редакции:

«5. При освобождении подозреваемого из-под стражи ему выдается справка, в которой указываются, кем он был задержан, дата, время, место и основания задержания, дата, время и основания освобождения. Если лицо освобождается по основаниям, указанным в п. 1 и 3 ч. 1 настоящей статьи ему разъясняется порядок возмещения вреда, установленный главой 18 настоящего Кодекса».

Помимо задержания, вторжение в сферу частной жизни граждан и существенное ограничение рассматриваемого права в уголовном судопроизводстве происходит при применении мер пресечения. Они остро затрагивают права, свободы и интересы лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальной деятельности, и связаны в большинстве с применением случаев или возможностью применения уголовно-процессуального

¹⁹⁵ *Томин В.Т.* Противоречия уголовного судопроизводства и некоторые практические следствия из него в условиях правовой реформы. В кн. «Предварительное следствие в условиях правовой реформы». - Волгоград: ВСШ. 1991. - С. 4.

принуждения. В то же время государственное принуждение в уголовном процессе неизбежно и крайне необходимо, поскольку преступности должна быть противопоставлена сила уголовно-процессуального принуждения мер пресечения¹⁹⁶.

Применение принуждения, конечно, не может быть беспредельным. Его применение означает ограничение того или иного права личности, в том числе установленного и гарантированного Конституцией России. В уголовном процессе допускается лишь правомерное сужение свободы личности. Практическое значение этого требования применительно к мерам пресечения состоит в ограничении тех или иных, в том числе конституционных, прав и свобод личности; при применении мер пресечения ограничения прав и свобод личности допустимы лишь по тем основаниям и в тех пределах, которые установлены Конституцией Российской Федерации, уголовно-процессуальным законодательством и иными федеральными законами; гарантией законного и обоснованного ограничения прав и свобод личности при применении мер пресечения, должна быть установленная законом уголовно-процессуальная процедура таких ограничений¹⁹⁷. А.А. Яшин говорит о том, «что, применение мер процессуального принуждения допустимо лишь в тех случаях, когда это действительно необходимо и не имеет характера произвольного вмешательства в частную жизнь»¹⁹⁸. Основаниям избрания мер пресечения посвящена ст. 97 УПК следующего содержания:

«1. Дознаватель, следователь, прокурор, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;

¹⁹⁶ См.: Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. - М., 1996. - С. 28-29.

¹⁹⁷ См.: Михайлов В. А. Там же. - С. 29.

¹⁹⁸ Яшин А. А. Особенности реализации конституционного принципа уважения чести и достоинства личности при производстве отдельных следственных действий // Следователь. 2003. № 7. - С. 34.

3) может угрожать свидетелю, иным участникам судопроизводства, уничтожить доказательства или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

2. Мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора».

Избрание мер пресечения по иным основаниям, прямо не предусмотренным законом, является грубым нарушением закона. Например, тяжесть предъявленного обвинения не является основанием для избрания меры пресечения, поэтому данное обстоятельство самостоятельным обоснованием ходатайства об избрании меры пресечения быть не может (при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения гражданину С. (Красносулинский районный суд) прокурор в судебном заседании так и обосновал заявленное ходатайство: «С. подозревается в совершении тяжкого преступления, что уже является основанием для содержания под стражей»)¹⁹⁹.

УПК управомочивает следователя избирать одну из мер пресечения в отношении обвиняемого только при наличии определенных оснований. Закон ставит решение вопроса о необходимости применения меры пресечения вообще и о выборе конкретной меры пресечения, прежде всего, в зависимости от усмотрения следователя. Таким образом, факт совершения лицом преступления и факт его привлечения в качестве обвиняемого, сами по себе еще не являются основанием для применения меры пресечения. Данные факты могут служить лишь поводом для рассмотрения вопроса о применении меры пресечения по конкретному уголовному делу.

Показательно то обстоятельство, что ни по одному из 50 изученных нами уголовных дел в архиве суда Промышленного района г. Ставрополя, не выявлено ни одного случая, неизбрания следователем в отношении обвиняемого какой-либо меры пресечения. Перестраховываясь и не рискуя

¹⁹⁹ Золотых В. Заключение под стражу по решению суда (обобщение практики применения ст. 108 УПК РФ) // Рос. юстиция. 2002. № 11.

не применять меры пресечения, даже когда оснований для этого в материалах дела не усматривается, они применяют её, - тем самым они действуют в ущерб законным интересам обвиняемых, нарушая их конституционные права. Учтя это, мы предлагаем дополнить ст. 97 УПК РФ частью 3, изложив её в следующей редакции:

«3. При отсутствии оснований избрания меры пресечения, следователь вправе ограничиться взятием у подозреваемого, обвиняемого обязательства о явке в порядке, установленном ст. 112 УПК РФ».

Конечно, неприменение или несвоевременное применение мер пресечения при наличии достаточных для того оснований, а равно и неправильный выбор меры пресечения, могут существенно затруднить ход расследования и негативным образом повлиять на объективность его результатов, способствовать совершению новых преступлений. Так, по изученным автором уголовным делам среди преступников, скрывшихся после возбуждения уголовного дела, 60 % составляют лица, к которым мера пресечения применена не была, а по делам лиц, совершивших новые преступления в период расследования, необоснованное неприменение мер пресечения составило 20 % случаев.

В системе мер процессуального принуждения - заключение под стражу является самой суровой, наиболее ограничивающей права и свободы человека и гражданина. Применение этой меры пресечения, в соответствии со ст. 29 УПК, допускается только на основании судебного решения. Многие процессуалисты видят в судебном контроле панацею от всех бед.

«Судебная процедура, - считает В.Н. Кудрявцев, - является одним из наиболее эффективных демократических и доступных способов разрешения конфликтов, возникающих между гражданином и органами управления. Независимость суда и подчинение его только закону, отсутствие у судей какой бы то ни было ведомственной заинтересованности, беспристрастность в рассмотрении жалобы - отличительные достоинства судебного порядка

рассмотрения дел».²⁰⁰

«Прокурорский контроль за проведением расследования, - по мнению И.В. Смольковой, - это контроль заинтересованного субъекта: он может изъять дело у следователя и сам продолжить по нему расследование. Так называемый внутренний контроль при всей его полезности и эффективности имеет определенные недостатки, которые устраняются при внешнем контроле. Последний отличается более высокой степенью непредвзятости, тогда как при внутреннем контроле существует связанность контролирующего и контролируемого субъектов общим интересом и отношением подчинения. Суд, давая разрешение на проведение следственных действий, не руководит следователем. Разрешив конкретный вопрос о достаточности фактических оснований для производства того или иного следственного действия, вторгающегося в конституционно защищенные зоны частной жизни, суд не следит за дальнейшим ходом расследования, не руководит им и не требует у следователя отчета. Надзорные функции прокуратуры подменяют судебную проверку законности и обоснованности действий органов предварительного расследования в таких вопросах, как вмешательство в частную жизнь граждан. Происходит сужение судебной власти и ее место занимает прокуратура, то есть одно из ведомств исполнительной власти. Это особенно опасно в связи с тем, что, осуществляя надзор за дознанием и предварительным следствием, прокуратура в тоже время выступает в качестве стороны, поддерживающей государственное обвинение в судебном заседании. Это придает очевидную обвинительную направленность всей системе правосудия и выхолащивает даже те гарантии прав граждан, которые предусмотрены в УПК».²⁰¹

Сторонник судебного контроля А.В. Долгушин также считает, что санкционирование следственных действий, связанных с возможностью ограничения конституционных прав и свобод граждан (то есть влекущих

²⁰⁰ Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. - М., 1986. - С. 35.

²⁰¹ Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе // Дис. ... докт. юрид. наук. Иркутск, 1998.

меры процессуального принуждения), последующую проверку законности и обоснованности таких действий, решение органов расследования, разрешение споров между органами, ведущими процесс, и рассмотрение жалоб граждан на органы уголовного преследования должен включать в себе судебный контроль²⁰².

Объективности ради, отметим, что целесообразность существования института судебного контроля весьма спорна и неоднократно являлась предметом острых дискуссий на страницах печати²⁰³. Как нам представляется, объективность, независимость и беспристрастность, правосознание и внутреннее убеждение судьи не доминируют в сравнении с аналогичными качествами прокурора, нет у судьи и существенных преимуществ и процессуальных возможностей, чтобы более надежно гарантировать участникам уголовного процесса защиту их прав и законных интересов. Следует отметить, что, вопреки сложившимся представлениям, большинство опрошенных практических работников органов МВД и прокуратуры (64%) отрицательно оценивают отнесение к компетенции суда решений о производстве следственных действий, ограничивающих неприкосновенность жилища, тайну переписки и переговоров. При этом, в числе причин такой оценки были названы недостаточная оперативность судебной процедуры (72% от общего числа опрошенных), сложная процедура получения судебного решения (15 %) и сомнения в том, что принятые судом решения будут объективны (12%). Положительное отношение высказали 27% респондентов.

Интересно мнение Ф. Багаутдинова, который, не без основательно, заметил: «если беспристрастно проследить вехи развития судебного

²⁰² Долгушин А. В. Судебный контроль в стадии предварительного расследования. // Современные проблемы правоохранительной деятельности. - Волгоград, 1995. - С. 17; Муратова Н.Г., Чулюкин Л.Д. Понятие и правовая природа судебного контроля по уголовным делам // Российский судья. 2004. № 3.

²⁰³ См.: Александров А.С. Каким не быть предварительному следствию // Гос. и право. 2001. № 9. - С. 59; Петрухин И. Можно ли обжаловать в суд постановление о возбуждении уголовного дела? // Рос. юстиция. 2002. № 4. - С. 49 – 50; Верещагина А. В. Новеллы Уголовно-процессуального кодекса: концептуальный аспект // Журнал российского права. 2003. № 10; Францифоров Ю.В. Значение независимости судебной власти и эффективности средств судебной защиты прав человека // Российский судья. 2002. № 4; Лазарева В.С. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики // Автореф. дис... докт. юрид. наук. - М., 2000. - С. 9 – 10 и др.

контроля, заметим, что после введения права судебного обжалования ареста отдельные судьи стали достаточно вольно практиковать освобождение арестованных из-под стражи. В результате, некоторые из числа освобожденных скрылись от следствия, совершили другие преступления. Понадобились принципиальная позиция вышестоящих судов, строгий прокурорский надзор, прежде чем практика судов стала более взвешенной. Введение в 1998 году в закон положения о праве прокурора опротестовать постановление суда об освобождении из-под стражи и возможность кассационного пересмотра решения суда остудили многие горячие головы»²⁰⁴. Статистика свидетельствует, что в настоящее время большая часть ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу удовлетворяются судами - 90,6 %²⁰⁵.

Наделение суда правомочием принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и практика применения данной нормы закона обнажила проблему, о которой, пожалуй, мало кто задумывался. Дело в том, что ранее, когда решение о заключении лица под стражу было отнесено к компетенции прокурора, судьи при рассмотрении жалоб на законность и обоснованность не были связаны ведомственной принадлежностью и подчиненностью органам прокуратуры. В связи с этим значительная часть жалоб удовлетворялась. В настоящее время, когда один орган (суд) самостоятельно принимает решение о заключении лица под стражу и сам же рассматривает жалобы на законность и обоснованность применения данной меры пресечения, число удовлетворенных жалоб резко сократилось. Так, по данным ГСУ ГУВД Ставропольского края в 2003 году судом была удовлетворена лишь 1 жалоба заключенных под стражу об изменении меры пресечения, в первом полугодии 2004 года количество удовлетворенных жалоб возросло до 6²⁰⁶. Связано это с тем, что каждая

²⁰⁴ Багаутдинов Ф. Состояние и перспективы судебного контроля // Рос. юстиция. 2001. № 3.

²⁰⁵ Работа федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей Российской Федерации в первом полугодии 2003 года // Рос. юстиция. 2004. № 1. - С. 69.

²⁰⁶ Статистические данные приведены по уголовным делам, находившемся в производстве органов дознания и следствия подразделений ГУВД Ставропольского края.

отмена или изменение меры пресечения – это брак в работе суда, ставящий под сомнение законность и обоснованность ранее принятого судьей решения.

По нашему мнению, одним из факторов низкого процента удовлетворения жалоб об отмене или изменении меры пресечения является и психологическая зависимость судей. Нежелание обнажить брак в работе своего коллеги-судьи, принявшего решение о заключении лица под стражу, при наличии выбора, может склонить судью к принятию решения об отказе в удовлетворении жалобы. Наши предположения подтверждаются и статистическими данными. Анализ работы федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей России в первом полугодии 2003 года, показывает, что ходатайства о продлении срока содержания под стражей удовлетворяются в 96,9 % случаев.²⁰⁷

Практика показывает, что львиная доля решений об отмене или изменении мер пресечения на этапе досудебного производства принимается органами предварительного расследования. Так, по данным ГСУ ГУВД Ставропольского края мера пресечения в виде заключения под стражу в 2003 году избиралась в отношении 3797 подсудимых. Из общего числа заключенных под стражу 1394 лицам мера пресечения изменялась следственными органами, то есть, 36,7% лиц, заключенных под стражу органами следствия ОВД Ставропольского края освобождались из-под стражи еще до начала судебного разбирательства. Как отмечает В. Спицын, статистика свидетельствует, что ежемесячно более полутора тысяч человек освобождаются из следственных изоляторов в связи с изменением меры пресечения или оправданием²⁰⁸.

Анализ статистических данных позволяет предположить, что в большинстве случаев вовсе не обязательно прибегать к заключению под стражу, как мере пресечения наиболее существенно ограничивающей право лица на неприкосновенность частной жизни. Установив наличие оснований

²⁰⁷ Работа федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей Российской Федерации в первом полугодии 2003 года // Рос. юстиция. 2004. № 1. - С. 69.

²⁰⁸ Спицын В. Заключение под стражу: некоторые итоги правоприменительной практики // Закон и право. 2004. № 1. - С. 9.

для применения меры пресечения следователь должен остановить свой выбор на той из них, которая способна обеспечить надлежащее поведение в ходе производства по делу обвиняемого, подозреваемого при минимальном вторжении в сферу его конституционных прав. При этом, на наш взгляд, применение заключения под стражу должно носить исключительный характер.

При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения и определении ее вида при наличии соответствующих оснований, предусмотренных ст. 97 УПК, должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (ст. 99 УПК).

Таким образом, следователю, избирающему меру пресечения, предстоит установить характеризующие личность данные, то есть морально-психологические, эмоционально-волевые ее черты, характеризующие поведение человека в быту, на работе, наличие судимости, а также состояние здоровья, в том числе наличие или отсутствие таких заболеваний, как наркомания, алкоголизм, заболеваний психики, и т. п. Выясняются также род занятий лица в широком смысле слова, его профессия, источники существования, круг общения. Помимо этого, в отдельных случаях, например, при применении меры пресечения – залог, следователю необходимо установить реальное материальное положение обвиняемого, наличие у него иждивенцев, наличие материальных ценностей (движимого и недвижимого имущества, денежных вкладов). Для этого следователь, еще более вторгаясь в сферу частной жизни, запрашивает интересующие его сведения в соответствующих организациях и учреждениях, нарушая, например его банковскую тайну, тайну вкладов и иную тайну, связанную с его частной жизнью.

Следователю приходится достаточно существенно вторгаться в сферу частной жизни граждан, в отношении которых решается вопрос о

применении той или иной меры пресечения. Само по себе такое вторжение, на наш взгляд, не содержит ничего противоправного, так как только тщательное и всестороннее изучение личности подозреваемого (обвиняемого) способно уберечь общество, да и его самого, от негативных последствий ошибочно избранной или не избранной вовсе меры пресечения.

Главный вопрос состоит в том, что в процесс изучения личности обвиняемого, подозреваемого, кроме дознавателя, следователя, прокурора, судьи оказывается вовлеченным большое количество лиц, более никак не связанных с производством по делу. К таковым можно отнести граждан и должностных лиц, предоставляющих следователю информацию, характеризующую личность человека, в отношении которого решается вопрос о применении к нему меры пресечения: представителей жилищно-эксплуатационных органов, администрации по месту работы или учебы подозреваемого (обвиняемого), служащих банков, иных кредитных организаций, работников учреждений здравоохранения, в том числе наркологических, психоневрологических диспансеров и т. д.

Таким образом, факт осуществления уголовного преследования в отношении лица, становясь известным все более широкому кругу граждан способен нанести существенный ущерб его чести и доброму имени, что, по нашему мнению, вызывает потребность внесения изменений в ч. 2 ст. 161 УПК, обязав должностных лиц процессуальных органов предупреждать о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования не только участников уголовного судопроизводства, но и иных лиц, которым они становятся известными. Предлагаем изложить ч. 2 ст. 161 УПК в следующей редакции:

«3. Прокурор, следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших им известными данных предварительного расследования, о чем у них отбирается подписка с предупреждением об ответственности в

соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Следует, однако, отметить, что тайна следствия остается тайной до тех пор, пока органы следствия, прокуратуры или суда не посчитают возможным придать их гласности. С этого момента лица, у которых была отобрана подписка, должны быть освобождены от возложенной на них обязанности по сохранению тайны следствия. В связи с этим, полагаем дополнить ст. 161 УПК частью 4, изложив её в следующей редакции:

«4. В случае предания гласности прокурором, следователем, дознавателем либо иными лицами с их разрешения данных предварительного расследования, подписка о неразглашении данных предварительного расследования, отобранная у участника уголовного судопроизводства, в части, касающейся оглашенных данных предварительного расследования (за исключением данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства), теряет силу».

В любом случае должно соблюдаться требование ч. 3 ст. 161 УПК, в части предания гласности сведений о частной жизни лица. Хотя лицо свободно от обязательства неразглашения тайны следствия, разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства допускается только с их согласия, что подтверждается судебной практикой²⁰⁹.

Говоря об ограничении права на неприкосновенность частной жизни при применении мер процессуального принуждения, необходимо обратить внимание, на то, что уголовно-процессуальный закон предусматривает судебный порядок применения не только для заключения под стражу, но и иных мер процессуального принуждения: наложения ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных

²⁰⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 февраля 1997 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 6.

организациях (п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК); временного отстранения обвиняемого от должности (п. 10 ч. 2 ст. 29 УПК).

Полагаем, что и установление судебного контроля за применением указанных мер процессуального принуждения во многом продиктованы заботой законодателя о надлежащем обеспечении тайны частной жизни, а также права на защиту чести, доброго имени и деловой (профессиональной) репутации.

Уголовное судопроизводство является такой сферой общественных отношений, где возможно острое вторжение государства (государственных органов) в частную жизнь человека, где любое действие следователя, органа дознания или прокурора, независимо от того правомерно оно или неправомерно, связано для него с тем, что принято называть моральным ущербом²¹⁰.

Все меры уголовно-процессуального принуждения носят правоограничительный характер, который выражается в стеснении конституционных прав граждан. Одним из прав, ограничение которых связано с применением мер принуждения по уголовному делу, является право на неприкосновенность частной жизни. Однако меры процессуального принуждения, будучи примененными, нарушают неприкосновенность частной жизни, в отличие от других конституционных прав, не сами по себе, а в силу того, что факт их применения в отношении определенного лица, как элемент личной тайны, который оно хотело бы скрыть от посторонних, становится достоянием более или менее широкого круга лиц. Тем самым порочатся честь и доброе имя человека, его репутация, посредством чего ему причиняется моральный ущерб.

Таким образом, необходимо законодательно регламентировать условия, основания и порядок применения мер процессуального принуждения таким образом, чтобы исключить или свести к минимуму

²¹⁰ См.: Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования). - М., 1996. - С. 3.

возможность ошибок и злоупотреблений должностных лиц и органов, уполномоченных на их применение; ограничить постановку в известность различных лиц о факте и причинах применения мер процессуального принуждения; обеспечить скорейшее и полное восстановление нарушенных прав и возмещение вреда, причиняемого лицам посредством незаконного применения мер процессуального принуждения в рамках уголовного судопроизводства.

§ 3. Проблема обеспечения прав участников процесса на неприкосновенность частной жизни при производстве отдельных следственных действий

Доказательственная база события преступления по делам публичного обвинения формируется на этапе предварительного расследования. Основным средством получения доказательств, являются следственные действия, «большинство из которых имеют явно принудительный характер»²¹¹. Именно при их производстве чаще всего осуществляется вторжение в сферу частной жизни человека и гражданина. Оно, как уже отмечалось, неизбежное явление в уголовном судопроизводстве. Но всякое вмешательство в частную жизнь лица при производстве следственных действий должно быть строго выборочным, а не общепроисковым. Оно не может носить всеобщий, тотальный характер, подвергать сомнению всякое лицо, подозревать его в причастности к преступлению. Такое вмешательство должно быть достаточно обоснованным. Опасно мнение о том, что производство следственных действий само по себе не нарушает прав человека и допустимо уже потому, что преследует цели борьбы с преступлением, которое не является сферой частной жизни. Но это противоречит всем представлениям о презумпции невиновности.

Обеспечение права участников уголовного судопроизводства на неприкосновенность частной жизни при производстве следственных действий невозможно без тщательной законодательной регламентации оснований и порядка производства каждого следственного действия, которая является «одной из наиболее важных гарантий от злоупотребления публичной властью»²¹². Произвольное, без достаточных оснований, вмешательство государства в частную жизнь граждан при нарушении

²¹¹ Луговец Н. В. Меры уголовно-процессуального принуждения, их понятие и значение // Следователь. 2003. № 7. - С. 24.

²¹² Юров В.Ю. Некоторые проблемы охраны прав и свобод при производстве следственных действий // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений. - Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 1999. - С. 127.

порядка проведения следственных действий ведет к унижению человеческого достоинства, к огласке тайн частной жизни. При проведении неосновательных обысков подвергают изучению дневники и другие личные бумаги, сведения об интимной жизни граждан. При проведении освидетельствований, экспертиз, личных обысков, получении образцов для сравнительного исследования ущерб чести и достоинству граждан причиняют незаконные и неэтичные методы осмотра и обследования обнаженного тела или получения биологических объектов, применение которых иногда сопровождается сильными болевыми ощущениями, создает риск для жизни и здоровья. Ущерб чести и достоинству личности могут причинить и такие экспериментальные действия, в ходе которых воспроизводились бы непристойности и аморальное поведение. В связи с этим, вопросы законодательных гарантий неприкосновенности частной жизни при производстве следственных действий приобретают особую актуальность, тем более, что согласно данным социологического опроса, 67% сотрудников МВД и прокуратуры полагают, что существующий порядок производства следственных действий недостаточно эффективно защищает частную жизнь граждан от необоснованного вмешательства.

По нашему мнению, рассмотрение проблемных аспектов реализации конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни при производстве следственных действий следует рассматривать с позиции общего (общие правила производства следственных действий) и частного (частные вопросы производства отдельных следственных действий).

Законность производства любого следственного действия связана с необходимостью обоснования принятого решения. Это неотъемлемое правило производства любого следственного действия.

УПК РФ не содержит единых фактических оснований производства следственных действий, ограничивающих право на неприкосновенность частной жизни. Так, обыск следователь производит, имея «наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого либо

лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела» (ст. 182 УПК). Выемка проводится в случае «необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для дела, если точно известно, где и у кого они находятся (ст. 183 УПК). Основанием для контроля и записи переговоров служат «достаточные основания полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела (ст. 186 УПК). Фактическим основанием для наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки, а также контроля и записи переговоров законодатель называет «достаточные основания полагать, что предметы, документы или сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться соответственно в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях либо в телеграммах или радиограммах» (ст.ст. 185, 186 УПК).

Последнюю формулировку трудно признать удачной. Во-первых, авторам УПК РФ не удалось избежать тавтологии: «основание», как было упомянуто выше, и есть «достаточный повод». Во-вторых, такая формулировка не дает представления о характере этих «оснований», их информационной природе, что дает возможность подменять сведения (доказательства) необоснованными догадками. В-третьих, непонятна логика законодателя, который применительно к обыску использует термин «достаточные данные», а при регламентации иных следственных действий отказывается от него в пользу «достаточных оснований».

Таким образом, в анализируемых документах фактические основания производства следственных действий, ограничивающих право граждан на неприкосновенность частной жизни, определены недостаточно конкретно. Отсутствует единство терминологии. Все это в совокупности может привести к неоправданному расширению пределов субъективного усмотрения органов предварительного расследования.

Расплывчато сформулированные фактические основания производства следственных действий - одна из причин неоднозначного решения вопроса о характере данных, обосновывающих производство следственных действий.

По мнению большинства авторов, в качестве общего основания производства следственных действий обеспечительного характера (обыск, выемка и т.п.) выступает наличие фактических данных, позволяющих полагать, что в результате их проведения будут обнаружены доказательства, имеющие значение для дела²¹³. А.П. Рыжаков, также придерживается мнения об основаниях, как фактических данных, делая оговорку о том, что под фактическими данными он понимает доказательства²¹⁴.

В уголовно-процессуальной литературе высказана точка зрения, в соответствии с которой основаниями принятия процессуальных решений являются предположения (суждения)²¹⁵. Ряд авторов полагает, что основанием производства следственных действий, ограничивающих право на неприкосновенность частной жизни, является наличие доказательств, подтверждающих необходимость производства конкретного следственного действия²¹⁶. При этом, термины «доказательства» и «фактические данные» употребляются ими как синонимы²¹⁷.

Полагаем, что такая точка зрения не основана на законе. Если бы законодатель имел в виду доказательства, он бы не использовал понятие «фактические данные». Например, в ст. 171 УПК в качестве основания для привлечения лица в качестве обвиняемого названо наличие достаточных доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления. Любые доказательства по своей природе - сведения, но не всякие сведения могут быть признаны доказательствами. Интересен

²¹³ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П. А. Лутинская. - М., 2001. - С. 242; Уголовный процесс / Под ред. В. П. Божьева. - М., 2003. - С. 340 - 346; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под ред. В.М. Савицкого и др. - М., 1999. - С. 232-233.

²¹⁴ См.: Рыжаков А. П. Уголовный процесс: Учебник. - М., 2002. - С.401.

²¹⁵ См.: Уголовный процесс / Под ред. К. Ф. Гуценко. - М., 1998. - С. 216.

²¹⁶ См.: Якулов Р. Х. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Галузо. - М., 1998. - С. 252; Белозёров Ю.Н., Рябоконт В.В. Производство следственных действий. - М., 1990. - С. 5.

²¹⁷ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под общ ред. В. М. Лебедева. - М., 2000. - С. 330 - 332; Петрухин И. Л. Личные тайны: (Человек и власть). - М., 1998. - С. 72.

следующий момент. Законодатель отказался от устаревшего термина «фактические данные» в определении доказательств, однако, он же почему-то сохраняет его применительно к фактическим основаниям производства следственных действий. По мнению Н. Подольного, подобный подход «порождает субъективное ощущение недостоверности сделанных выводов»²¹⁸.

Вместе с тем, на наш взгляд, было бы правильно закрепить в УПК в качестве оснований следственных действий, вторгающихся в частную жизнь, именно доказательства. Как справедливо отмечает Г.П. Ивлиев, «вряд ли будет морально обоснованным, справедливым решение о применении меры процессуального принуждения, которое выносится на основании данных, полученных не в процессе доказывания. Тем самым могут нарушаться... гарантированные Конституцией РФ права граждан...».²¹⁹

Расплывчатая формулировка оснований проведения обыска, безусловно, влечет злоупотребления правоприменителя. Так, широко распространенным основанием проведения обыска выступает близкое родство лица с подозреваемым или обвиняемым. По изученным нами уголовным делам в архивах районных судов Ставропольского и Краснодарского краев из 100 уголовных дел по данному основанию было проведено 12 обысков, из которых лишь 2 были результативными. Такая практика, безусловно, недопустима.

Однако, наличие лишь одних законных оснований производства следственных действий еще не является полной гарантией от возможных нарушений неприкосновенности частной жизни при производстве того или иного следственного действия. Гарантией реализации рассматриваемого права должна выступать процедура производства следственного действия²²⁰.

Поскольку раскрыть содержание всех следственных действий, так или иначе связанных с вторжением в сферу неприкосновенности частной жизни,

²¹⁸ Подольный Н. Основания принятия процессуальных решений // Рос. юстиция. 1999. № 2. - С. 40.

²¹⁹ Ивлиев Г. П. Основания и цели применения мер процессуального принуждения // Гос. и право. 1995. № 11. - С. 75.

²²⁰ Поляков М.П. О ценности обрядовой стороны уголовного судопроизводства // Гос. и право. 1999. № 9. С. 87-92.

невозможно, остановимся на тех аспектах их производства, которые наиболее существенно ограничивают указанное право, но не нашли достаточного освещения в уголовно-процессуальной литературе.

Рассмотрение вопроса о соблюдении права участников процесса на неприкосновенность частной жизни при принятии процессуальных решений и производстве следственных действий на этапе предварительного расследования необходимо начать с проблемы участия понятых - обязательных участников большинства следственных действий. Как отмечает О.В. Хитрова, «участие понятых является одним из условий предварительного расследования, а институт понятых, представляющий собой частный правовой институт, тесно связан с такими фундаментальными институтами уголовно-процессуального права, как задачи, принципы, участники уголовного процесса, доказывание и доказательства и др.»²²¹. Понятые - это именно те граждане, которые в силу возложенных на них процессуальных обязанностей так или иначе содействуют ограничению рассматриваемого права, проникая в сферу личной и семейной тайны и становясь носителями и потенциальными распространителями информации о частной жизни.

Можно с полной уверенностью сказать, что уголовно-процессуальным институтом, который совершенно не учитывает интересов защиты частной жизни, личной и семейной тайны является институт понятых. Вопрос о целесообразности участия понятых при проведении следственных действий затронул в своих работах В.Т. Томин²²² и частично другие авторы²²³. В соответствии со ст. 170 УПК, при производстве осмотра, следственного эксперимента, обыска, других следственных действий в случаях,

²²¹ Хитрова О.В. Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве. - М., 1998. - С. 5.

²²² См.: Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. - М., 1992. - С. 194-195; Он же. О противоречиях между правом граждан и общества на информацию об уголовном судопроизводстве и правом на защиту неприкосновенности частной жизни // Сб. науч. статей. Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. - Ярославль, 1999. - С. 110-122; Кулагин Н.И. В защиту прав и интересов следователя / Сб. Права человека и правоохранительная деятельность (Франко-Российский семинар). - Волгоград, 1995. - С. 102-106.

²²³ См.: Хитрова О. В. Указ. работа. - С. 38-52; Волженкина В. М. Европейская конвенция о защите прав человека и российский уголовный процесс: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Науч. ред. Б. В. Волженкин. - СПб., 1998. - С. 24.

предусмотренных законом, вызываются понятые, числом не менее двух. Согласно той же норме, понятые обязаны удостоверить факт производства следственного действия, его ход и результаты.

По мнению В. Т. Томина, «институт понятых в современном уголовном процессе - это очевидное проявление презумпции виновности следователя»²²⁴. Он предлагает взглянуть на институт понятых со стороны защиты частной жизни гражданина, сбережения его личной и семейной тайны и считает, что этот уголовно-процессуальный институт совершенно не учитывает указанных интересов личности. Его творцы и комментаторы в большинстве своем просто не задумываются об охране законных интересов (о защите частной жизни, личной и семейной тайны) тех лиц, в отношении которых проводятся следственные действия с участием понятых. По велению закона при обысках и осмотрах, подчас в следственном эксперименте в частный дом, в супружескую спальню привлекаются совсем посторонние люди или еще хуже - соседи²²⁵. Но УПК России не знает институт отвода понятых. Следователь не может, несмотря ни на ходатайство, ни на мольбы хозяина дома провести названные следственные действия в отсутствие понятых²²⁶.

Согласно ст. 60 УПК, для того, чтобы остановить утечку информации об увиденном во время следственного действия, понятым запрещается разглашать данные предварительного расследования. За их разглашение понятой несет ответственность в соответствии со ст. 310 УК России. Редакция этой статьи свидетельствует, что законодатель заботился не о неприкосновенности частной жизни, а об интересах следствия. Вряд ли можно будет привлечь к ответственности за разглашение данных следствия

²²⁴ См.: *Томина В. Т.* О противоречиях между правом граждан и общества на информацию об уголовном судопроизводстве и правом на защиту неприкосновенности частной жизни. // Сб. науч. статей. Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. - Ярославль, 1999. - С. 116.

²²⁵ См.: Там же.

²²⁶ См.: *Томина В. Т.* О противоречиях между правом граждан и общества на информацию об уголовном судопроизводстве и правом на защиту неприкосновенности частной жизни. // Сб. науч. статей. Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. - Ярославль, 1999. - С. 116; *Аширбекова М.Т.* Расширение субъективных прав - важное направление судебной реформы. Материалы межвузовской практической конференции, Волгоград, 2002.

бывшую понятую, которая станет рассказывать знакомым, что хозяйка дома, в котором производился обыск, неряха. Практика убедительно показывает, что данная норма неэффективна. Но даже если предположить, что понятые будут «держат язык за зубами», само ощущение человека, что его личные и семейные тайны знают другие, создает у него ощущение дискомфорта, неуверенности²²⁷. Такое положение, на наш взгляд, противоречит нравственным основам уголовного процесса и нравственно-правовым критериям уголовно-процессуальной деятельности. В.Т. Томин прав: «функционирование института понятых в процессе перестройки уголовного судопроизводства нуждается в деловом анализе и преобразовании».²²⁸ С ним соглашается и В. М. Волженкина, указывая, что институт понятых в настоящий момент является тормозом в отправлении правосудия и создает препятствия для установления истины по делу²²⁹.

В ч. 3 ст. 170 УПК указывается, что в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, следственные действия могут производиться без участия понятых, о чем в протоколе следственного действия делается соответствующая запись. На страницах печати так же неоднократно высказывались суждения о необходимости расширения оснований производства следственных действий без участия понятых²³⁰.

По нашему мнению, перечень случаев производства следственных действий без участия понятых можно расширить. В целях ограничения доступа к информации о частной жизни лица и возможности её разглашения полагаем целесообразным ч. 3 ст. 170 УПК изложить в следующей редакции:

«3. Производство следственных действий, предусмотренных частью первой настоящей статьи, могут производиться без участия

²²⁷ См.: Там же.

²²⁸ Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – М., 1992. – С. 194.

²²⁹ См.: Волженкина В. М. Европейская конвенция о защите прав человека и российский уголовный процесс: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Науч. ред. Б. В. Волженкин. – СПб., 1998. – С. 24.

²³⁰ См.: Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства.. – М., 1992. – С. 194; Чупахин Р. Институт понятых в уголовном процессе нуждается в совершенствовании // Следователь. 2003. № 4. – С. 12 – 13.

понятых в случаях:

1) производства следственного действия в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения;

2) производства следственного действия, связанного с опасностью для жизни и здоровья людей;

3) при наличии письменного ходатайства лица, в отношении которого производится следственное действие, с обязательным привлечением к участию в следственном действии защитника, если он участвует в уголовном деле.

В случае принятия следователем решения о производстве следственного действия без участия понятых, об этом в протоколе следственного действия делается соответствующая запись. В случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов. Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись».

Полагаем, что предложенные изменения законодательства не поставят под сомнение достоверность полученных в процессе производства следственных действий доказательств и будут способствовать реализации лицом права на неприкосновенность частной жизни.

В законе отсутствует общая норма об охране частной жизни при производстве следственных действий. Законодатель почему-то уделяет внимание вопросу обеспечения неприкосновенности частной жизни при производстве следственных действий весьма эпизодически и фрагментарно. Так, отдельные элементы правовой охраны права на неприкосновенность частной жизни можно обнаружить в ч. 3 ст. 177 УПК, предписывающей следователю изымать при производстве осмотра только те предметы, которые имеют отношение к делу. Производство следственного эксперимента допускается при условии, если при этом не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц (ст. 181 УПК). При

получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство (ч.2 ст. 202 УПК). Помимо этого уголовно-процессуальный закон разрешает проведение фотографирования, видеозаписи и киносъемки при освидетельствовании, сопровождаемом обнажением лица, только с согласия освидетельствуемого (ч. 5 ст. 179 УПК). Фонограмма, полученная в ходе контроля и записи переговоров, в полном объеме приобщается к материалам дела на основании постановления следователя как вещественное доказательство и хранится в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ее прослушивания и тиражирования посторонними лицами и обеспечивающих ее сохранность (ч. 8 ст. 186 УПК).

Буквальное толкование вышеотмеченных положений неизбежно приводит к выводу о том, что они распространяют свое действие исключительно на те следственные действия, при производстве которых непосредственно предписывается их соблюдение, и не должны применяться при осуществлении иных следственных действий. Исходя из этого можно, в частности, заключить, что честь и достоинство не должны унижаться лишь при производстве следственного эксперимента, а при производстве иных следственных действий это допустимо. В соответствии с УПК России только при производстве осмотра должны изыматься предметы и документы, имеющие отношение к делу, а при производстве иных следственных действий - и любые другие предметы и документы, проливающие свет на различные стороны частной жизни граждан, изъять которые решил сам следователь. При этом, он вовсе не обязан принимать меры к неразглашению обстоятельств частной жизни участвующих в производстве по делу и иных лиц, за исключением случаев, когда такие обстоятельства выявляются в ходе производства обыска и выемки. Кроме того, в условиях, обеспечивающих сохранность и недоступность для посторонних, должна содержаться только фонограмма контроля и записи переговоров. Доказательства же, полученные в результате иных следственных действий можно содержать в любых

условиях, тиражировать и предавать гласности.

Абсурдность данных выводов, вытекающих, тем не менее, из уголовно-процессуального закона при его буквальном толковании, и несовершенство законодательства в данной части очевидны. В связи с этим, и уголовно-процессуальная наука, и следственная практика давно уже признали необходимым руководствоваться изложенными выше правилами при производстве не отдельных, а всех следственных действий или, по крайней мере, их большинства. Так, в частности, меры к сохранению в тайне обстоятельств частной жизни обязательно должны приниматься не только при производстве обыска и выемки, но и при допросе, осмотре места происшествия, проверке показаний на месте и т.д. С необходимостью обнажения лица следователь может встретиться не только при освидетельствовании, но и при личном обыске и уж тем более при производстве экспертного исследования. Любое следственное действие, а не только следственный эксперимент, должно проводиться так, чтобы при этом не подвергались опасности жизнь и здоровье участвующих в его производстве и иных граждан, не унижалось их достоинство и не порочилась честь. Т.Н. Москалькова по этому поводу пишет: «Требование уважать честь и достоинство, охранять иные нравственные интересы личности пронизывает все без исключения стадии процесса, распространяется на все процессуальные действия, касается всех участвующих в деле лиц, оно абсолютно, категорично и императивно»²³¹.

Таким образом, требование о недопустимости непропорционального ограничения права на неприкосновенность частной жизни при производстве следственных действий носит общий и общеобязательный характер и должно законодательно распространяться на всю их совокупность без исключения.

Позитивной новеллой УПК России явилось аккумулятивное закрепление некоторых общих правил производства следственных действий в отдельной, специально посвященной этому статье 164 УПК. Учитывая сказанное выше,

²³¹ Москалькова Т. Н. Указ. соч. - С.41.

предлагаем изложить часть четвертую указанной статьи в следующей редакции:

«При производстве следственных действий недопустимо создание опасности для жизни участвующих в них и иных лиц, а равно применение к этим лицам насилия, угроз и иных незаконных мер, унижающих их человеческое достоинство, порочащих честь и доброе имя».

Кроме того, необходимо, на наш взгляд, дополнить ст. 164 УПК Российской Федерации частью 5 следующего содержания:

«Следователь принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при производстве следственных действий обстоятельства частной жизни участвующих в них и иных лиц, их личная и (или) семейная тайна», присвоив при этом частям 5, 6, 7 и 8 статьи 164 УПК Российской Федерации номера 6, 7, 8 и 9 соответственно».

Нам представляется, что чрезвычайно важно надежно оградить данные, полученные посредством следственных действий и имеющие доказательственное значение, в том числе, затрагивающие личную и семейную тайну, от лиц, не заинтересованных в нормальном ходе и успешном завершении расследования, а также иных недобросовестных лиц. Не случайно сохранение доказательств выделяется в уголовно - процессуальной и криминалистической науках в самостоятельный и весьма значимый элемент деятельности следователя по собиранию доказательств. А.Р. Белкин подчеркивает, что меры по сохранению доказательств могут носить процессуальный характер, но могут быть и технико-криминалистическими²³².

В связи с этим, представляется необходимым изменить название статьи 82 УПК «Хранение вещественных доказательств» на «Хранение вещественных и иных доказательств» и дополнить часть первую настоящей статьи следующей фразой:

²³² См.: Белкин А. Р. Теория доказывания: Научно-методическое пособие. - М., 1999. - С. 147.

«Вещественные и иные доказательства должны храниться в условиях, обеспечивающих их сохранность и исключающих доступ к ним посторонних лиц, возможность ознакомления с ними таких лиц и снятия ими копий с вещественных и иных доказательств».

Уголовно-процессуальный закон, стремясь максимально оградить граждан от незаконного и необоснованного вторжения должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, в их частную жизнь, предусмотрел судебное решение в качестве юридического основания производства ряда следственных действий, способных нанести личной и семейной тайне наиболее ощутимый урон (ч. 2 ст. 29 УПК). К исключительной компетенции суда УПК России относит принятие решения о производстве таких следственных действий:

- осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц (п.4 ч. 2 ст. 29; ч. 5 ст. 177);

- обыск, выемка в жилище (п. 5 ч. 2 ст. 29; ч. 3 ст. 182; ч. 2 ст. 183);

- производство личного обыска, за исключением случаев задержания лица, заключения его под стражу, а также при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, где производится обыск, скрывает при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела (п. 6 ч. 2 ст. 29; 93; 184);

- производство выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях (п. 7 ч. 2 ст. 29; ч. 4 ст. 183);

- наложение ареста на корреспонденцию и выемка ее в учреждениях связи (п. 8 ч. 2 ст. 29; ч. 2 ст. 185);

- контроль и запись переговоров (п. 11 ч. 2 ст. 29; ч. 1 ст. 186).

По нашему мнению, эти следственные действия связаны с существенным ограничением права граждан на неприкосновенность частной жизни.

Думается, что любое следственное действие, например, допрос,

проверка показаний на месте, следственный эксперимент и др., производимые в жилище, ограничивает конституционное право граждан на неприкосновенность частной жизни, немногим менее, чем перечисленные в ч. 2 ст. 29 УПК, а потому так же требует либо получения согласия проживающих в нем лиц, либо судебного решения. В связи с этим предлагаем изложить часть 2 ст. 164 УПК Российской Федерации «Общие правила производства следственных действий» в следующей редакции:

«В случаях, предусмотренных пунктами 4-9 и 11 части второй статьи 29 настоящего Кодекса, а равно в иных случаях, сопровождаемых проникновением в жилище, следственные действия производятся на основании судебного решения».

На первый взгляд, такая норма может показаться труднореализуемой. Однако, с нашей точки зрения, при надлежащей организации, четко отлаженном механизме принятия судьей соответствующих решений никаких проблем здесь возникать не должно.

Рассмотрение некоторых аспектов обеспечения права лица на неприкосновенность частной жизни при производстве следственных действий, ограничивающих рассматриваемое право, необходимо начать с проблемных аспектов производства **обыска и выемки**, производимой принудительно.

По поводу обыска А. Квачевский очень образно говорил, что это следственное действие посягает на домашнее спокойствие, на неприкосновенность семейного очага, на нерушимость собственности, тайны частной жизни, на одно из существенных прав человека, без которого немислима гражданская свобода, личная имущественная неприкосновенность всех и каждого. И, как выразился автор, проводить обыск - это «выставить наружу домашний быт и тайны, класть на живущих ... клеймо позора, бесчестить их, накладывать руки на все, что им дорого и свято»²³³.

²³³ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным

«Это следственное действие, - писал А.Ф. Кони, - до такой степени вносит смуту в жизнь честного человека и в отношении к нему окружающих, что должны быть предпринимаемо с особой осторожностью»²³⁴. Как отмечает В.М. Лебедев, «обыск и действия, связанные с его проведением органами предварительного следствия, являются одним из следственных действий, связанных с ограничением прав, свобод, чести и достоинства личности»²³⁵. Об этом же неоднократно писал и Н.И. Кулагин.²³⁶

Предусмотренный законом процессуальный порядок обыска, включает определенные гарантии на неприкосновенность частной жизни, но очевидно, не обеспечивает его в полной мере. По данным ГУВД Ставропольского края в 2003 году на территории края было проведено 6798 обысков, из которых около 40 % прошли без изъятия, т.е. безрезультатно. Аналогичная ситуация прослеживается и в Краснодарском крае (около 37 % безрезультатных обысков). Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что не всегда производство обыска было обоснованным.

Сведения о частной жизни лица в большей степени подвергаются огласке при производстве обыска в жилище, что делает актуальным исследование самого понятия «жилище». Закон определил это понятие в п. 5 ст. 10 УПК. Жилище — это индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания. Данное определение понятия «жилище» раскрывает его шире, чем оно рассмотрено в Жилищном кодексе РСФСР, понимающим под «жилищем» лишь строения и помещения, входящие в жилищный фонд. Понятие

Уставам 1864 года. Ч. 3. - СПб., 1869. - С. 306

²³⁴ Кони А.Ф. Речь по делу Ольги Палем, обвиняемой в убийстве студента Ловнар. Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. - М., 1958. - С. 607.

²³⁵ См.: Лебедев В. М. Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии: Учеб. пособие. - М., 2001. - С.110.

²³⁶ См.: Кулагин Н.И. Психология и этика управления в следственном аппарате органов внутренних дел. - Волгоград, 1981. - С. 42; Кулагин Н.И., Попова В.В. Культура и профессиональная этика следователя. - Саратов, 2002. - С. 49-50.

«жилищный фонд» разъясняется в ст. ст. 4 и 5 ЖК РСФСР. Этот фонд образуют находящиеся на территории РФ жилые дома, а также жилые помещения в других строениях. В жилищный фонд не входят нежилые помещения в жилых домах, предназначенные для торговых, бытовых и иных нужд непроизводственного характера (ст. 4 ЖК РСФСР). Жилищный фонд состоит из:

1) государственного жилищного фонда (жилых домов и жилых помещений в других строениях, принадлежащих государству);

2) общественного жилищного фонда (жилых домов и жилых помещений в других строениях, принадлежащих кооперативным организациям, их объединениям, профсоюзным и иным общественным организациям);

3) фонда жилищно - строительных кооперативов (жилых домов, принадлежащих жилищно - строительным кооперативам);

4) индивидуального жилищного фонда (жилых домов и квартир, находящихся в личной собственности граждан).

К жилищному фонду относятся также жилые дома, принадлежащие государственно - кооперативным объединениям, предприятиям и организациям (ст. 5 ЖК РСФСР).

Исходя из содержания указанных норм, а также, в соответствии со ст. 2 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»²³⁷, жильем следует признать не только жилой дом, но и квартиру, служебное жилое помещение, специализированные дома (общежитие, гостиница, дом маневренного фонда, специальный дом для одиноких престарелых, дом - интернат для инвалидов, ветеранов и другие), а также иное жилое помещение, в котором гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по

²³⁷ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 // Рос. газета. 1993. 10 августа.

договору найма (поднайма), договору аренды либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. К жилищу также отнесены гостиницы, санатории, дома отдыха, пансионаты, кемпинги, туристские базы, больницы, другие подобного рода учреждения и т.п.

Таким образом, жилищем признается любое помещение, в котором люди постоянно или временно проживают. Полагаем, что законодатель необоснованно отнес к жилищу «иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания». Думается, что закон имеет в виду легальное пребывание в помещении, т. е. отсутствие установленного законом запрета проживать в помещении такого рода. Например, чердак обычного городского дома или помещение теплотрассы, где постоянно проживает бродяга, вряд ли может рассматриваться даже как временное жилище. С неудовлетворительным определением понятия «жилище» согласились 86 % опрошенных работников правоохранительных органов.

Одним из законоположений, обеспечивающих создание условий для реализации гражданами их права на неприкосновенность частной жизни и в то же время позволяющих осуществить установление обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела, выступает правило, закрепленное в ч. 5 ст. 182 и ч. 5 ст. 183 УПК Российской Федерации. Так, при производстве обыска после предъявления постановления следователь предлагает выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Если они выданы добровольно и нет оснований опасаться сокрытия разыскиваемых предметов и документов, следователь вправе ограничиться изъятием выданного и не производить обыск.

Для реализации права лица добровольно выдать искомые следствием предметы и тем самым ограничить вторжение посторонних лиц в сферу частной жизни, законодатель предусматривает обязанность следвателя обеспечить участие лица, в помещении которого производится обыск ч. 11

ст. 182 УПК).

Судебной практике известны случаи отмены приговора, поскольку при обыске и выемке не было обеспечено присутствие лица, у которого производится обыск или выемка, либо совершеннолетних членов его семьи.

Так, Президиум Верховного Суда РФ отменил приговор в отношении Протасова по ч. 1 ст. 222 УК РФ и дело производством прекратил за отсутствием в его действиях состава преступления указав, что органы следствия имели реальную возможность обеспечить участие Протасова в проведении обыска, однако этого не сделали, чем существенно нарушили его права, реализовав которые он имел бы возможность добровольно выдать предметы, изъятые из гражданского оборота²³⁸.

При производстве выемки после предъявления постановления следователь предлагает выдать предметы или документы, подлежащие изъятию, а в случае отказа в этом производит выемку принудительно.

Если же следователь все-таки принимает решение о производстве поисковых действий, а также действий по принудительному изъятию, это неизбежно влечет за собой проникновение всех участвующих в производстве обыска и выемки лиц (самого следователя, оперативных работников, специалиста, понятых, иных граждан, находящихся в помещении) в сферу самых разнообразных аспектов частной жизни, как правило, в большинстве своем не имеющих значение для уголовного дела, а потому не предназначенных для посторонних глаз. В связи с этим, ч. 7 ст. 182 УПК в целях охраны частной жизни граждан обязывает следователя принимать «меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц (ч.7 ст. 182 УПК). Аналогичное правило действует при производстве выемки (ч. 2 ст. 183 УПК). Однако здесь можно выделить один

²³⁸ Постановление № 969п-02 по делу Протасова. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2003 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12. - С. 20.

из недостатков закона - отсутствие предписания об обязанности следователя при производстве обыска и выемки строго ограничиваться изъятием предметов и документов, могущих иметь отношение к делу. В связи с этим, мы предлагаем изменить содержание ч. 9 ст. 182 УПК, изложив её в следующей редакции:

«При производстве обыска, следователь должен строго ограничиваться изъятием предметов и документов, могущих иметь отношение к делу. Предметы и документы, запрещенные к обороту, подлежат изъятию, независимо от их отношения к делу».

Кроме того, следователь обязан принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе выемки и обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого были произведены выемка и обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц (ч. 7 ст. 182; ч. 2 ст. 183 УПК).

Вторжение в сферу частной жизни лица возможно также при **освидетельствовании, назначении и производстве экспертизы**. Одной из самых острых проблем, связанных с освидетельствованием, производством судебно-медицинской и судебно - психиатрической экспертиз, является допустимость применения принуждения, в первую очередь в форме физического воздействия, его пределов и оснований, к участникам процесса, отказывающимся от проведения этих следственных действий. Не вызывает сомнения необходимость принудительного освидетельствования подозреваемого, обвиняемого, если на его теле можно обнаружить следы преступления или особые приметы. Собранными по делу доказательствами, как уже отмечалось в литературе, он в определенной мере изобличается в совершении преступления и проявляет понятную заинтересованность в сокрытии следов преступления. Лишить следователя и суд возможности обнаруживать эти следы, защищая чувство стыдливости обвиняемого, значит, сделать невозможным установление истины по многим уголовным

делам²³⁹. Не вызывает, на наш взгляд, сомнений и возможность принудительного экспертного исследования лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

Вопрос применения принуждения при освидетельствовании, производстве судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз в отношении свидетелей и потерпевших, их допустимости с точки зрения обеспечения права человека на неприкосновенность частной жизни и охрану иных ценностей личности, оказался одним из самых дискуссионных в теории отечественного уголовно-процессуального права. Здесь значительный вес получило мнение М.С. Строговича, о том, что потерпевшие и свидетели, помимо их воли, принудительно не могут быть подвергнуты освидетельствованию, так как закон заботится не только об установлении истины, но и о том, чтобы она достигалась средствами, не ущемляющими законные интересы личности²⁴⁰. С ним согласны многие процессуалисты.²⁴¹

Следует внимательно отнестись и к такому мнению В.И. Каминской: «Правосудие не может мириться с тем, что даже ради раскрытия преступления можно допускать такую оскорбляющую человеческое достоинство меру, как принудительная психиатрическая экспертиза по отношению к гражданину, совершенно не причастному к преступлению (поскольку он не является ни подозреваемым, ни обвиняемым). То же следует сказать и о принудительном освидетельствовании таких лиц»²⁴².

По утверждению И.А. Антонова, освидетельствование, сопряженное с принудительным обнажением тех частей тела потерпевшего, свидетеля, которые обычно скрываются под одеждой (особенно по делам о половых

²³⁹ См.: *Петрухин И. Л.* Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. - М., 1985. - С. 139.

²⁴⁰ См.: *Строгович М.* - С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. Т.2. - М., С. 126.

²⁴¹ См.: *Кальченко Н.В., Филимонова А.Н.* Этические аспекты правомерного вторжения в сферу личной тайны при производстве следственных действий // VIII Межвузовская конференция студентов и молодых ученых г. Волгограда и Волгоградской области. Вып. 3: Права человека. Волгоград, 2004. – С. 35-36; *Петрухин И. Л.* Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. - М., 1985. - С. 140-141; *Зинатуллин З.З.* Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. - Казань, 1981. - С. 110; *Петрухин И. Л.* Неприкосновенность личности. В кн.: Конституционные основы правосудия в СССР // Под ред. *В.М. Савицкого.* - М., 1981. - С.334-335; Советский уголовный процесс: Учебник / Под ред. *Л.М. Карнеевой* и др. - М., 1980. - С. 267 и др.

²⁴² *Каминская В.И.* Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // Сов. государство и право. 1968. № 10. - С. 32.

преступлениях), недопустимо во всех случаях²⁴³.

В качестве аргументов против принудительного освидетельствования свидетелей и потерпевших приводятся следующие. Насильственное совершение названных действий представляет собой нарушение телесной неприкосновенности, являющейся частью неприкосновенности личности, гарантируемой Конституцией. Ограничение неприкосновенности личности путем допущения в известных случаях насильственных мер должно быть установлено законом и вытекать из необходимости борьбы с преступностью²⁴⁴. При систематическом толковании норм уголовно-процессуального права, в том числе ст. 179 УПК, такое принуждение в отношении потерпевших и свидетелей невозможно, а в отношении потерпевшего, в силу возложенных на следователя особых забот по охране его прав и законных интересов является не только незаконной, но и морально недопустимой мерой²⁴⁵.

Наиболее обстоятельно эта точка зрения обосновывается следующим. Освидетельствование, связанное с обнажением тела человека «причиняет ущерб чувству стыдливости», которое нужно уважать, тем более, что потерпевший уже и так пострадал от преступления. В качестве наглядного примера недопустимости физического принуждения автор этой точки зрения утверждает: «Нельзя, в частности, допустить, чтобы женщину, возражающую против осмотра ее тела и оказывающую физическое сопротивление следователю, понятым, врачам, все-таки насильственно обнажили, доставили на гинекологическое кресло и подвергли принудительному освидетельствованию. Такие ситуации ... абсолютно неприемлемы»²⁴⁶. В добавление к этому можно указать, что применение принуждения в подобных ситуациях не только недопустимо, но и практически невозможно в

²⁴³ См.: Антонов И.А. Уголовно-процессуальная деятельность следователей органов внутренних дел: нравственно-правовые критерии ее оценки // Дис... канд. юрид. наук. - СПб., 2000. - С. 110; Аширбекова М.Т., Жигалов С.В. Вопросы защиты прав и законных интересов свидетеля // Обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2003.

²⁴⁴ См.: Комарова Н. А., Сидорова Н.А. Судебная этика. - СПб., 1993. - С.60.

²⁴⁵ См.: Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. - Казань, 1981. - С. 52.

²⁴⁶ Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. - М., 1985. - С. 141.

силу того, что фактические действия здесь проводит не следователь, а врач, которому приходится преодолевать сопротивление освидетельствуемого. Последний, скорее всего, сочтет для себя невозможным применить силу для того, чтобы выполнить поручение следователя. Врачебная этика, которая делает обязательным для врача получение согласия у пациента на производство операции, не допускает подобных медицинских манипуляций без добровольного согласия²⁴⁷.

Другим аргументом в пользу недопустимости применения физического воздействия к указанным участникам уголовного процесса является то, что названные лица уголовному преследованию не подвергаются. «А потому, - утверждает С.Г. Любичев, - принуждение по отношению к лицу, заведомо не причастному к преступлению, каким является свидетель, а тем более по отношению к потерпевшему, которому уже причинен вред преступлением, не может быть оправдано задачами борьбы с преступностью, ибо эти задачи могут быть успешно решены лишь при неуклонном соблюдении прав и законных интересов граждан»²⁴⁸.

Вышеприведенные суждения, конечно, оправданы и обоснованы. Однако, согласится с ними можно лишь частично. Справедливо рассмотреть и противоположную точку зрения. Автор по отдельным вопросам соглашается с доводами за принудительное освидетельствование свидетелей и потерпевших, приведенными Н.И Кулагиным и Т.Н. Москальковой²⁴⁹, он частично соглашается и с позицией других авторов, категорично выступающих против принудительного освидетельствования свидетелей и потерпевших. На наш взгляд, принудительное освидетельствование потерпевших и свидетелей можно проводить лишь тогда, когда отказ от освидетельствования делает невозможным провести правовую оценку деяния и ставит под угрозу раскрытие преступления и установление обстоятельств,

²⁴⁷ См.: Основы Законодательства СССР и союзных республик о здравоохранении (ст.35) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 13. 1567.

²⁴⁸ Любичев С.Г. Этические основы следственной тактики. - М., 1980. - С.57.

²⁴⁹ См.: Москалькова Т. Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования). - М., 1996. - С. 62-68; Кулагин Н.И. Культура и профессиональная этика. - Саратов, 2002. - С. 52.

имеющих значение для дела, что получило отражение в УПК России. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 56 УПК, свидетель не может быть принудительно подвергнут судебной экспертизе или освидетельствованию, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний (ч.1 ст. 179 УПК).

Полагаем, что потерпевшего несправедливо назвали в числе лиц, подлежащих принудительному освидетельствованию. Вышеприведенные высказывания ученых убедительны, потому мы полагаем целесообразным распространить правило об освидетельствовании свидетеля с его согласия и на потерпевшего, несколько изменив, в соответствии с этим, часть 1 статьи 179 УПК, изложив её в следующей редакции:

«Для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы, может быть произведено освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего и свидетеля с их согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности их показаний».

На охрану права на неприкосновенность частной жизни участников уголовного судопроизводства непосредственно направлено и законодательное нововведение, закрепленное в ч. 5 ст. 179 УПК, следующего содержания:

«Фотографирование, видеозапись и киносъемка в случаях, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи, проводятся с согласия освидетельствуемого лица».

В ч. 4 ст. 179 УПК речь идет о случаях производства освидетельствования, связанных с обнажением освидетельствуемого лица. Появление в уголовно-процессуальном законе указанной выше нормы обусловлено исключительно заботой о сохранении в тайне сведений о лице,

которые он не желает делать достоянием других, о его чести и добром имени. Понятно, что гражданин может иметь на теле физические недостатки, уродства, кожные заболевания, татуировки, в том числе неприличного содержания и т.п., скрываемые от чужих глаз под одеждой. Нормальный человек обычно стесняется, стыдится подобного рода аномалий и вовсе не стремится «увековечить» их на различных носителях, приобщаемых к материалам уголовного дела, сделав тем самым данную информацию достоянием неопределенного круга посторонних ему лиц. Вместе с тем, законодателю, видимо, необходимо быть более последовательным и так же установить запрет на осуществление фотографирования, киносъемки и видеозаписи без согласия лица при производстве личного обыска (ст. 184 УПК) и получении образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК), в случаях, когда указанные действия сопровождаются обнажением.

Помимо этого, согласно ч. 4 ст. 195 УПК, судебная экспертиза в отношении потерпевшего, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2, 4 и 5 статьи 196 УПК, а также в отношении свидетеля производится с их согласия или согласия их законных представителей, которые даются указанными лицами в письменном виде.

Таким образом, принудительное производство экспертизы в отношении потерпевшего допустимо в случаях, если необходимо установить: а) характер и степень вреда, причиненного здоровью; б) психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания; в) возраст потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

По нашему мнению, в уголовно - процессуальном законе необходимо закрепить положение о получении согласия прокурора на освидетельствование и производство экспертизы в отношении потерпевшего и свидетеля, а также установить обязательность личного допроса прокурором

указанных лиц в случаях, если последние не дают согласия на проведение названных следственных действий. Это послужит дополнительной гарантией от нарушения конституционных прав и свобод потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве, в том числе, права на неприкосновенность частной жизни.

Следующее следственное действие, существенно ограничивающее право на неприкосновенность частной жизни – наложение ареста на почтово - телеграфные отправления, их осмотр и выемка. Конституция России гарантирует каждому право на тайну переписки (ч. 2 ст. 23 УПК). Как отмечает М.С. Дунаева «тайна переписки и других личных сообщений обеспечивает поддержание семейных, деловых и дружеских контактов между людьми, выступает как условие искреннего общения, защиты личных и семейных тайн и выступает, таким образом, одной из важнейших гарантий неприкосновенности частной жизни»²⁵⁰.

Обязанность сохранения тайны почтовых и телеграфных сообщений возложена на почтово-телеграфные учреждения федеральным законом «О почтовой связи» от 24 июня 1999 г.²⁵¹, в ст. 15 которого определено, что тайной связи является информация об адресных данных пользователей услуг почтовой связи, о почтовых отправлениях, почтовых переводах денежных средств, телеграфных и иных сообщениях, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи, а также сами эти почтовые отправления, переводимые денежные средства, телеграфные и иные сообщения. Такие сведения могут быть выданы только отправителям (адресатам) или их представителям. Осмотр и вскрытие почтовых отправлений, осмотр их вложений, а также иные ограничения тайны связи возможны только на основании судебного решения.

Нам представляется важным определить с перечнем сообщений, на которые распространяются конституционные и уголовно-процессуальные

²⁵⁰ Дунаева М.С. Основания и пределы уголовно-процессуального вмешательства в частную жизнь граждан // Дис... канд. юрид. наук. - Иркутск, 2002. - С. 114.

²⁵¹ О почтовой связи: Федеральный закон РФ от 17.07.1999 № 176-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3697.

гарантии. Федеральный закон «О почтовой связи» защищает тайну почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений. Ст. 185 УПК РФ оперирует понятием «почтово-телеграфные отправления».

Корреспонденция, в общеупотребительном смысле, и есть почтово-телеграфные отправления²⁵². Однако Федеральный закон «О почтовой связи» различает эти понятия и относит к почтовым отправлениям письменную корреспонденцию, посылки, прямые почтовые контейнеры. Письменная корреспонденция - это «простые и регистрируемые письма, почтовые карточки, секограммы, бандероли и мелкие пакеты» (ст.2). Поэтому трудно согласиться с И.Л. Петрухиным, полагающим, что понятие корреспонденции шире, «поскольку включает в себя переписку, осуществляемую не только с помощью почты и телеграфа, но и иным образом»²⁵³. Корреспонденция, наоборот, представляет собой одну из групп почтовых отправлений. Следовательно, название ст. 185 УПК РФ сформулировано в соответствии с отраслевым законодательством о связи.

Как было отмечено выше, о фактических основаниях наложения ареста на корреспонденцию действующий уголовно-процессуальный закон умалчивает. В ч. 1 ст. 185 УПК РФ законодатель ограничивается достаточно расплывчатой формулировкой: «При наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в... почтово-телеграфных отправлениях..., на них может быть наложен арест». Из этого определения неясно, каков характер этих «сведений». Представляется, что для решения данного вопроса необходимо определить цели ареста почтово-телеграфной корреспонденции, ее осмотра и выемки. Закон об этом также ничего не говорит, а в науке уголовного процесса существуют различные мнения.

И.Л. Петрухин к этим целям относит: 1) получение информации доказательственного характера о преступлении, его участниках, местах

²⁵² См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1998. - С.298.

²⁵³ Петрухин И.Л. Личные тайны: (Человек и власть). - М., 1998. - С. 73.

сокрытия орудий и объектов преступной деятельности; 2) временное прекращение переписки между обвиняемым (подозреваемым) и другими лицами; 3) розыск скрывшегося обвиняемого (подозреваемого); 4) обеспечение наложения ареста на имущество обвиняемого и подозреваемого (денежные переводы, посылки). Соответственно, основаниями ареста корреспонденции следует считать фактические данные (доказательства), с высокой степенью вероятности указывающие на наличие переписки между обвиняемым (подозреваемым) и другими лицами и на возможность получить из этой переписки сведения, имеющие значение для уголовного дела (относящиеся к любой из указанных целей)²⁵⁴.

Б.Т. Безлепкин предлагает следующий перечень целей ареста корреспонденции: а) получение сведений, имеющих значение для дела; б) воспрепятствование заинтересованным лицам передавать друг другу информацию, касающуюся хода расследования и могущую причинить ему ущерб; в) установление места нахождения скрывающегося обвиняемого или подозреваемого²⁵⁵.

В.П. Божьев, определил список целей следующим образом: а) осмотр корреспонденции; б) последующее ее изъятие; в) создание препятствий для обмена информацией в процессе расследования между заинтересованными лицами; г) выявление лиц, участвовавших в совершении преступления; д) установление мест, где скрываются разыскиваемые преступники; е) выявление места сокрытия похищенного и орудий преступления²⁵⁶.

По нашему мнению, следует различать две группы целей: цели ареста корреспонденции и цели ее осмотра и выемки. Они носят как доказательственный, так и обеспечительный характер. Целями ареста корреспонденции являются: а) дальнейший ее осмотр и, при необходимости, выемка; б) воспрепятствование обвиняемому и связанным с ним лицам

²⁵⁴ См.: *Петрухин И.Л.* Личные тайны: (Человек и власть). - М., 1998. - С. 71-72.

²⁵⁵ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. *В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.А. Лутинской, И.Л. Петрухина.* - М., 1999. - С. 238.

²⁵⁶ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. *В.М. Лебедева.* - М., 2000. - С. 341.

передавать друг другу информацию, касающуюся хода расследования; в) обеспечение наложения ареста на имущество обвиняемого и подозреваемого (денежные переводы, посылки).

Осмотр и выемка почтово-телеграфных отправок, в свою очередь, могут быть направлены на: а) получение информации доказательственного характера о преступлении, его участниках, местах сокрытия орудий и объектов преступной деятельности; б) розыск скрывшегося обвиняемого (подозреваемого);

Соответственно фактическими основаниями производства рассматриваемого следственного действия являются доказательства, указывающие на возможность достижения какой-либо (или нескольких) из перечисленных целей.

В качестве юридических оснований наложения ареста и выемки почтово-телеграфной корреспонденции ч. 2 ст. 185 УПК РФ называет решение суда единственным основанием производства рассматриваемого следственного действия, а ч. 3 устанавливает требования к содержанию ходатайства следователя о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления. Среди этих требований (всего их четыре) выделим необходимость указывать в ходатайстве, какие именно виды почтово-телеграфных отправок подлежат аресту. Арест не обязательно должен носить «сплошной» характер, все зависит от целей, которые ставит перед собой следователь. Если его интересует, например, переписка обвиняемого, нет необходимости задерживать почтовые переводы денежных средств. С точки зрения защиты частной жизни такой избирательный подход представляется оптимальным.

Уголовно-процессуальный закон не дает следователю права арестовывать, осматривать и изымать корреспонденцию без судебного решения даже в неотложных случаях. По отношению к осмотру и выемке это оправдано, но промедление с задержанием корреспонденции может повлечь для дела негативные последствия. Если следователю становится известно,

что на почте находится письмо или телеграмма, имеющие исключительно важное значение для раскрытия преступления, он должен обладать правом вынести постановление о задержании корреспонденции на определенный срок (например, до 24 часов с момента вынесения постановления). В течение этого срока следует получить разрешение суда на осмотр и выемку этой корреспонденции, в противном случае письма и телеграммы направляются адресату. Думается, что появление в УПК такого правила будет способствовать установлению истины по делу и в то же время, обеспечивать сохранение в тайне содержания переписки.

Уголовно-процессуальное законодательство РФ не дает ответа на вопрос, чья корреспонденция может быть подвергнута аресту, осмотру и выемке.

Б.Т. Безлепкин считает, что арест может быть наложен на корреспонденцию не только обвиняемого или подозреваемого, но и любого другого лица, если она имеет значение для дела²⁵⁷. В.П. Божьев, напротив, полагает, что отсутствие в УПК перечня лиц, на корреспонденцию которых может быть наложен арест, не означает, что арест может быть наложен на корреспонденцию любого лица. «Такой вывод не соответствовал бы положениям ст. 23 Конституции РФ, гарантирующей тайну переписки. Арест может быть наложен лишь на корреспонденцию подозреваемых, обвиняемых и связанных с ними лиц»²⁵⁸.

С последним утверждением трудно согласиться. Полагаем, что конституционная норма ограничивает действие ст. 185 УПК РФ только в части формального основания производства данного следственного действия. Никаких ограничений по кругу субъектов из ст. 23 Конституции, на наш взгляд, не следует.

Представляется, что это упущение законодателя, которое может повлечь необоснованное вмешательство в частную жизнь граждан. Для того,

²⁵⁷ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.А. Лутинской, И.Л. Петрухина. - М., 1999. - С. 239.

²⁵⁸ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. В. М. Лебедева. - М., 2000. - С. 341.

чтобы исключить произвольное вторжение в тайны почтово-телеграфных сообщений граждан, в законе следует особо оговорить, что ограничение этих тайн возможно только в отношении подозреваемого, обвиняемого и лиц, с которыми они поддерживают связь через почту и телеграф²⁵⁹. И.Л. Петрухин предлагает более радикальный вариант: выделить из круга лиц, связанных с обвиняемым (подозреваемым), тех, которые, переписываясь с обвиняемым, пользуются его особым доверием и могут получить от него сведения, интересующие следствие²⁶⁰. Правильность такой позиции вызывает сомнение, прежде всего, из-за неопределенности критерия «лица, пользующиеся особым доверием». Ограничителем для тотального контроля за всеми близкими и знакомыми обвиняемого должны служить фактические основания производства рассматриваемого следственного действия.

В соответствии с ч. 5 ст. 185 УПК РФ, осмотр и выемка корреспонденции производятся с участием понятых из числа сотрудников почтово-телеграфного учреждения. Это важная гарантия неразглашения тайны почтово-телеграфных отправлений, так как указанные лица обязаны хранить ее уже в силу своих должностных обязанностей. На наш взгляд, целесообразно дополнить ч. 5 ст. 185 УПК РФ требованием предупреждать прочих участников выемки и осмотра (специалиста и переводчика) о необходимости сохранения тайны почтово-телеграфных сообщений и об ответственности за ее нарушение.

Ч. 5 ст. 185 УПК РФ устанавливает специальные требования к протоколу осмотра почтово-телеграфных отправлений. В нем должно быть указано, кем и какие почтовые отправления были подвергнуты осмотру, скопированы, отправлены адресату или задержаны. Наложение ареста на корреспонденцию носит длящийся характер. Действующий уголовно-процессуальный закон устанавливает срок действия этой меры. Согласно ч. 6 ст. 185 УПК РФ, срок, на который принимается решение о наложении ареста

²⁵⁹ См.: Смолькова И.В. К вопросу о наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию // Перспективы совершенствования деятельности органов внутренних дел и государственной противопожарной службы. - Иркутск, 1999. - С. 108.

²⁶⁰ См.: Петрухин И.Л. Личные тайны: (Человек и власть). - М., 1998. - С. 75.

на корреспонденцию, ограничен сроком предварительного расследования. Кроме того, закон обязывает следователя уведомлять суд, принявший соответствующее решение, об отмене ареста почтово-телеграфных отправлений.

Гражданин, которому стало известно об аресте, осмотре и выемке его корреспонденции, вправе подать жалобу на незаконность и необоснованность этих действий в суд или прокурору. Если жалоба признана обоснованной, то жалобщику должно быть принесено официальное извинение. Разглашение тайны корреспонденции также влечет применение уголовно-правовых или дисциплинарных санкций. Уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений предусмотрена ст. 138 УК РФ. Остальные виды почтово-телеграфных отправлений (бандероли, посылки, денежные переводы) законодатель оставляет без защиты, что свидетельствует о том, что и уголовный закон нуждается в совершенствовании.

К следственным действиям, связанным с существенным вторжением в частную жизнь человека, относится контроль и запись телефонных и иных переговоров, которое с введением в действие УПК РФ приобрело регламентированную законодательную основу и становится часто применимым на практике²⁶¹ (ст. 186 УПК).

В системе следственных действий контроль и запись телефонных и иных переговоров занимает особое место. Как отмечает Н.Н. Мингалин «такое внимание законодателем уделяется данному следственному действию в связи с его новизной, а также тем, что может вызвать на практике множество различных проблем»²⁶², в том числе проблему обеспечения права лица на неприкосновенность частной жизни, охраны личной и семейной тайны.

Как пишет Т.Н. Москалькова, в демократическом правовом

²⁶¹ См.: Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. - М., 1981; Кальницкий В. В. Следственные действия. Омск, 2001 и др.

²⁶² Мингалин Н. Н. Контроль и запись переговоров в системе следственных действий // Следователь. 2003. № 12. - С. 34.

государстве, где свобода личности ставится во главу угла всех отношений, и, прежде всего, отношений уровня «государство-гражданин», сфера вмешательства в личную жизнь и семейные отношения резко ограничивается только крайними случаями, исчерпывающий перечень которых определяется законодательством. К их числу относятся, прежде всего, случай необходимости правовой защиты интересов граждан, которые сами не могут защитить свои имущественные и моральные интересы, в том числе в сфере уголовного процесса, а также ситуации, связанные с введением чрезвычайного или военного положения либо с защитой здоровья граждан²⁶³.

Соблюдаются ли данные условия существования демократического правового государства в новых уголовно-процессуальных нормах, регламентирующих контроль и запись переговоров? Анализ содержания ст. 186 УПК «Контроль и запись переговоров», позволяет утверждать, что требования по охране прав граждан на неприкосновенность частной жизни соблюдаются. Допускается проведение контроля и записи телефонных и иных переговоров только по судебному решению. При этом, судья вправе изучать все материалы уголовного дела, свидетельствующие о необходимости проведения контроля и записи переговоров, и получать пояснения от следователя. Осуществляется данное следственное действие в отношении подозреваемых и обвиняемых только по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении, а также в случаях необходимости защиты граждан (потерпевших, свидетелей и их близких) от применения в отношении них насилия, вымогательства и иных преступных действий.

Тем не менее, на наш взгляд, данная норма более соответствовала бы международно-правовому и конституционному принципу неприкосновенности частной жизни, при соблюдении следующих условий.

Установив продолжительность контроля и записи телефонных и иных переговоров сроком до 6 месяцев, законодатель не учел того обстоятельства,

²⁶³ См.: *Москалькова Т. Н.* Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования). - М., 1996. - С. 28.

что мониторинг за проведением следственного действия в течение столь продолжительного времени со стороны суда невозможен. Поэтому представляется целесообразным ограничить срок прослушивания (например, до 2-х месяцев) с возможностью его продления по аналогии с ч. 8 ст. 109 УПК. Тем самым можно было бы оптимально соблюсти баланс интересов личности и государства²⁶⁴.

Аналогичный порядок продления производства следственного действия следует распространить и на наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку (ст. 185 УПК).

Такой текущий судебный контроль представляется нам достаточно эффективным средством, обеспечивающим своевременное прекращение необоснованного ограничения права граждан на личную и семейную тайну при производстве названных выше следственных действий.

Кроме того, с целью недопущения необоснованного затягивания сроков вторжения в частную жизнь граждан путем производства контроля и записи телефонных и иных переговоров, надо обязать следователя ежемесячно истребовать от органа, осуществляющего контроль и запись переговоров, фонограмму для ее осмотра и прослушивания, чтобы своевременно прекратить производство данных контроля и записи из-за утраты их необходимости.

Заботу законодателя о личной и семейной тайне граждан отражает также закрепленное в ч. 8 ст. 186 УПК требование о необходимости хранения фонограммы, полученной в результате производства такого следственного действия, как контроль и запись переговоров «в условиях, исключающих возможность прослушивания и тиражирования фонограммы посторонними лицами и обеспечивающих ее сохранность».

Таким образом, с вторжением в частную жизнь граждан связан порядок производства большинства следственных действий. Это, прежде всего, обыск

²⁶⁴ См. более подробно: *Гонтарь С. Н., Пучкин С. А.* О соблюдении права на частную жизнь при производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров // Сб. научных трудов. Выпуск 2. - Ставрополь: СФ КА МВД России, 2004. - С. 214.

и выемка, сопряженные с вторжением в жилище, личный обыск, освидетельствование, производство судебной экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования, наложение ареста на имущество и почтово-телеграфную корреспонденцию, а так же контроль и запись переговоров.

Важнейшими уголовно-процессуальными гарантиями реализации права на неприкосновенность частной жизни граждан при производстве следственных действий являются: 1) решение суда как основание производства следственных действий, ограничивающих рассматриваемое право; 2) особенности процессуального порядка производства этих следственных действий, смягчающие последствия вторжения в частную жизнь; 3) правило о недопустимости разглашения сведений о частной жизни участников процесса, полученных в процессе производства следственных и процессуальных действий, без их согласия; 4) нормы о свидетельском иммунитете; 5) возможность проведения закрытого судебного заседания с целью охраны частной жизни.

Чтобы соблюсти международно-правовой и конституционный принцип неприкосновенности частной жизни, производство указанных действий должно быть поставлено под жесткий превентивный, текущий и последующий прокурорский надзор и судебный контроль.

На наш взгляд, все вышеперечисленные рекомендации по изменению и дополнению уголовно-процессуального законодательства позволят более реально гарантировать соблюдение международно-правового и конституционного принципа неприкосновенности частной жизни при производстве по уголовным делам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция реформирования уголовно-процессуального законодательства в современный период потребовала переориентировать систему представлений о роли личности в уголовном процессе.

Конституция Российской Федерации представила права и свободы человека высшей ценностью в государстве, гарантируя их первоочередную защиту. Это не могло не отразиться на создании охранительных барьеров, оберегающих эти права и свободы. В качестве одного из таких барьеров можно назвать институт, охраняемый законом тайны частной жизни. В системе общественных отношений данный социально-правовой институт играет важную роль. Человек выступает субъектом в различных правоотношениях, преследуя при этом частный интерес. Нередко данный интерес охвачен определенными сведениями, которые для определенного лица составляют предмет частной жизни, и он не желает выставлять их на всеобщее обозрение. Это, на наш взгляд, отправное начало существования какой-либо тайны, за исключением, пожалуй, государственной и служебной, где приоритетными ценностями, подлежащими защите, являются государственная безопасность в целом, либо личная безопасность отдельных лиц.

В целом, существование различного рода тайн для демократического государства - нормальное явление, одно из условий свободного развития и плодотворной деятельности личности. Но все это ценно и полезно до того момента, пока речь идет о правомерном порядке реализации правомочий и законном удовлетворении потребностей субъектами общественных отношений. А как быть, когда общественные связи подрываются преступным воздействием, а в процессе доказывания по уголовному делу необходимо использовать сведения, составляющие охраняемую законом тайну. За небольшим исключением, законодатель предоставляет возможность органам

предварительного расследования использовать подобного рода сведения, но одного разрешения на это не достаточно, необходим еще механизм его реализации.

Проведенное исследование проблем обеспечения неприкосновенности частной жизни как международно-правового и конституционного принципа уголовного судопроизводства позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию действующего законодательства:

1. Потребность в особой сфере человеческих отношений, закрытых для постороннего вмешательства, – неотъемлемый элемент нормального существования и развития каждого человека. Такую закрытую для постороннего вмешательства сферу жизни человека, можно определить как частную жизнь. **Частная жизнь лица это – нематериальное благо, состоящее из совокупности охраняемых законом тайн, охватывающих своим содержанием сведения о жизнедеятельности лица, недопустимые к разглашению кем бы-то ни было без волеизъявления того лица, кого эти сведения касаются.**

2. Потребность в автономии и свободе от внешнего контроля может быть реализована только при наличии государственного признания за лицом права на неприкосновенность частной жизни и установления правовых гарантий её неприкосновенности. **Право на неприкосновенность частной жизни можно определить как законодательно установленное и гарантированное принудительной силой государства право лица на личную и семейную тайну; свободу уединения; неприкосновенность жилища; свободу передвижения; свободу общения; тайну переписки, телеграфных сообщений, телефонных переговоров; адвокатскую и иную профессиональную тайну.** Рассматриваемое право получило свое нормативное выражение, прежде всего, в ряде закрепленных на конституционном и международном уровне личных прав.

3. Конституционный принцип неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве определяет взаимоотношения между

государственными органами, должностными лицами, ведущими процесс, и гражданами таким образом, что первые обязаны воздерживаться от вторжения в сферу рассмотренных выше личных прав и интересов вторых и всячески оберегать их от нарушений со стороны третьих лиц. Граждане же, вправе требовать от соответствующих органов неукоснительного выполнения указанной обязанности; они наделены достаточно широким комплексом средств воздействия на должностных лиц, обеспечивающих соблюдение и защиту личных прав и свобод или восстановление таковых в случае возможного нарушения.

Содержанием конституционного принципа неприкосновенности частной жизни выступают такие права человека и гражданина, как право на личную и семейную тайну; право на защиту своей чести и доброго имени; право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия; право на неприкосновенность жилища (ст. 23, 24, 25 Конституции РФ).

Непосредственного закрепления в уголовном судопроизводстве принцип неприкосновенности частной жизни не получил; он реализован в уголовном процессе опосредованно, через признание объектом правовой охраны тайны жилища, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а так же в правилах производства отдельных следственных действий.

4. Производство расследования по уголовному делу и достижение задач уголовного судопроизводства невозможно без вторжения и ограничения права участников уголовного судопроизводства на неприкосновенность частной жизни. Важное условие законности производства процессуальных и следственных действий, связанных с ограничением права лица на неприкосновенность частной жизни, – это минимизация негативных последствий подобного законного вторжения и исключение незаконных фактов нарушения рассматриваемого права.

Реализация конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни в уголовном судопроизводстве предполагает совершенствование уголовно – процессуального законодательства, направленное на разработку и реализацию уголовно - процессуальных гарантий обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства.

5. Уголовно-процессуальные гарантии права на неприкосновенность частной жизни - это законодательно установленные, различные по своему конкретному содержанию, средства и способы, в совокупности своей обеспечивающие реализацию указанного права участвующих в производстве по уголовному делу лиц.

Развитие уголовно – процессуального законодательства и создание эффективных средств реализации в уголовном судопроизводстве конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни направлено на охрану прав и свобод человека и гражданина, что, безусловно, служит достижению задач уголовного судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЯ

ЗАКОНЫ, НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ

1. Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 15.03.2013).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ и от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 15.03.2013).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ: ред. от 05.04.2013. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 05.04.2013).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: ред. от 05.04.2013. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 05.04.2013).

5. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: ред. от 23.02.2013 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 15.03.2013).

6. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ: ред. от 05.04.2013. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: <http://www.consultant.ru>.

- (Дата обращения: 05.04.2013).

7. О полиции: федер. закон Рос. Федерации от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ: ред. от 05.04.2013. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 05.04.2013).

8. О государственной тайне: закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 № 5485-1 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 30.04.2013).

9. О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 № 403-ФЗ: ред. от 03.12.2012 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 15.03.2013).

10. Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан: федер. закон Рос. Федерации от 27 апреля 1993 № 4866-ФЗ: ред. от 09.02.2009 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 15.03.2013).

11. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 17 января 1992 г. № 2202: ред. от 03.12.2012 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 15.03.2013).

12. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ: ред. от 21.11.2011 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 15.03.2013).

13. О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации / Указ Президента РФ от 23.11.1998 № 1422 (ред. от 23.05.2012) // Собрание законодательства РФ», 30.11.1998, № 48, ст. 5923.

14. О некоторых мерах по реформированию Министерства внутренних

дел Российской Федерации / Указ Президента РФ от 18.02.2010 № 208 (ред. от 01.03.2011) // Собрание законодательства РФ», 22.02.2010, № 8, ст. 839.

15. О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов: Приказ МВД РФ от 08.11.2011 № 58 // «Российская газета», № 294,

УЧЕБНИКИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ И МОНОГРАФИИ

16. Авдеев М.Ю. К вопросу о содержании и значении категории "частная жизнь" в современном конституционном законодательстве // Новый юридический журнал. 2012. N 4. С. 83 - 89.

17. Айвен Хендрикс, Трудс Хейден, Джек Д. Новик. Ваше право на неприкосновенность частной жизни. СПб., 1996. – 120 с.

18. Алиев Т.Т., Громов Н.А. Основные начала уголовного судопроизводства. М., 2003. – 144 с.

19. Андрианов С.Н., Берсон А.С., Никифоров А.С. Англо-русский юридический словарь. М., 1993. – 509 с.

20. Ахпанов А.Н. Меры процессуального принуждения: социальная ценность, теория и практика применения. Уч. пособие. Караганда, 1989.– 93с.

21. Ахтерова О.А., Иваненко Т.В. Латинский язык и основы юридической терминологии. М., 1998. – 300 с.

22. Аширбекова М.Т., Жигалов С.В. Вопросы защиты прав и законных интересов свидетеля // Обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2003. – 56 С.

23. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. – 210.

24. Баранов В.М., Гущериев Х.С., Евдокимов С.Е., Сальников В.П., Шапиева О.Г. Основы Конституции Российской Федерации. СПб., 1992. – 196 с.

25. Бастрыкин А.И., Крылов И.Ф. Розыск, дознание, следствие. Учеб. пособие. Ленинград, 1984. – 217 с.

26. Безлепки́н Б.Т. Судебно-правовая защита прав и свобод граждан в отношениях с государственными органами и должностными лицами. М., 1997. – 122 с.
27. Белкин А.Р. Теория доказывания: Научно-методическое пособие. М., 1999. – 429 с.
28. Белозёров Ю.Н., Рябоконь В.В. Производство следственных действий. М., 1990. – 66 с.
29. Берекашвили Л.Ш., Игнатов В.П. Обеспечение прав человека и законности в деятельности правоохранительных органов. Учебное пособие. М., 2001. – 163 с.
30. Бессмертный Ю.Л. Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. – 582 с.
31. Боботов С.В. Правосудие во Франции. М., 1994. – 198 с.
32. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: Учебное пособие. М., 1997. – 304 с.
33. Волженкина В. М. Европейская конвенция о защите прав человека и российский уголовный процесс. СПб., 1998. – 47 с.
34. Волженкина В.М. Нормы международного права в российском уголовном процессе. СПб., 2001. – 359 с.
35. Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство: Монография. М., 2001. – 352 с.
36. Гражданское право. Учебник / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. СПб., 1996. – 552 с.
37. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М., 1999. – 542 с.
38. Громов Н.А., Полунин С.А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М., 1998. – 150 с.
39. Громов Н.А., Пономаренко В.А., Франциферов Ю.В. Уголовный процесс России: Учебник. М., 2001. – 555 с.
40. Гуляев А.П., Комаров Б.В., Малиновкин С.М. Комментарий к

Положению о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления». М., 1982. – 55 с.

41. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1989. – 290 с.

42. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. Т. 4. М., 1956.

43. Денисов А.И. Конституционный статус личности в СССР. М., 1979. – 160 с.

44. Денисов А.И. Общая система социалистической демократии. М., 1975. – 240 с.

45. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. – 198 с.

46. Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск, 1994. – 320 с.

47. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. – 225 с.

48. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. – 318 с.

49. Закон божий. Вторая книга о православной вере. Тула, 1991. – 237 с.

50. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. – 137 с.

51. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. – 63 с.

52. Кальницкий В.В. Следственные действия. Омск, 2001. – 80 с.

53. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. М., 1999. – 332 с.

54. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным Уставам 1864 года. Ч. 3. СПб., 1869. – 645 с.

55. Кибальник А.Г., Кузьмин С.В., Соломоненко И.Г. Тайна в уголовном праве. – Ставрополь, 2000. – 80 с.

56.

Клюк

ов Е.М. Меры процессуального принуждения. - Казань, 1974. – 110 с.

57. Кобликов А.С. Юридическая этика: Учебник для вузов. – 2-е изд., с изм. М., 2003. – 176 с.

58. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 1999. – 218 с.

59. Комарова Н.А., Сидорова Н.А. Судебная этика. СПб., 1993. – 136 с.

60. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Л.А. Окунькова. М., 1996. – 716 с.

61. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.А. Лупинской, И.Л. Петрухина. М., 1999. - 576 с.

62. Кони А.Ф. Речь по делу Ольги Палем, обвиняемой в убийстве студента Ловнар. Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. М., 1958.

63. Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. — Т. 4.— М., 1967.

64. Конституция Российской Федерации. Научно-практический, комментарий / Под ред. Б.Н. Топорнина. М., 1997. – 716 с.

65. Конституция Российской Федерации: Словарь-справочник / Авт. кол.: В.А. Туманов, В.Е. Чиркин, Ю.А. Юдин и др. СПб., 1995. – 256 с.

66. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М., 1992. – 112 с.

67. Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987. – 180 с.

68. Красавчикова О.Л. Личная частная жизнь под охраной закона. М., 1983. – 160 с.

69. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986.

70. Кулагин Н.И. Психология и этика управления в следственном аппарате органов внутренних дел. - Волгоград, 1981.

71. Кулагин Н.И., Попова В.В. Культура и профессиональная этика следователя. – Саратов, 2002.

72. Курс советского уголовного процесса: Общая часть. В.Б. Алексеев, Л.Б. Алексеева, В.П. Божьев и др. / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. – 640 с.
73. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в уголовном процессе. М., 1973. – 199 с.
74. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. – 159 с.
75. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки / Под ред. В.М. Савицкого. М., 1997. – 314 с.
76. Лебедев В.М. Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии: Учебное пособие. М, 2001. – 160 с.
77. Любичев С.Г. Этические основы следственной тактики. М., 1980. – 95 с.
78. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001. – 243 с.
79. Мальцев Г.В. Происхождение и ранние формы права и государства // Проблемы общей теории права и государства. М., 1999. – 189 с.
80. Мартынчик Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Кишинев, 1982. – 188 с.
81. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. - 293 с.
82. Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии). Учебное пособие. М., 1998. – 208 с.
83. Мелентьев М.Б. Комментарий к Федеральному закону о содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. М., 1996.
84. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном

процессе. М., 1996. – 304 с.

85. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно - процессуальная форма). М., 2003. – 144 с.

86. Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1996. – 125 с.

87. Мотовиловкер Я.О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Воронеж, 1984. – 152 с.

88. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М., 1992. – 842 с.

89. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ ред. В. М. Лебедева; Науч. ред. В.П. Божьев. М., 2002. – 991 с.

90. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Под ред. Л.Д. Кокорева. Воронеж. 1984. – 159 с.

91. Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Учебное пособие. Рязань, 1975.

92. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985. – 797 с.

93. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. – 944 с.

94. Очередин В.Т. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве: Учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2004. – 100 с.

95. Патюлин В.А. Государство и личность в СССР. М, 1974. – 199 с.

96. Петрухин И.Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. М., 1989. – 192 с.

97. Петрухин И.Л. Личные тайны: (Человек и власть). М., 1998. – 230 с.

98. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. – 252 с.

99. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. – 239 с.

100. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности / Под науч. ред. В.Т. Томина. Н.Новгород, 2001.
101. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. - 271 с.
102. Преступность и правонарушения (1997-2001). Статистический сборник. М., 2002. – 180 с.
103. Прокудина Л.А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов (научно-практический комментарий). 2-е изд., М., 1998. – 144 с.
104. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. - 277 с.
105. Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М., 2001. – 312 с.
106. Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984.
107. Ростовщиков И.В. Реализация прав личности и деятельность органов внутренних дел. Волгоград, 1996. – 100 с.
108. Руководство для следователей / Под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. М., 1998. – 732 с.
109. Рыжаков А.П. Уголовный процесс: Учебник. М., 2002. – 704 с.
110. Савицкий В.М., Ларин А.М. Уголовный процесс: Словарь - справочник. М., 1999. – 181 с.
111. Смолькова И.В. Тайна: Понятие, виды, правовая защита М., 1998. – 80 с.
112. Смолькова И.В. Частная жизнь граждан: основания и пределы уголовно-процессуального вмешательства. М., 1997. – 85 с.
113. Стремоухов А.В. Человек и его правовая защита. СПб., 1986.
114. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958.

115. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. – 470 с.
116. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939.
117. Строгович М.С. Судебная этика. М., 1974.
118. Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 2000. – 595 с.
119. Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. – 475 с.
120. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. – 671 с.
121. Теория права и государства / Под ред. Г.Н. Манова. М., 1996. – 258 с.
122. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. – 240 с.
123. Уголовно – процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2003. – 797 с.
124. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. Ред. П.А. Лупинская. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
125. Уголовный процесс России: Учебник / Науч. ред. В.Т. Томин. М., 2003. – 821 с.
126. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., М., 2002. – 704 с.
127. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. И.Л. Петрухина. М., 2001. – 517 с.
128. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1998. – 608 с.
129. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2000. – 608 с.
130. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. С.А. Колосовича, Е.А.

Зайцевой. М., 2003. – 512 с.

131. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. Шадрина В.С., Волгоград, 2000. – 264 с.

132. Уголовный процесс: Учебник / Под. ред. В.П. Божьева. М., 1998. – 591 с.

133. Хитрова О.В. Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве. М., 1998. – 80 с.

134. Хрестоматия по уголовному процессу России // Автор-сост. Э.Ф. Куцова. М., 1999. – 269 с.

135. Цыкин А.Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов, 1959.

136. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962.

137. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. – 846 с.

138. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. – 232 с.

139. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Монография. Волгоград, 1997. – 220 с.

140. Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990. – 195 с.

141. Шейфер С.А. Следственные действия: система и процессуальная форма. М., 1981. – 127 с.

142. Эбзеев Б.С. Советское государство и права человека: Конституционные вопросы. Саратов, 1986. – 218 с.

143. Якупов Р.Х. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Галузо. М., 1998. – 448 с.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ, ИНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

144. Александров А.С. Каким не быть предварительному следствию // Гос. и право. 2001. № 9.
145. Амрахов Н.И. Анализ поводов к возбуждению уголовных дел по преступлениям в сфере неприкосновенности и тайны частной жизни // Российский следователь. 2012. N 20. С. 8 - 10.
146. Аширбекова М.Т. Действия, принципы публичности в доказывание по уголовным делам в суде. // Сб. науч.тр. Волгоград, 2002.
147. Аширбекова М.Т. Расширение субъективных прав - важное направление судебной реформы. Материалы межвузовской практической конференции. Волгоград, 2002.
148. Багаутдинов Ф. Состояние и перспективы судебного контроля // Рос. юстиция. 2001. № 3.
149. Баранов В.М. О законодательном определении категории «частная жизнь» // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни: Сборник научн. тр. Ч. 1. Н.Новгород, 1999.
150. Баринов С.В. Типовая криминалистическая характеристика преступных нарушений неприкосновенности частной жизни // Российский следователь. 2011. N 14. С. 2 - 4.
151. Беляева Н.Г. Право на неприкосновенность частной жизни: международно-правовое и внутригосударственное регулирование // Российский юридический журнал. 2000. № 1.
152. Бойков А.Д. Современные тенденции развития уголовно - процессуального законодательства и некоторые вопросы теории // Сб. «Укрепление законности в уголовном судопроизводстве». М., 1986.
153. Бойцова Л. Возмещение ущерба «жертвам правосудия» в России // Рос. юстиция. 1994. № 6.
154. Бородинов В. Нарушение принципов уголовного процесса – основание отмены приговора // Рос. юстиция. 2002. № 8.
155. Бушков Д.В. Право на тайну личной корреспонденции как объект

уголовно-правовой охраны // Общество и право. 2004. № 2.

156. Быков В. М. Принципы уголовного процесса по Конституции РФ 1993 г. // Рос. юстиция. 1994. № 8.

157. Верещагина А.В. Новеллы Уголовно-процессуального кодекса: концептуальный аспект // Журнал российского права. 2003. № 10.

158. Ветрова Г.Н. Закон и нравственность в уголовном судопроизводстве // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. № 1. 1996.

159. Власихин В. Феномен Верховного Суда США: Американский ареопаг в первом доме на Первой улице // Рос. юстиция. 2000. № 11.

160. Воронова Н. Что понимать под «неприкосновенностью частной жизни» // Рос. юстиция. 2000. № 3.

161. Головкин Р.Б. Право на неприкосновенность частной жизни в пенитенциарной системе современной России // Закон и право. 2004. № 4.

162. Голубев С. Банковская тайна как предмет уголовно-правовой и иной правовой охраны // Уголовное право. – 2003. - № 1.

163. Гонтарь С.Н., Пучкин С.А. О соблюдении права на частную жизнь при производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров // Сб. научных трудов. Ставрополь. СФ КА МВД России, 2004.

164. Гонтарь С.Н., Сопнева Е.В. Тайна исповеди: частная жизнь и общественный интерес // Социально-политические исследования на Ставрополье: Сборник докладов и сообщений по материалам первой международной научно-практической конференции / Под ред. Б.Д. Иванникова, академика РАН; Г.А. Копылова, профессора; А.В. Панкратова, профессора. – Москва – Ставрополь: ИСПИ РАН, 2004.

165. Гриненко А.В. Конституционные гарантии прав и законных интересов участников досудебного производства по уголовному делу // Адвокатская практика. 2002. № 1.

166. Гришаев С.П. Право на неприкосновенность частной жизни // СПС КонсультантПлюс. 2012.

167. Деменева А. Врачебная тайна – от самого пациента //

Правозащитник. 2004. № 2.

168. Добровольская Т.Н. Гарантии прав граждан в уголовном судопроизводстве // Сов. государство и право. 1980. № 2.

169. Долгушин А.В. Судебный контроль в стадии предварительного расследования. Сб. Современные проблемы правоохранительной деятельности. Волгоград, 1995.

170. Зарицкий А., Малахова В. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища // Уголовное право. – 2003. - № 2.

171. Здриковский В.А. К понятию гарантий объективности уголовно-процессуального исследования // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы. Свердловск, 1968.

172. Золотых В. Заключение под стражу по решению суда (обобщение практики применения ст. 108 УПК РФ) // Рос. юстиция. 2002. № 11.

173. Ивлиев Г.П. Основания и цели применения мер процессуального принуждения // Гос. и право. 1995. № 11.

174. Игнатов С. Стратегия и тактика деятельности адвоката-защитника по уголовному делу // Уголовное право. – 2003. - № 1.

175. Кадников Б.Н. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: научно-практическое пособие / под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2011. 136 с.

176. Кальницкий В. Обоснованность производства следственных действий как предмет судебной оценки // Рос. юстиция. 2003. № 2.

177. Кальченко Н.В., Филимонова А.Н. Этические аспекты правомерного вторжения в сферу личной тайны при производстве следственных действий // VIII Межвузовская конференция студентов и молодых ученых г. Волгограда и Волгоградской области. Вып. 3: Права человека. Волгоград, 2004.

178. Каминская В.И. В чем значение процессуальных гарантий в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1950. № 5.

179. Каминская В.И. Охрана прав и законных интересов граждан в

уголовно-процессуальном праве // Сов. государство и право. 1968. № 10.

180. Киртаев А.С. К вопросу о возмещении вреда, причиненного незаконным заключением под стражу в порядке меры пресечения // Российский следователь. 2003. № 4.

181. Ковтун Н.Н. Соотношение частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве РФ: время выбора. // Гос. и право. 1995. № 11.

182. Козлов А.М. Конституционное право на защиту в уголовном судопроизводстве: спорные вопросы практики // Журнал российского права. 2004. № 5.

183. Козулин А.И. Об источниках прав человека // Гос. и право. 1994. № 2.

184. Кокорев Л.Д., Лукашевич В.З. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Ленинградского университета. 1977. № 11. Экономика, философия, право. Вып. 2.

185. Кондратов П.Е. Гарантии интересов обвиняемого, как фактор, определяющий формирование и осуществление советской уголовной политики // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе. Ярославль, 1981.

186. Кротов А.В. Соотношение права на частную жизнь с правом на жизнь, свободу и личную неприкосновенность // Адвокат. 2011. N 1. С. 32 - 39.

187. Крылов А.В. К вопросу об определении тайны следствия // Российский следователь. 2003. № 9.

188. Кулагин Н.И. В защиту прав и интересов следователя / Сб. Права человека и правоохранительная деятельность (Франко-Российский семинар). – Волгоград, 1995.

189. Кучерена А. Адвокатская тайна // Законность. – 2003. - № 2.

190. Лопатин В.Н. Защита права на неприкосновенность частной жизни // Журнал российского права. 1999. № 1.

191. Луговец Н.В. Меры уголовно-процессуального принуждения, их понятие и значение // Следователь. 2003. № 7.
192. Майорова Л.В. Охрана тайн в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 1999.
193. Малеина М.Н. Содержание и осуществление личных неимущественных прав граждан: проблемы теории и законодательства // Гос. и право. 2000. № 2.
194. Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого. Проблемы применения данной меры процессуального принуждения // Закон и право. 2004. № 10.
195. Мепаришвили Г.Д. О неприкосновенности личной документации граждан в уголовном процессе // Гос. и право. 1996. № 1.
196. Меркулов В.В., Кравченко А.В. Институт банковской тайны: понятие и проблемы его практического применения // Банковское право. - 2003. - № 1.
197. Мингалин Н.Н. Контроль и запись переговоров в системе следственных действий // Следователь. 2003. № 12.
198. Михайлов М.А. Регулирование распространения информации в процессе расследования // Российский следователь. – 2002. - № 12.
199. Муратова Н.Г., Чулюкин Л.Д. Понятие и правовая природа судебного контроля по уголовным делам // Российский судья. 2004. № 3.
200. Новиков В. Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // Уголовное право. 2011. N 1. С. 43 - 49.
201. Новицкий В.А. Тенденция развития уголовного процессуального права XX века // Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития: Сборник научных трудов: В 2-х частях / Под ред. Е.Н. Шиянова, О.И. Лепилкиной. Ч. 2. М., 2002.
202. Паршуткин В. Всегда ли оправданно сохранение тайны усыновления // Рос. юстиция. 1999. № 3.

203. Петрухин И. Можно ли обжаловать в суд постановление о возбуждении уголовного дела? // Рос. юстиция. 2002. № 4.
204. Петрухин И.Л. Частная жизнь: (Правовые аспекты) // Гос. и право. 1999. №1.
205. Подольный Н. Основания принятия процессуальных решений // Рос. юстиция. 1999. № 2.
206. Поляков М.П. О защите обвиняемого и «защите от обвиняемого» // Гос. и право. 1998. № 4.
207. Поляков М.П. О ценности обрядовой стороны уголовного судопроизводства // Гос. и право. 1999. № 9.
208. Поляков М.П. Размышления о смысле уголовного процесса и его современных задачах // Нижегородский юрист. Вып. 1. Н.Новгород. 2000.
209. Преснякова А.В. Право на неприкосновенность частной жизни в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2010. N 8. С. 18 - 19.
210. Пузанов И. Без права на частную жизнь // ЭЖ-Юрист. 2010. N 49. С. 8 - 9.
211. Романовский Г.Б. Нормативное закрепление права на неприкосновенность частной жизни // Юрист. 2000. № 11.
212. Руднев В. Возмещение ущерба при незаконном аресте // Рос. юстиция. 1997. № 12.
213. Руднев В.И. Задержание и заключение под стражу должны быть не только обоснованными, но и законными // Журнал Российского права. 2004. № 9.
214. Сапожников Н. Правовой режим банковской тайны // Законность. 2001. № 7.
215. Семилетов С.И. Информация как особый нематериальный объект права // Гос. и право. 2000. № 5.
216. Сергеев А.И. Укрепление законности при задержании подозреваемого, 27 съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка/

Под ред. С.В. Бородина, И.И. Карпеца. М.: ИГПАН СССР. 1987.

217. Смолькова И.В. Гласность и тайна в уголовном процессе // Законность. 1998. № 7.

218. Смолькова И.В. Защита тайн частной жизни уголовно-процессуальным законом // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни. Ч. II. Н.Новгород: Нижегород.юрид.ин-т МВД РФ, 1999.

219. Соловьев А. Обеспечение обоснованности проведения осмотра жилища, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства // Уголовное право. 2004. № 2.

220. Спицын В. Заключение под стражу: некоторые итоги правоприменительной практики // Закон и право. 2004. № 1.

221. Тертышник В. Принцип неприкосновенности личной жизни в современном уголовном процессе // Уголовное право. 2003. № 4.

222. Томин В.Т. Механизм воздействия коммунистического мировоззрения на уголовное судопроизводство // Проблемы советского государства и права. 1972. № 3.

223. Томин В.Т. О понятии принципа советского уголовного процесса. М.: Труды Высшей школы МООП РСФСР, 1965. Вып. 12.

224. Томин В.Т. О противоречиях между правом граждан и общества на информацию об уголовном судопроизводстве и правом на защиту неприкосновенности частной жизни. // Сб. науч. статей. Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1999.

225. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. // Сб. науч. статей. Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1999.

226. Трунов И.Л. Обжалование действий и решений суда и должностных лиц в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2004. № 2.

227. Трунова Л. Меры пресечения в уголовном процессе:

ответственность за их несоблюдение // Уголовное право. 2003. № 1.

228. Францифоров Ю.В. Значение независимости судебной власти и эффективности средств судебной защиты прав человека // Российский судья. 2002. № 4.

229. Химичева О. Уголовно-процессуальная регламентация права заявлять ходатайства // Законность. 2004. № 2.

230. Хуратова Б.Г. Реализация права пациента на врачебную тайну в современных условиях // Медицинское право и этика. 2003. № 2.

231. Чувилев А.П. Строго соблюдать законность при задержании подозреваемого в совершении преступления // Соц. законность. 1968. № 2.

232. Чупахин Р. Институт понятого в уголовном процессе нуждается в совершенствовании // Следователь. 2003. № 4.

233. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе // Гос. и право. 1994. № 4.

234. Шарнина Л.А. Злоупотребление конституционными правами и злоупотребление полномочиями: общее и особенное // Конституционное и муниципальное право. 2012. N 12. С. 9 - 15.

235. Юров В.Ю. Некоторые проблемы охраны прав и свобод при производстве следственных действий // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 1999.

236. Яшин А.А. Особенности реализации конституционного принципа уважения чести и достоинства личности при производстве отдельных следственных действий // Следователь. 2003. № 7.

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

237. Работа федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей Российской Федерации в первом полугодии 2003 года // Рос. юстиция. 2004. № 1.

238. Извлечение из постановления Президиума Брянского областного суда от 07 августа 2002 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 1.

239. Отчет Следственного комитета МВД России «О состоянии и результатах работы органов предварительного следствия в системе МВД России в 2000 году».

240. Постановление № 969п-02 по делу Протасова. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2003 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

241. Представление прокурора прокуратуры Промышленного района г. Ставрополя по фактам грубого нарушения норм уголовно – процессуального законодательства. Надзорное производство 22-04м по уголовному делу № 23118.

242. Представление прокурора Ставропольской транспортной прокуратуры по фактам грубого нарушения норм уголовно – процессуального законодательства. Надзорное производство 07-14-1-04 по уголовному делу № 2450017.

243. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 февраля 1997 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 6.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

244. Антонов И.А. Уголовно-процессуальная деятельность следователей органов внутренних дел: нравственно-правовые критерии ее оценки // Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2000. – 224 с.

245. Волошкина Н.Н. Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни при производстве предварительного следствия // Дис... канд. юрид. наук. М., 2000. – 199 с.

246. Григонис Э.П. Механизм государства (теоретико-правовой

аспект) // Дис... докт. юрид. наук. СПб., 2000. - 450 с.

247. Калашникова Е.Е. Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности информации о частной жизни // Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2001. - 24 с.

248. Лазарева В.С. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики // Автореф. дис... докт. юрид. наук. М., 2000. - 420 с.

249. Сабикенов С. Сочетание общественных и личных интересов в советском праве // Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1969.

250. Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе // Дис. ... докт. юрид. наук. Иркутск, 1998.- 404 с.

251. Стригалева Д.К. Неприкосновенность частной жизни как международно-правовой и конституционный принцип деятельности органов предварительного следствия системы МВД // Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2002. – 221с.

252. Федоров А.П. Человек и правоохранительная деятельность: философско-правовой аспект // Дис... докт. юрид. наук. СПб., 1996. – 378 с.

253. Шаповалова Т.И. Залог как мера пресечения в уголовном процессе и его применение следователями органов внутренних дел // Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2001.

254. Григорьев И.Б. Конституционное право на тайну сообщений как элемент института неприкосновенности частной жизни в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12, 13.